

Ф | амфора

ДИРЕКЦИЯ
КИНО

ВЫСОЦКИЙ

каюсь! каюсь! каюсь!

Thompson

ВЫСОЦКИЙ

каюсь! каюсь! каюсь!

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)5
В 93

Редакционная коллегия:

Н. В. Высоцкий, С. В. Жильцов, А. В. Максимов, В. Б. Назаров, Е. А. Трофимов

Составление и комментарии П. Е. Фокина

Подготовка текста, научное консультирование и текстологические комментарии С. В. Жильцова

При составлении комментариев учтены воспоминания современников В. С. Высоцкого и наблюдения исследователей его творчества, зафиксированные в монографиях и научных публикациях, в частности в книгах: Живая жизнь. Штрихи к биографии Владимира Высоцкого / Сост. В. К. Перевозчиков. Вып. 1–3. М., 1988–1992; *Высоцкий В. Я*, конечно, вернусь... / Сост. Н. А. Крымова. М., 1988; Четыре четверти пути / Сост. А. Е. Крылов. М., 1988; Владимир Высоцкий в кино / Сост. И. И. Роговой. М., 1989; *Новиков В. И.* Высоцкий. М., 2002 (Серия «ЖЗЛ»); *Скобелев А. В.* «Много неясного в странной стране...». Вып. I. Ярославль, 2007; Вып. II. Воронеж, 2009; *Цыбульский М.* Планета Владимир Высоцкий. М., 2008; *Крылов А. Е., Кулагин А. В.* Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта. М., 2010; *Перевозчиков В. К.* О Высоцком. Только самые близкие. М., 2011; Мир Высоцкого: Альманах. Вып. 1–6; и др., а также на сайтах «Владимир Высоцкий. Каталоги и статьи» <http://v-vysotsky.narod.ru/>; «Миры Высоцкого» <http://vv.mediaplanet.ru/index>

В оформлении издания использованы фотографии А. Стернина, Л. Мончинского, Б. Ведьмина, И. Бахтина, Н. Постникова, Л. Сидорского, Б. Федосова, О. Ширяевой, Г. Лисютича, Ю. Астахова, В. Перельмана, Г. Дроздецкой, О. Трубского, Н. Кане, Р. Сигаева, А. Феоктистова, А. Укладникова, А. Шайхета, агентства «Фото ИТАР–ТАСС», а также из архивов Государственного культурного центра-музея В. С. Высоцкого, Творческого объединения «Ракурс», В. Туманова, А. Стернина, О. Васина, Н. Кане, А. Денисова, М. Цыбульского, С. Жильцова, О. Трубского, копии автографов из фонда 3004 Российского государственного архива литературы и искусства и С. Жильцова, В. Наумова. Издательство выражает благодарность за помощь в работе над книгой И. Данилову, С. Алексееву, А. Ковановскому, И. Рахманову, Б. Акимову, А. Демидову, И. Дементьеву, В. Дузь-Кратченко, Д. Фединой, А. Бобосову, С. Смирнову, Ю. Воробьеву, В. Туманову, Ю. Демкиной, Н. Михайловой

*Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»*

Высоцкий В.

В 93 Каюсь! Каюсь! Каюсь! : [стихотворения] / Владимир Высоцкий ; [сост. и коммент. П. Фокина ; подгот. текста С. Жильцова]. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2012. — 127 с. : ил.

ISBN 978-5-367-02117-2

В книгу включены стихи и песни, составляющие творческое кредо В. Высоцкого.

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)5

ISBN 978-5-367-02117-2

© Высоцкий В. С., наследники, 2012
© Дирекция Кино, 2012
© Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2012

Содержание

I. CREDO	9
«День на редкость — тепло и не тает...»	10
Кони привередливые	12
Гитара	14
Беспокойство	16
«Подымайте руки, в урны суйте...»	17
Я не люблю	18
В темноте	20
Не волнуйтесь!	21
«Нараспашку — при любой погоде...»	22
Певец у микрофона	24
Горизонт	28
Мой Гамлет	30
«Когда я отпою и отыграю...»	35
Памятник	36
Я из дела ушел	40
«Мне судьба — до последней черты, до креста...»	42
II. ЛИЧНОЕ ДЕЛО	45
Лечь на дно	46
«Машины идут, вот еще пронеслась...»	47
Зарисовка о Ленинграде	48
Моя «цыганская»	50
Я уехал в Магадан	52
«Я скольжу по коричневой пленке...»	54
«Надо с кем-то рассорить кого-то...»	55
«Я все вопросы освещу сполна...»	56
«Прошла пора вступлений и прелюдий...»	58
Я к вам пишу	60
«Я бодрствую, но вещий сон мне снится...»	62
«Я скачу позади на полслова...»	64
«Не могу ни выпить, ни забыться...»	65

«И не пишется, и не поется...»	67
Баллада о детстве	68
Песня о Судьбе	78
«Ах, откуда у меня грубые замашки?!»	80
«Давайте я спою вам в подражание радиолам...»	81
Две судьбы	82
«Снег скрипел подо мной, поскрипев, затихал...»	85
«Напрасно я лицо свое разбил...»	86
«Я никогда не верил в миражи...»	87
«Мой черный человек в костюме сером...»	88
«Слева бесы, справа бесы...»	90
«Новые левые — мальчики brave...»	91
«Пародии делает он под тебя...»	92
«Мне скулы от досады сводит...»	94
«Копоятся — а мне невдомек...»	96
Грусть моя, тоска моя	97
 III. СКОРБНЫЕ ЛИСТЫ	 99
 Про сумасшедший дом	 100
«Я сказал врачу: „Я за все плачу!..“»	102
«И душа, и голова, кажись, болит...»	103
«Я лежу в изоляторе...»	106
Палата наркоманов	107
«Я уверен, как ни разу в жизни...»	108
«Ядовит и зол, ну словно кобра я...»	109
Конченный человек	110
«Что брюхо-то поджалось-то...»	111
История болезни	112
I. Ошибка вышла	112
II. Никакой ошибки	117
III. История болезни	122
«Меня опять ударило в озноб...»	125
«Общаюсь с тишиной я...»	126

Лучшие песни его не просто слушают — их словно пьют, пьют иссохшими глотками и — пьянеют, хмелеют от пронзительного счастья хоть на миг, но до конца быть самим собою, дать себе волю думать, как думается, и чувствовать, как чувствуется, — по совести. Песни эти пьют и вдруг — трезвеют от беспощадного вопроса в лоб, вопроса неотразимого, без обиняков всяких: а как жить так же? Жизнь жить, а не миг один за проигрывателем или магнитофоном. Самому жить, а не быть только слушателем, пусть даже самым восторженным. Но ведь это (то есть пробуждение, взрыв совести) и есть непременный знак настоящего искусства...

Высоцкий еще раз доказал всем нам: человек может сделать невозможное — в этом его призвание, назначение, его «самостоянье» и честь. Человек может — должен — «из повиновения выйти», из всякого повиновения, кроме повиновения своей совести. Вот, наверное, реальный критерий любви к нему, любви тихой, когда надо копить силы, и вдруг — взрывной, когда дело доходит до дела.

Юрий Карякин

I. Credo

* * *

День на редкость — тепло и не тает, —
Видно, есть у природы ресурс, —
Ну... и, как это часто бывает,
Я ложусь на лирический курс.

Сердце бьется, как будто мертвецы
Пьян я, будто по горло налит:
Просто выпил я шесть по-турецки
Черных кофе — оно и стучит!

Пить таких не советую доз, но —
Не советую даже любить! —
Есть знакомый один — виртуозно
Он докажет, что можно не жить.

Нет, жить можно, жить нужно и — много:
Пить, страдать, ревновать и любить, —
Не тащиться по жизни убого —
А дышать ею, петь ее, пить!

А не то и моргнуть не успеешь —
И пора уже в ящик играть.
Загрустишь, захандришь, пожалеешь —
Но... пора уж на ладан дышать!

Надо так, чтоб когда подытожил
Все, что пройдено, — чтобы сказал:
«Ну а все же не плохо я прожил —
Пил, любил, ревновал и страдал!»

Нет, а все же природа богаче!
День какой! Что — поэзия? — бред!
...Впрочем, я написал-то иначе,
Чем хотел. Что ж, ведь я — не поэт.

1960

Кофе по-турецки — крепкий черный кофе, приготавливаемый в пропорциях одна чайная ложка мелко-помолотого кофе на одну чашку кипятка. Готовится на небольшом огне, что придает напитку насыщенный вкус. В зависимости от количества сахара, используемого во время приготовления напитка, может быть или очень горьким, или очень сладким. Употребление кофе, приготовленного по-турецки, в больших дозах может вызывать тахикардию (увеличение частоты сердечных сокращений).

...в ящик играть. — «Сыграть в ящик» (разг.) — умереть.

На ладан дышать (разг.) — быть при смерти.

Пил, любил, ревновал и страдал! — Ср. со строками из стихотворения А. С. Пушкина «Элегия» (1830):

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

Кони привередливые

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...
Что-то воздуху мне мало — ветер пью, туман глотаю, —
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плетть!
Но что-то кони мне попались привередливые —
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою —
Хоть немного еще постою

на краю...

Сгину я — меня пушинкой ураган сметет с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром, —
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони!
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плетть!
Но что-то кони мне попались привередливые —
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою —
Хоть немного еще постою

на краю...

Мы успели — в гости к Богу не бывает опозданий, —
Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?
Или это колокольчик весь зашелся от рыданий,
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?

Другие названия: «Кони», «Чуть помедленнее», «Привередливые кони».

Песня написана для кинофильма «Земля Санникова» («Мосфильм», 1973. Реж. А. Мкртчян). Не вошла.

Песня записана в 1974 на Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» для пластинки «В. Высоцкий и М. Влади». Вошла на пластинки «Песни» («Мелодия», 1975), «Песни Владимира Высоцкого» («Мелодия», 1975).

Песня записана на пластинку «VLADIMIR VISSOT-SKY» (RCA Victor, 1977. Франция). Фонограмма концертного выступления издана на пластинке «Нью-Йоркский концерт Владимира Высоцкого» (1979. США). В исполнении Марыли Родович вошла на ее пластинку «Cyrk Noca» (1979).

Песня использована в спектакле московского Литературно-драматического театра ВТО «Там, вдали» (сценическая композиция Е. Еланской по одноименной повести В. М. Шукшина. Реж. Е. Еланская, 1976).

Из выступлений В. Высоцкого: «Я ее писал как стилизацию под такие старинные русские напевы... Ну, там есть немного от цыганского романса» (1979).

«Я вам должен сказать, что некоторые вещи я теперь не представляю без оркестра. Удачно оркестрованные, например, „Кони“. Я не могу ее петь в концертах» (1979).

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю... — Оригинальное развитие традиционного для русской поэзии темы вызова, бросаемого судьбе. Исследователи творчества Высоцкого обращают внимание на родство со словами из песни Председателя из трагедии А. С. Пушкина «Пир во время чумы»:

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...

Что-то воздуху мне мало... — Уместно в связи с этим вспомнить тему «воздуха» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Свидригайлов, уже зная о преступлении Раскольникова и видя, у какой бездны тот оказался, говорит ему «вдруг»: «Эх, Родион Романыч, всем человекам надобно воздуху, воздуху, воздуху-с... Прежде всего!» Раскольников запомнит эти слова и через некоторое время повторит их Разумихину: «Вчера мне один человек сказал, что надо воздуху человеку, воздуху, воздуху! Я хочу к нему сходить сейчас и узнать, что он под этим разумеет». И еще спустя некоторое время об этом же заговоритследователь Порфирий Петрович, обращаясь к Раскольникову: «Вам теперь только воздуху надо, воздуху, воздуху!»

Как известно, первая актерская работа Высоцкого (1958) — роль Порфирия Петровича в театральном этюде по роману Ф. М. Достоевского. Заметим здесь же, как некую рифму в судьбе и творчестве Высоцкого, что его последней театральной ролью станет роль Свидригайлова в спектакле Театра на Таганке (1979).

Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю! — Из воспоминаний И. В. Кохановского в записи В. К. Перевозчикова: «Одно время мы увлекались Бабелем, знали все его одесские рассказы чуть ли не наизусть, пытались говорить на жаргоне Бени Крика... <...> И эта строка „Чую с гибельным восторгом — пропадаю...“ почти парафраз строчки Бабеля. Имеется в виду рассказ И. Бабеля «Смерть Долгушова» (1924): «Пропадаем, — воскликнул я, охваченный гибельным восторгом, — пропадаем, отец!»

И в санях меня галопом повлекут по снегу утром... — А. В. Скобелев обращает внимание на сюжетно-образную переключку с эпизодом после дуэли Онегина и Ленского в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (глава 6, строфы XXXI и XXXV).

По мнению исследователя, также возможна отсылка к обстоятельствам похорон самого А. С. Пушкина: песня создавалась в период подготовки спектакля Театра на Таганке о Пушкине «Товарищ, верь!».

Я коней напою... — Ср. с русской народной песней «Ой, мороз, мороз» (в исполнении В. Золотухина звучит в кинофильме «Хозяин тайги». 1968):

Обниму жену,
Напою коня.

Мы успели... — Обыгрывается омонимия слова «успеть»: 1) прибыть вовремя, не опоздать; 2) церковнослав. — умереть.

...в гости к Богу не бывает опозданий... — Г. Шpileвая обращает внимание на переключку со стихотворением В. В. Маяковского «Послушайте!» (1914), звучавшего в одноименном спектакле Театра на Таганке (1967):

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к Богу,
боится, что опоздал.

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые...
Коль дожить не успел, так хотя бы — допеть!

Я коней напою,
Я куплет допою —
Хоть мгновенье еще постою
на краю...

<начало 1972>

Гитара

Какой-то чудак объяснил мне пространно,
Что будто гитара свой век отжила —
Заменят гитару электроорганы,
Электророяль и электропила...

Но... Гитара опять
Не хочет молчать —
Звенит ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами.

Я слышал вчера: кто-то пел на бульваре,
И голос был тих, приглушен и красив...
А кто-то сказал: «Надоело гитаре
Звучать под всегда тот же самый мотив!»

Но... Гитара опять
Не хочет молчать —
Звенит ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами.

Электророяль мне, конечно, не пара:
Другие появятся с песней иной,
Ошибся чудак — не уходит гитара
В заслуженный отпуск, на отдых, покой.

Гитара опять
Не хочет молчать —
Звенит ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами.

<июнь 1966>

Написана для исполнения М. Бернесом, вероятно, по его заказу.

Песня предлагалась в 1975 в кинофильм «Единственная» («Ленфильм», 1975. Реж. И. Хейфиц). В фильм не вошла.

Песня использована в пьесе А. Штейна «Последний парад» и одноименном спектакле Московского академического театра сатиры (1968. Реж. В. Плучек).

Опубликована в кн.: *Штейн А. Последний парад*. М., 1968.

Из воспоминаний директора кинофильма «Единственная» Ю. Губанова: «Песня „Гитара“ была написана Высоцким „в нагрузку“ (к песне «Погоня». — *Сост.*), так как мы не смогли заплатить ему тех денег, которых он был достоин. Существовали расценки, он не являлся членом Союза писателей, и я, будучи директором картины, сказал ему: „Напиши прямо сейчас какой-нибудь текст песни, и я сделаю с тобой договор на две песни“. Что он и сделал. Вот благодаря такому парадоксу он получил то, что должен был получить, а у меня чудом сохранилась его рукопись».

Электроорган — музыкальный инструмент, запатентованный в 1934 американским изобретателем Л. Хаммондом (1895–1973). Инструмент содержит наборы металлических дисков разного диаметра, которые воспроизводят звук во время вращения. Электрические датчики около каждого из дисков передают звуки на усилитель и динамик. По легенде, первым владельцем музыкальной новинки стал миллионер Генри Форд. Орган Хаммонда завоевал огромную популярность среди джазовых, блюзовых и рок-музыкантов 1960–1970-х.

Электророяль — музыкальный инструмент, который придумал немецкий химик (лауреат Нобелевской премии в области химии 1920) и изобретатель В. Нернст (1864–1941) в 1931. Первый опытный образец был изготовлен фирмой Симменса и фортепианной фабрикой Бехштейна и представлен публике 25 августа 1931 в Берлине. Струны в инструменте соединены группами по пять хоров в каждой и сближены задними концами, над которыми расположены электромагнитные микрофоны, улавливающие ко-

лебания и превращающие их в колебания электрического тока, которые, пройдя через радиоусилитель, поступают в динамический громкоговоритель. Промышленное освоение электроорганов началось после Второй мировой войны.

Электропила — инструмент или приспособление для пилки, приводимый в действие электродвигателем. Первые электропилы появились в начале XX в. и нашли широкое применение в деревообрабатывающей промышленности.

Уместно вспомнить здесь один из популярных номеров музыкальной эстрады — игру на пиле.

Серебряными струнами. — Образ из песни В. Высоцкого «Серебряные струны» (1962).

Другие появятся с песней иной... — По наблюдению М. Н. Капрусовой, возможно, отсылка к строкам из стихотворения С. А. Есенина «Русь советская» (1924): «Другие юноши поют другие песни».

Беспокойство

А у дельфина взрезано брюхо винтом...
Выстрела в спину не ожидает никто.
На батарее нету снарядов уже,
Надо быстрее на вираже.

Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!

Даже в дозоре можно не встретить врага...
Это не горе — если болит нога.
Петли дверные многим скрипят, многим поют,
Кто вы такие — вас здесь не ждут!

Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!

Многие лета всем, кто поет во сне...
Все части света могут лежать на дне,
Все континенты могут сгореть в огне,
Только все это не по мне!

Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!

<до 28 октября 1966>

Другие названия: «Парус», «Парус. Песня беспокойства», «Порвали парус», «Песня про парус».

Песня записана весной 1975 на парижской студии «Резонанс» для пластинки «VLADIMIR VISSOTSKI. LE VOL ARRÊTÉ» (1981).

Песня вошла в документальный фильм «Срочно требуется песня».

Из выступлений В. Высоцкого: «Песня называется „Парус“. Эта песня — она не про парус, а просто про беспокойство человеческое. Ее можно считать абстрактной, как... кто как хочет. Но я в нее вкладывал вполне конкретное содержание» (1967).

«Дело в том, что эта песня, в отличие от всех моих других — они все новеллочки такие, там что-то происходит, — я попытался сделать ее всю из беспокойных фраз. Ну, потому что очень беспокойное время, и всех интересует всё — не только у себя дома, но и везде... Это такая абстрактная песня» (1967).

«Это песня настроения» (1968).

А у дельфина взрезано брюхо винтом... — По наблюдению А. В. Скобелева, начало песни соответствует началу книги Дж. Лилли «Человек и дельфин» (русс. изд. — М.: Мир, 1965), упоминаемого В. Высоцким в повести «Жизнь без сна». Предисловие С. Е. Клейненберга к этому изданию книги начинается именно с истории новозеландского дельфина по кличке Опо-Джек, всеобщего любимца, погибшего под винтом катера.

Петли дверные многим скрипят, многим поют... — А. В. Скобелев отмечает переключку с описанием дома в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» (1835). Ср.: «Но самое замечательное в доме — были поющие двери. Как только наставало утро, пение дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего они пели: перержавевшие ли петли были тому виною, или сам механик, делавший их, скрыл в них какой-нибудь секрет, — но замечательно то, что каждая дверь имела свой особенный голос <...>. Я знаю, что многим очень не нравится этот звук; но я его очень люблю, и если мне случится иногда здесь слышать скрип дверей, тогда мне вдруг так и запахнет деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свечкой в старинном подсвечнике».

Многие лета... — Полемическое цитирование церковного песнопения — пожелания долголетия: «Многие лета!»

В рукописи зачеркнуто.

Подымайте руки... — Форма открытого голосования на собраниях путем поднятия рук. По регламенту ведения собрания сначала проводилось голосование за принятие решения, потом — против, и под конец поднимали руки воздержавшиеся (но тоже голосовали). Большинство решений партийных и комсомольских собраний принималось единогласно, так как их формулировки были заранее утверждены вышестоящими структурами и голосование «против» означало публичное неприятие политики партии и государства, что могло иметь негативные последствия для голосовавшего. Подозрение вызывали и те, кто «воздержался», т. е. по сути ушел от ответственности за принятое решение. Оглашение результатов голосования обычно заканчивалось ритуальной формулой: «„За“ — столько-то (по числу участников собрания), „против“ — нет, „воздержавшихся“ — нет. Решение принято единогласно».

...в урны суйте

Бюллетени, даже не читав! —

Форма тайного голосования путем опускания избирательных бюллетеней в избирательные урны. Использовалась на партийных и комсомольских конференциях при выборе руководящих органов и принятии принципиальных решений, требовавших юридически протокольного оформления, а также на выборах в органы государственной власти. Поскольку повлиять на содержание принимаемого документа или выбор кандидата было невозможно, а голосование по сути своей было безальтернативным (в бюллетень вносилось имя лишь одного кандидата), то большинство голосующих (избирателей) голосовало «за», даже не заглядывая в бюллетень.

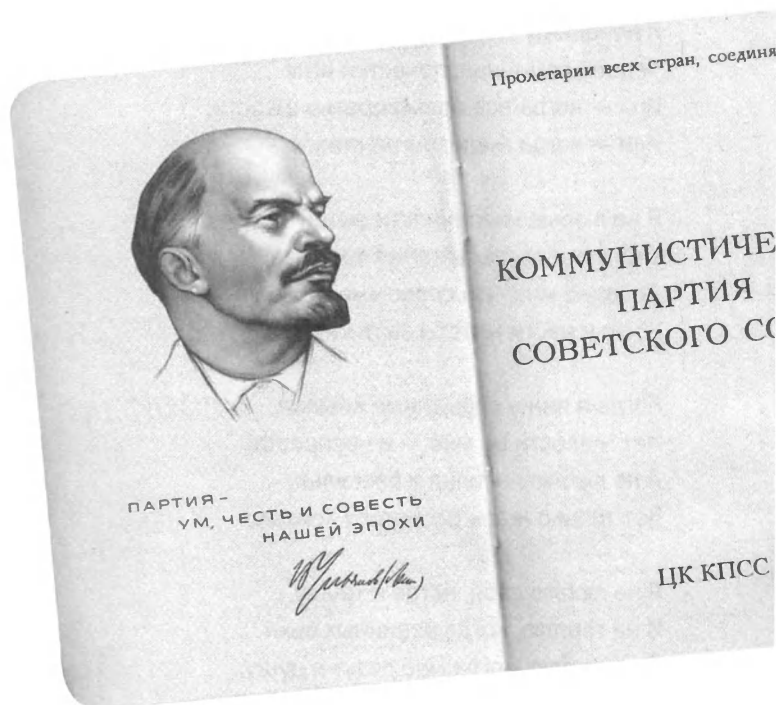
Я не разделяю ваш устав! — Имеется в виду устав общественной или партийной организации, регламентирующий характер взаимоотношений ее членов между собой и принципы ее деятельности. Наиболее значимыми документами подобного рода в СССР были Уставы Коммунистической партии (КПСС) и Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ).

В 1966 тема партийного устава была на слуху: в апреле XXIII съезд КПСС внес изменение в Устав КПСС, касающееся восстановления в структуре партии Политбюро, упраздненного XIX съездом КПСС в 1952. Конечно, текст Высоцкого не имеет прямого отношения к этому факту, но косвенное его отражение (на уровне словесной формулы) вполне возможно.

* * *

Подымайте руки, в урны суйте
Бюллетени, даже не читав!
Помереть от скуки! Голосуйте,
Только, чур, меня не приплюсуйте —
Я не разделяю ваш устав!

<декабрь 1966>

Я не люблю

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю и еще —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда — наполовину
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или — когда все время против шерсти,
Или — когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой —
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, что слово «честь» забыто
И что в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья,
Нет жалости во мне — и неспроста:
Я не люблю насилья и бессилья,
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
И не терплю, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в нее плюют.

Песня написана для кинофильма «Опасные гастроли» (Одесская киностудия, 1969. Реж. Г. Юнгвальд-Хилькевич).

Вошла в спектакль московского театра «Современник» «Свой остров» (1971. По пьесе Р. Каугвера. Реж. Г. Волчек) в исполнении И. Квачи.

Песня записана на Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» в 1974, вышла в 1987. По словам редактора «Мелодии» В. Рыжикова, с нее должна была начинаться сторона, но он перенес ее в конец пластинки — «из-за перестройки».

Из интервью ассистента звукооператора фильма «Опасные гастроли» А. А. Борисова М. Цыбульскому: «Это под Одессой снималось, на Николаевском лимане. Это недалеко от города, минут двадцать-тридцать. В этом эпизоде Высоцкий пел песню „Я не люблю“. Это была их совместная сцена с Копеляном: когда тот произносит фразу, что господа артисты не занимаются политикой, то Высоцкий начинает петь эту песню. В этом эпизоде еще участвовали Пырьева и Гринько.

В этой картине я работал ассистентом звукооператора. Все песни Высоцкого в фильме писались под фонограмму, а „Я не люблю“ он исполнял „живую“. Может быть, оказалось, что техническое качество записи получилось несовершенно, и из-за этого песня в фильм не вошла. Но возможно, конечно, что она не вошла из-за своей остроты. А может быть, оба фактора сыграли роль, я не знаю» (2007).

Из воспоминаний директора картины «Опасные гастроли» С. Стриженова: «Где-то в это время, или раньше, Высоцкий познакомился с Мариной Влади. Марина тоже приехала в Одессу. Это было в мае или в июне. А мы были в это время с директором студии на курсах в Доме творчества в Болшеве. И вот мы прилетели в Одессу, и я увидел у себя на столе две страницы дополнения к сценарию „Опасных гастролей“. Сел Хилькевич и написал с редактором две сцены — „Пикник“ так называемый. Они купили две бочки пива, раков было много на Днестре. Так и снимали. С Мариной Влади, с Высоцким, какие-то революционные разговоры. Марина играла роль какой-то французской шпионессы времен социалистической революции. Я посмотрел на все это и написал резолюцию: „За счет режиссера“. Хилькевич заплатил за пиво и за раков, а материал вырезали».

Из выступления В. Высоцкого: «Центральная песня спектакля „Свой остров“ — „Я не люблю“. Она используется как песня-рассказ о себе. Это главная песня персонажа. В самом начале этой пьесы — в ретроспекции в рассказе о главном герое — все персона-

жи про него высказывались, что он такой-то-такой-то, любит это, не любит того-то, нетерпим. Но все-таки терпим к недостаткам. И всякие такие слова про него говорили. Все-все-все-все. Много, страниц пятнадцать. Галя Волчек это все помарала. Вместо этого Игорь Кваша, который играет роль главного героя, перед началом спектакля выходит на зрителей и поет от своего имени, от имени своего персонажа, песню-монолог. Почти все мои песни написаны от первого лица.

Эта песня — лейтмотив спектакля. Человек сразу заявляет о своем характере. И люди уже воспринимают его так, как он заявил о себе в этой песне. Как бы он ни играл, его песня так сильно сказала про то, что он из себя представляет, что он уже из этих шор и выбраться не может.

Так что иногда песня сильно держит образ. Если бы он ее не спел, он бы мог позволить себе какие-нибудь другие краски, другие грани. Но когда он так ярко заявил вот в этой песне о том, кто он такой, он уже менять свой характер не должен. Он с самого начала себя ставит в определенные обстоятельства, рассказывает, как живет в этой жизни.

Я не люблю, когда стреляют в спину... — Здесь идет речь о предательстве.

Я также против выстрелов в упор. — В 1930-е в советских тюрьмах приведение в исполнение смертного приговора часто осуществлялось выстрелом палача в затылок приговоренного.

Вот только жаль распятого Христа. — Из интервью актера театра «Современник» И. В. Кваши М. Цыбульскому: «Я его просил изменить только одно место в песне „Я не люблю“ — „И мне не жаль распятого Христа“. Я не религиозный человек, так что просил я изменить эти строки не из этих соображений. Просто эстетически мне это не нравилось» (2006).

Я не люблю манежи и арены:
На них миллион меняют по рублю.
Пусть впереди большие перемены —
Я это никогда не полюблю!

<конец 1968>

1968

В темноте

Темнота впереди — подожди!
Там — стеною закаты багровые,
Встречный ветер, косые дожди
И дороги неровные.

Там чужие слова,
Там дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там сгорела, пожухла трава...
И следы не читаются
В темноте.

Там проверка на прочность — бои,
И туманы, и ветры с прибоями,
Сердце путает ритмы свои
И стучит с перебоями.

Там чужие слова,
Там дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там сгорела, пожухла трава...
И следы не читаются
В темноте.

Там и звуки, и краски не те, —
Только мне выбирать не приходится:
Очень нужен я там в темноте,
Ничего — распогодится.

Там чужие слова,
Там дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там сгорела, пожухла трава...
И следы не читаются
В темноте.

<лето 1969>

Песня написана для кинофильма «Сыновья уходят в бой» («Беларусьфильм», 1969. Реж. В. Туров). В фильм не вошла.

Другие названия: «Темнота впереди», «Темнота». Фонограмма для фильма вошла на пластинку «Песни Владимира Высоцкого» («Мелодия», 1974).

В 1977 записана на студии «Резонанс» для пластинки «Песни мира». Вышла на пластинке «VLADIMIR VIS-SOTSKI. Le nouveau chansonnier international U.R.S.S.» («Le chante du monde», 1977. Франция).

Другие названия: «Песня о слухах», «Песня о сплетнях», «Слух», «Про сплетни», «Нет меня — я покинул Расею».

Из выступлений В. Высоцкого: «С этой песней тоже была история любопытная. Написал я ее очень-очень давно, когда был очередной всплеск этих вот сплетен, а потом совсем недавно мне рассказали, что один лектор, кем-то уважаемый человек, в чинах, читал лекции тоже многим высокопоставленным военным людям и просто на полном серьезе рассказал, что за меня выкуп заплатили и что сюда я, в общем-то, летаю играть Гамлета время от времени, а так, в общем, в принципе, уже давно там. На полном серьезе он это делал неоднократно. Когда я с ним разговаривал, говорю: „Откуда вы это взяли?“, он говорит: „Мне сказали“. Я надеюсь, что он больше не работает, хотя кто знает» (1979).

Расея (разг.) — Россия.

Елисейские Поля — центральная улица Парижа, один из его символов.

Пресня — Красная Пресня (до 1918 — Пресня, по названию речки, заключенной в 1908 в трубу) — район Москвы (ныне часть Краснопресненского района).

...чуждые песни... — Отсылка к публикациям в газетах «О чем поет Высоцкий?» («Советская Россия», 9 июня 1968), «Что за песней?» («Комсомольская правда», 14 июня 1968) и др., направленным против творчества Высоцкого.

Версальский дворец — резиденция французских королей под Парижем (1666–1789).

А с которым сидел в Магадане — Мой дружок по Гражданской войне... —

Высмеиваются многочисленные любители прихвастнуть своей якобы дружбой (как правило, выдуманной) с Высоцким: в Магадане он бывал в гостях у своего друга И. В. Кохановского, а не в лагере, в Гражданской войне участвовать не мог по определению, так как она закончилась за 16 лет до его рождения.

Триумфальная арка — мемориальное архитектурное сооружение на площади Шарля де Голля (площадь Звезды) в Париже.

...заводы Рено! — Заводы по производству автомобилей «Рено» («Renault») располагались во многих городах Франции, в настоящее время многие из них выведены за рубеж.

Не волнуйтесь!

Нет меня, я покинул Расею!
Мои девочки ходят в соплях.
Я теперь свои семечки сею
На чужих Елисейских Полях.

Кто-то вякнул в трамвае на Пресне:
«Нет его, умотал наконец!
Вот и пусть свои чуждые песни
Пишет там про Версальский дворец!»

Слышу сзади — обмен новостями:
«Да не тот, тот уехал — спроси...»
«Ах, не тот?!» — и толкают локтями,
И сидят на коленях в такси.

А с которым сидел в Магадане —
Мой дружок по Гражданской войне, —
Говорит, что пишу ему: «Ваня!
Скушно, Ваня, — давай, брат, ко мне!»

Я уже попросился обратно —
Унижался, юлил, умолял...
Ерунда! Не вернусь, вероятно!
Потому что я не уезжал.

Кто поверил — тому по подарку, —
Чтоб хороший конец, как в кино:
Забирай Триумфальную арку!
Налетай на заводы Рено!

Я смеюсь, умираю от смеха:
Как поверили этому бреду?!
Не волнуйтесь — я не уехал,
И не надейтесь — я не уеду!

<до июня 1970>

* * *

Нараспашку — при любой погоде,
Босиком хожу по лужам и росе...
Даже конь мой иноходью ходит,
Это значит — иначе, чем все.

Я иду в строю всегда не в ногу,
Столько раз уже обруган старшиной!
Шаг я прибавляю понемногу —
И весь строй сбивается на мой.

Мой кумир — на рынке зазывалы:
Каждый хвалит только свой товар вразвес.
Из меня не выйдет запевалы —
Я пою с мелодией вразрез.

Знаю, мне когда-то будет лихо —
Мне б заранее могильную плиту, —
На табличке: «Говорите тихо!»
Я второго слова не прочту.

[«Говорите тихо!» Как хотите —
Я второго слова не терплю,
Я читаю только «Говорите»
И, конечно, громко говорю.]

Из двух зол — из темноты и света —
Люди часто выбирают темноту.
Мне с любимой наплевать на это —
Мы гуляем только на свету!

Ох, не кури, когда не разрешают.
Закури, когда <совсем> немоготу.
Не дури, когда не принимают
Наготу твою и немоту!

<до июня 1970>

Наброски к песне «Бег иноходца».

Из воспоминаний С. С. Говорухина: «Еще нашел в записной книжке: „Володя: у меня все наоборот — если утону, ищите вверх по течению“».

Нараспашку — при любой погоде... — Из воспоминаний Н. В. Мордюковой (в записи В. Громова): «Покройный актер Леонид Марков рассказал мне такой эпизод. Напротив Театра на Таганке была маленькая открытая пивная. Шел дождь. Вдруг из театра вышел Высоцкий и направился прямо к этой забегаловке. Шел он, словно дождя не было, в одной рубашке. Знаете, когда идет дождь, то все люди как-то вжимают голову в плечи, а он держался прямо. Так же выпил кружку пива, и так же прямо и степенно ушел под дождем, не ощущая его».

Певец у микрофона

Я весь в свету — доступен всем глазам,
Я приступил к привычной процедуре:
Я к микрофону встал, как к образам...
Нет-нет, сегодня точно — к амбразуре.

И микрофону я не по нутру —
Да, голос мой любому опостылит!
Уверен, если где-то я совру —
Он ложь мою безжалостно усилит.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!

Сегодня я особенно хриплю,
Но изменить тональность не рискую.
Ведь если я душою покривлю —
Он ни за что не выпрямит кривую.

Он, бестия, потоньше остря —
Слух безотказен, слышит фальшь до йоты.
Ему плевать, что не в ударе я, —
Но пусть я верно выпеваю ноты.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!

На шее гибкой этот микрофон
Своей змеиной головою вертит.
Лишь только замолчу — ужалит он!
Я должен петь до одури, до смерти.

Другие названия: «Песня певца у микрофона», «Моя микрофонная совесть».

В 1975 песня была записана во Франции в фирме «Le Chant du Monde» для пластинки «Прерванный полет» («Le Vol Arrêté»), вышедшей в 1981.

Из выступлений В. Высоцкого: «Обычно свои выступления-встречи я начинаю словами: „Дорогие товарищи“. Это не формальное обращение, это на самом деле так, потому что я очень дорожу вами, своей аудиторией. Если вам скажут, что человек выходит на сцену только самовыражаться, — не верьте, это неправда. Все мы, кто занимается авторской песней, очень рассчитываем на ответ из зрительного зала. Я не кривлю душой и не заискиваю перед вами, не подхалимничаю, потому что — зачем?! Глупо! Мне публика — люди, а не публика; люди, которые меня слушают, нужны мне больше, чем я вам, потому что есть счастливая возможность высказать то, что меня беспокоит и волнует, такому большому количеству людей, — это не каждому дано. Мне просто очень повезло в этом смысле. Я ценю эти встречи, люблю их, стараюсь как можно больше успеть рассказать о чем-то необходимом. Мне хочется, чтобы вы мне доверяли. <...>

Я вообще должен вам сказать, что, когда выхожу на эту площадку, стараюсь не кривить душой и говорить все, что думаю. Мне нет смысла отвечать неискренне. Я пришел сюда не для того, чтобы кому-то нравиться. Зрителям всегда интересно знать: что там у тебя за рубахой, под кожей? Что ты из себя представляешь? Мне нет смысла сейчас ни лгать, ни при-

творяться. Хотите — верьте, хотите — нет, но я во всех своих встречах стараюсь разговаривать искренне — иначе нету смысла выходить... Поэтому все, что я буду вам сегодня говорить и петь, — это есть истина для меня на сегодняшний день.

Я так думаю, это мое собственное, сугубо мое мнение. С ним можно соглашаться или нет — это дело каждого сидящего в зале, но я говорю только то, что я теперь на самом деле думаю».

...встал, как к образам... — Т. е. на молитву, перед иконами.

К амбразуре — здесь: приготовился к бою. Амбразура (фр. embrasure — бойница) — открытое (иногда снабженное заслонкой) отверстие в оборонительных сооружениях и бронебашнях для ведения огня из орудий, минометов и пулеметов (в отличие от бойницы, устраиваемой для стрельбы из автомата, винтовки). Формы и размеры амбразуры зависят от характера оружия, сектора обстрела, условий стрельбы.

Рук не поднять — гитара вяжет руки! — Подразумевается международный жест капитуляции — поднятые вверх руки.

Лампада — масляный светильник, употребляемый в христианском богослужении.

Гамма — последовательность музыкальных звуков, выстроенная в восходящем или нисходящем направлениях, простейшая форма музыкальной композиции.

1967

Не шевелись, не двигайся, не смей!
Я видел жало — ты змея, я знаю!
А я сегодня заклинатель змей:
Я не пою — я кобру заклинаю!

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И спят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!

Прожорлив он, и с жадностью птенца
Он изо рта выхватывает звуки.
Он в лоб мне вlepит девять грамм свинца.
Рук не поднять — гитара вяжет руки!

Опять!.. Не будет этому конца!
Что есть мой микрофон — кто мне ответит?
Теперь он — как лампада у лица,
Но я не свят, и микрофон не светит.

Мелодии мои попроще гамм,
Но лишь сбиваюсь с искреннего тона —
Мне сразу больно хлещет по щекам
Недвижимая тень от микрофона.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И спят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!

<до осени 1971>

На юбилее О. Ефремова. Октябрь 1977

Горизонт

(Дорожная история)

Чтоб не было следов — повсюду подмели.
Ругайте же меня, позорьте и трезвоньте!
Мой финиш — горизонт, а лента — край Земли,
Я должен первым быть на горизонте!

Условия пари одобрили не все,
И руки разбивали неохотно.
Условье таково — чтоб ехать по шоссе,
И только по шоссе — бесповоротно.

Наматываю мили на кардан
И еду параллельно проводам,
Но то и дело тень перед мотором —
То черный кот, то кто-то в чем-то черном.

Я знаю — мне не раз в колеса палки ткнут.
Догадываюсь, в чем и как меня обманут.
Я знаю, где мой бег с ухмылкой пресекут
И где через дорогу трос натянут.

Но стрелки я топлю — на этих скоростях
Песчинка обретает силу пули, —
И я сжимаю руль до судорог в кистях —
Успеть, пока болты не затянули!

Наматываю мили на кардан
И еду вертикально к проводам,
Завинчивают гайки. Побыстрее! —
Не то поднимут трос, как раз где шея.

И плавится асфальт, протекторы кипят.
Под ложечкой сосет от близости развязки.
Я голой грудью рву натянутый канат —
Я жив! Снимите черные повязки.

Другие названия: «Движение», «Мой горизонт», «Дорожная история».

Песня записана весной 1975 на парижской студии «Резонанс» для пластинки «VLADIMIR VISSOTSKI. LE VOL ARRÊTÉ» (1981).

Из выступления В. Высоцкого: «Она родилась по ночам совсем недавно. Может быть, в связи с тем, что у меня была премьера „Гамлета“. Я играл Гамлета, и у меня такие серьезные настроения. В связи с этим такая серьезная песня» (1971).

Н. М. Рудник отмечает сюжетно-тематическую переключку со стихотворением М. Светлова «Горизонт» (1959):

Там, где небо встретилось с землей,
Горизонт родился молодой.
Я бегу, желанием гоним.
Горизонт отходит. Я за ним.
Вон он за горой, а вот — за морем.
Ладно, ладно, мы еще поспорим!
Я в погоне этой не устану,
Мне здоровья своего не жаль,
Будь я проклят, если не достану
Эту убегающую даль!

.....
Я перескочил в автомобиль —
Горизонта нет, а только пыль.

.....
Горизонт мой! Ты опять далек?
Ну еще, еще, еще рывок!
Как преступник среди бела дня,
Горизонт уходит от меня!

То черный кот, то кто-то в чем-то черном. — По народной примете, черный кот, перебежавший дорогу, сулит несчастье. Обыгрывается также образ «черного человека» — предвестника смерти из трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830) и поэмы С. А. Есенина «Черный человек».

Но стрелки я топлю... — Имеются в виду стрелки механического спидометра, на максимальной скорости выходящие за градацию циферблата.

Успеть, пока болты не затянули! — Затянуть болты (чаще — затянуть гайки) — что-либо прекратить, ограничить.

Наматываю мили на кардан... — В Советском Союзе была принята метрическая система измерения расстояний. Измерение расстояний в милях — англосаксонская традиция, воспринятая также в США.

Миля — единица длины, имевшая распространение в национальных неметрических системах единиц. 1 миля сухопутная (уставная) = 1,609 км.

Я голой грудью рву натянутый канат... — Фраза восходит к эпизоду из спектакля Театре на Таганке «Пугачев» (1967) по драматической поэме С. А. Есенина с участием В. Высоцкого. Из книги М. Влади «Владимир, или Прерванный полет»: «На сцене неистово кричит и бьется полураздетый человек. От пояса до плеч он обмотан цепями. Ощущение страшное. Сцена наклонена под углом к полу, и цепи, которые держат четыре человека, не только сковывают пленника, но и не дают ему упасть».

Я жив! Снимите черные повязки. — Черные повязки на рукавах — знак траура во время церемонии гражданской панихиды. Использованы в прологе к спектаклю Театра на Таганке «Гамлет» по одноименной пьесе У. Шекспира. Из выступления В. Высоцкого: «Актеры выходят, стоит меч, черные повязки, и они готовятся к тому, чтобы играть вот сейчас трагедию „Гамлет“» (1971).

Скат (жарг.) — колесо. См. в песне М. Анчарова «МАЗ»: «Эдик, ставь вторую канистру, / Левый скат откати в кювет».

Кода (ит. coda, букв.: хвост) — заключительный раздел музыкального произведения, закрепляющий главную тональность и обобщающий предшествующее музыкальное развитие. Здесь: конец.

Кто вынудил меня на жесткое пари —
Нечистоплотны в споре и расчетах.
Азарт меня пьянит, но, как ни говори,
Я торможу на скользких поворотах!

Наматываю мили на кардан
Назло канатам, тросам, проводам.
Вы только проигравших урезоньте,
Когда я появлюсь на горизонте!

Мой финиш — горизонт — по-прежнему далек.
Я ленту не порвал, но я покончил с тросом.
Канат не пересек мой шейный позвонок,
Но из кустов стреляют по колесам.

Меня ведь не рубли на гонку завели,
Меня просили: «Миг не проворонь ты —
Узнай, а есть предел там, на краю Земли?
И можно ли раздвинуть горизонты?»

Наматываю мили на кардан
И пулю в скат вклеить себе не дам.
Но тормоза отказывают — кода! —
Я горизонт промахиваю с хода.

<конец 1971>

Мой Гамлет

Я только малость объясню в стихе,
На все я не имею полномочий...
Я был зачат, как нужно, во грехе —
В поту и в нервах первой брачной ночи.

Я знал, что, отрываясь от земли, —
Чем выше мы, тем жестче и суровой.
Я шел спокойно прямо в короли
И вел себя наследным принцем крови.

Я знал — все будет так, как я хочу.
Я не бывал внакладе и в уроне.
Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы — короне.

Не думал я над тем, что говорю,
И с легкостью слова бросал на ветер —
Мне верили и так, как главарю,
Все высокопоставленные дети.

Пугались нас ночные сторожа,
Как оспую, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
И злую лошадь мучил стремянами.

Я знал, мне будет сказано: «Царуй!» —
Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжиг,
И я пьянел среди чеканных сбруй.
Был терпелив к насилью слов и книжек.

Я улыбаться мог одним лишь ртом,
А тайный взгляд, когда он зол и горек,
Умел скрывать, воспитанный шутом.
Шут мертв теперь: «Аминь!» Бедняга! Йорик!

Из интервью Владимира Высоцкого Т. Бутковской:
«Гамлет... Я сам себя предложил на эту роль. Давно хотел сыграть ее, смотрел почти всех наших Гамлетов. Сыграть не просто по-другому, чем они, а (так мне самому тогда казалось) как хотел Шекспир. Ну, вероятно, об этом думает каждый актер.

В труппе на начало работы над Гамлетом никак особенно не отреагировали, может быть, потому, что перед этим я сыграл Галилея. В нашем театре важнее сама личность исполнителя, чем роль, интереснее человек, который играет: что он хочет сказать, что несет, — а не просто артист, надевший на себя роль, как костюм. Наклеил парик, голос изменил, перевоплотился, да сам за этим пропал.

Поэтому, когда я стал репетировать, уже имелось в виду, что Гамлета играет актер, которого знают как человека с гитарой, который сам сочиняет стихи и поет, то есть сам уже несет какой-то образ. Перед началом спектакля меня усадили с гитарой в глубине сцены, у голой стены. В прологе я исполняю песню на стихи Пастернака „Гамлет“, в которых ключ ко всему спектаклю: „Но продуман распорядок действий и не отвратим конец пути“. В нашем спектакле „продуман распорядок действий“, и Гамлет знает намного больше, чем все другие Гамлеты, которых я видел. Он знает, что произойдет с ним, что происходит со страной! Он понимает, что никуда ему не уйти от рокового конца. Такое выпало ему время — жестокое. Я даже написал стихи:

Он спал на кожах,
Мясо ел с ножа
И злую лошадь
Мучил стремянами...

Гамлет у нас — прежде всего мужчина. Мужчина, воспитанный жестоким временем. Но еще и студент. И поумнее, чем все его сверстники. Его готовили на трон, он должен был управлять государством. А тронном завладел царевичем. Гамлет помышляет только о мести. Но он против убийства. И это его страшно мучает. Вот здесь, мне кажется, я нашел нужный внутренний ход. Гамлеты, которых я видел и вы могли видеть, весь спектакль искали доказательства вины Клавдия, чтобы убить его и получить оправдание для себя, для своей мести. Я же ищу доказательства невиновности короля. Я подстраиваю мышеловку, в надежде убедиться, что он не виноват, что он не убивал моего отца. Делаю все, чтобы не пролилась кровь. Когда Гамлету говорят, что повсюду бродит тень его отца (а это значит, дух его не успокоен), я киваю головой, будто сам его вижу, — а я действительно могу

Но отказался я от дележа
Наград, добычи, славы, привилегий.
Вдруг стало жаль мне мертвого пажам...
Я объезжал зеленые побеги,

Я позабыл охотничий азарт,
Возненавидел и борзых, и гончих,
Я от подранка гнал коня назад
И плетью бил загонщиков и ловчих.

Я видел — наши игры с каждым днем
Все больше походили на бесчинства.
В проточных водах по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства.

Я прозревал, глупея с каждым днем,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век, и люди в нем
Не нравились. И я зарылся в книги.

Мой мозг, до знаний жадный, как паук,
Все постигал: недвижность и движенье.
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду им опроверженье.

С друзьями детства перетерлась нить —
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами «быть, не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед.
В него мы стрелы мечем — в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.

его видеть когда угодно! Мой Гамлет настолько любит отца, так был к нему привязан, что может его увидеть в любую минуту. Позовешь его — и он появится. Но все это происходит в воображении Гамлета. Помоему, это очень ясная и внятная трактовка. И мне кажется, она — шекспировская».

Стихотворение представляет собой поэтическое осмысление образа Гамлета, над которым В. Высоцкий работал в процессе подготовки спектакля Театра на Таганке по одноименной пьесе У. Шекспира.

Постановка Ю. Любимова. Художник Д. Боровский. Композитор Ю. Буцко. В ролях: Клавдий — В. Смехов, А. Пороховщиков, Гертруда — А. Демидова, Гамлет — В. Высоцкий, Полоний — Л. Штейнрайх, Офелия — Н. Сайко, Лазрт — И. Бортник, В. Иванов, Горацио — Л. Филатов, Розенкранц — И. Дыховичный, И. Петров, Гильденстерн — А. Вилькин.

Премьера состоялась 29 ноября 1971. Последний спектакль сыгран 18 июля 1980.

Запись В. Высоцкого о «Гамлете»: «Призрак — король датский — тот же Клавдий, так же жесток. Для Гамлета — это и благородный человек, но у него обостренное чувство несправедливости, чувствует, что что-то неверно. Гамлет сам его сын — у него есть и то, и то (и от отца, и от себя...) (университет). Призрак должен быть в Гамлете. Это может быть нереальный призрак. (В «Гамлете» двое: один говорит — мсти, а другой видит, что это бесполезно.)

Клавдий говорит с ним очень откровенно (у твоего отца тоже умер отец) и т. д.

(Попробовать Призрака играть Гамлету.) Гамлет знает, что отец не прав, он студент с новыми идеями, но он действует так, как бы делал его отец, и это тоже играет на наш замысел о сходящем с ума человеке, о человеке, у которого уходит из-под ног земля. Это можно сделать зрительно, пластически (в начале спектакля — земля уходит, а он продолжает стоять, и тогда первая встреча с Призраком)» (1971–1972).

Из книги М. Влади «Владимир, или Прерванный полет»: «Сыграть Гамлета — это уникальная возможность в жизни актера. Ты идешь к этой роли на собственный манер — перегибая палку, яростно, со скандалом. После катастрофического запоя, следующего за нашей свадьбой, мы расстаемся. Любимов, до последней степени изведенный твоими загулами, предлагает репетировать твою роль другому актеру, надеясь, что ты обязательно среагируешь — просто из гордости.

Ты пишешь мне двадцать пятого мая семидесятого года: „Любимов пригласил артиста «Современника» репетировать роль параллельно со мной. Естественно, меня это расстраивает, потому что вдвоем репетировать невозможно — даже для одного актера не хватает времени. Когда через некоторое время я вернусь в театр, я поговорю с «шефом», и, если он не изменит своей позиции, я откажусь от роли и, по-видимому, уйду из театра. Это очень глупо, я хотел получить эту роль вот уже год, я придумывал, как это можно играть... Конечно, я понимаю Любимова — я слишком часто обманывал его доверие, и он не хочет больше рисковать, но... именно теперь, когда я уверен, что нет больше никакого риска, для меня эта новость очень тяжела. Ладно, разберемся...”

В этих строчках заключается объяснение твоего подхода к трагедии Гамлета — человека, вынужденного изображать сумасшедшего, чтобы его оставили в живых, притворяться, чтобы его не заперли на замок, быть мужественным совсем по-другому, чем было принято в его касте, изобретать новый язык, который пугает Офелию и не понятен никому, особенно его собственной матери. Гамлет, который живет в тебе, очень на тебя похож. Любимов все еще прощает тебя и не колеблясь доверяет тебе эту огромную работу. К тому же тебе очень помогает декорация, придуманная твоим другом Давидом Боровским, огромный грубоотканый занавес грязно-серого цвета, который перемещается во всех направлениях. Он стал будто еще одним персонажем драмы: широкими, медленными движениями он подметает сцену и тем самым участвует в игре. Ты можешь зацепиться за него, завернуться в него, за тобой следят сквозь него, ты играешь с ним. Ты громко кричишь на Офелию для тех, кто подслушивает, и страстно целуешь ее, спрятанную в складках занавеса. Любопытным образом эта сценическая находка оттеняет все нюансы твоей игры.

Ты отказываешься и только громче кричишь свою правду. Картина, остающаяся после спектакля, — это страшный жестокий бой. Конечно, исход смертельный, но прежде всего это победа истины. Гамлет, пожертвовавший Офелией, измученный сомнениями, предательством любимой матери и самых дорогих друзей, сам решает свою судьбу — и происходит трагическая развязка. И когда, смертельно раненный, отомстив, он говорит последние слова, прекрасно переведенные великим Пастернаком: „Дальнейшее — молчанье“, — раздавленные болью зрители еще несколько минут не двигаются с мест. Ты сам, раздетый до пояса, подрагивая, как лошадь после изнурительной скачки, осунувшийся от прожитой на сцене

Зов предков слыша сквозь затихший гул,
Пошел на зов, — сомненья крались с тылу,
Груз тяжких дум наверх меня тянул,
А крылья плоти вниз влекли, в могилу.

В непрочный сплав меня спаяли дни —
Едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все, и — как они,
Я не сумел от мести отказаться.

А мой подъем пред смертью есть провал.
Офелия! Я тленье не приемлю.
Но я себя убийством уравниал
С тем, с кем я лег в одну и ту же землю.

Я, Гамлет, я насилье презирал,
Я наплевал на датскую корону,
Но в их глазах — за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону.

Но гениальный всплеск похож на бред,
В рожденье смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.

<апрель 1972>

жизни, поднимаешься лишь через несколько минут в полной темноте, которой завершается спектакль. В первый вечер я бегу за кулисы обнять тебя. На твоём лоснящемся от пота лице — счастливая улыбка: ты справился с этой ролью, ты ее сыграл, ты выложил-ся весь».

Из выступления В. Высоцкого: «В рисунке, который сделан в нашем театре, роль Гамлета требует очень большой отдачи сил, и физических, и духовных, что ли, если можно так выразиться. После некоторых эпизодов просто невозможно дышать нормально, такой наворот есть, такой, я называю этот кусок — время монологов, когда идет сцена с актерами, огромный монолог после актера, потом „Быть или не быть“, потом сцена с Офелией, после этого хоть на сцену не выходи, так сложно, потому что Любимов очень любит, чтобы на сцене было много движения, и вообще, это такая отличительная черта нашего театра, что у нас актеры всегда играют с полной отдачей, так сказать, никто не позволяет себе работать спустя рукава, вот, и наверное, это по обоюдному согласию со зрителем, потому что не хочется играть „вполноги“, халтурить, когда люди так хотят попасть в театр, долго стоят ногами и т. д.».

По предположению С. Жильцова, песня написана как отклик на статью В. Г. Комиссаржевского «Мужество выбора» («Комсомольская правда». 12 апреля 1972), посвященную разбору роли Гамлета в исполнении В. Высоцкого.

*Сцена из спектакля Театра на Таганке «Гамлет».
Гамлет — В. Высоцкий, Гертруда — А. Демидова*

«Когда я отпою и отыграю...»

* * *

Когда я отпою и отыграю,
Где кончу я, на чем — не угадать.
Но лишь одно, наверное, я знаю —
Мне будет не хотеться умирать.

Посажен на литую цепь почета,
И звенья славы мне не по зубам...
Эй! Кто стучит в дубовые ворота
Костяшками по кованым скобам?!

[Ответа нет.] Но там стоят, я знаю,
Кому не так страшны цепные псы, —
И вот над изгородью замечаю
Знакомый серп отточенной косы.

...Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока — и выбегу в грозу!

<апрель–май 1973>

А. Дюрер. Рыцарь, Смерть и Дьявол

Когда я отпою и отыграю... — Обыгрываются профессиональная деятельность Высоцкого — певца и актера — и устойчивые выражения, означающие финал, смерть: «Его песенка спета», «Сыграть в ящик».

Знакомый серп отточенной косы. — Коса — традиционный символ смерти, иногда смерть именуется «Та, что с косой». Серп иногда также выступает как символ смерти.

Памятник

Я при жизни был рослым и стройным,
Не боялся ни слова, ни пули
И в привычные рамки не лез.
Но с тех пор, как считаюсь покойным, —
Охромил меня и согнули,
К пьедесталу прибав ахиллес.

Не стряхнуть мне гранитного мяса
И не вытащить из постамента
Ахиллесову эту пядь,
И железные ребра каркаса
Мертво схвачены слоём цемента —
Только судороги по хребту.

Я хвалился косою саженью:
Нате, смерти!
Я не знал, что подвергнусь суженью
После смерти.

*Памятник А. С. Пушкину
в Москве на Пушкинской
площади. Скульптор
А. Опекушин. 1880*

Из выступлений В. Высоцкого: «Это даже не песня, а такие стихи под гитару» (1973).

«Может быть, рановато, но я спою песню одну. <...> Ну, все пишут „Памятники“, значит... Вот, не нарушая традиций, к тридцати семи годам пора, по-моему» (1973 или 1974).

Тема памятника Поэту — одна из древнейших в мировой поэзии. Исследователи обнаруживают ее истоки в древнеегипетских папирусах. В античную эпоху она нашла образцовое оформление в знаменитой оде древнеримского поэта Горация (65 до н. э. — 8 до н. э.) «К Мельпомене». В новой русской литературе вслед за Горацием к теме памятника, осмысляемой как своеобразный творческий манифест, обращались М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, В. Я. Брюсов, в советской поэзии — В. В. Маяковский, С. А. Есенин, А. А. Ахматова, Я. В. Смеляков, Б. А. Слуцкий, А. А. Вознесенский, Т. Ю. Кирилов.

Ср. со строками из стихотворения В. В. Маяковского «Юбилейное» (1924), которые звучали в спектакле Театра на Таганке «Послушайте!» (1967) в исполнении В. Высоцкого:

Мне бы
памятник при жизни
полагается по
чину.
Заложил бы
динамиту —
ну-ка,
дрызнь!
Ненавижу
всяческую мертвечину!
Обожаю
всяческую жизнь!

Стихотворение обращено к А. С. Пушкину, точнее, к его бронзовому памятнику на Тверской улице в Москве, с которым Маяковский совершает воображаемую прогулку.

В настоящее время памятники Владимиру Высоцкому установлены в Москве (1985, на могиле на Ваганьковском кладбище, скульптор А. Рукавишников; 1988, во внутреннем дворе Театра на Таганке, скульптор Г. Распопов; 1995, в сквере на площади Петровские ворота, скульптор Г. Распопов), Самаре (2000, художник А. Темников, скульптор И. Мельников; 2008, скульптор М. Шемякин), Мариуполе (1998–2003, скульптор Е. Харabet; 2003, скульптор И. Жигулин), Мелитополе (2000, скульптор К. Чеканев), Бар-

науле (2002, скульптор Н. Звонков), Екатеринбург (2003, скульптор А. Сильницкий), Набережных Челнах (2003, автор — архитектор В. Нестеренко), Новосибирске (2005, скульптор А. Таратынов), Калининграде (2006, скульптор Б. Саипов), Воронеже (2009, скульптор М. Дикунев), Киеве (2009, скульпторы В. и А. Чепелик), Моряковском Затоне Томской области (2010, скульптор В. Майоров), Сочи (2011, скульптор П. Хрисанов), а также в столице Черногории городе Подгорица (2004, скульптор А. Таратынов) и болгарском городе Выршец (2007, скульптор Г. Чапкынов).

Из книги М. Влади «Владимир, или Прерванный полет»: «По поводу памятника на могилу между Володиной семьей и мной разразился скандал. В одном из стихов, названном „Памятник“, Высоцкий оставил что-то вроде завещания, где ясно сказано, чего бы он не хотел видеть на своей могиле.

Давид Боровский — он около пятнадцати лет работал с Володей — устроил по моей просьбе выставку проектов памятника.

На мой взгляд, ничто так не напоминает блестящую и такую недолгую жизнь Владимира Высоцкого, как отколовшийся кусок звезды, сплавившийся в воздухе, оставивший огненный след в небе и завершивший свой стремительный полет на могиле поэта. Прямоугольник земли, выступающая из него необработанная порода, сверху — метеорит. И небольшая надпись: „Владимир Высоцкий“. И даты. <...>

Более тридцати работ выставлены в фойе театра. Скульпторы вложили в работу всю душу, каждый посвоему воздавал должное памяти моего мужа. Мы долго рассматривали каждое произведение, это было печально и прекрасно, но каждый выбирает по себе — и родители остановились на очень похожей скульптуре во весь рост. Вся фигура обернута развевающимся знаменем, над головой — гитара, наверху — двухметровой высоты лошади из золоченой бронзы. Ни на одном из проектов мы не сошлись. Я защищала свой выбор, ссылаясь на стихи моего мужа, доказывая, что само расположение могилы со старой церковью сзади, деревьями и в окружении других могил не позволяет устанавливать высокую скульптуру. Потом я сказала, что Высоцкий был поэтом, артистом, а не Героем Советского Союза и что воинственная и реалистическая скульптура, выбранная родителями, будет противоречить его образу. Изображение не нужно еще и потому, что сохранились фотографии, фильмы, видеокассеты...

Но никакого решения принято не было. Через пять лет положение оставалось прежним. Я должна сказать совершенно искренне, что состояние могилы вселяло в меня радость: горы свежих цветов, меняю-

Но в привычные рамки я всажен —
На спор вбили,
А косую неровную сажень
Распрямили.

И с меня, когда взял я да умер,
Живо маску посмертную сняли
Расторопные члены семьи,
И не знаю, кто их надоумил, —
Только с гипса вчистую стесали
Азиатские скулы мои.

Памятник на могиле
В. Высоцкого на
Ваганьковском кладбище
в Москве. Скульптор
А. Рукавишников.
1985. Фрагмент

Мне такое не мнилось, не снилось,
И считал я, что мне не грозило
Оказаться всех мертвых мертвей, —
Но поверхность на слепке лоснилась,
И могильною скукой сквозило
Из беззубой улыбки моей.

Я при жизни не клал тем, кто хищный,
В пасти палец.
Подойти ко мне с меркой обычной
Опасались.
Но по снятии мерки посмертной —
Тут же в ванной —
Гробовщик подошел ко мне с меркой
Деревянной.

А потом, по прошествии года, —
Как венец моего исправленья —
Крепко сбитый, литой монумент
При огромном скопленье народа
Открывали под бодрое пенье, —
Под мое — с намагниченных лент.

Тишина надо мной раскололась —
Из динамиков хлынули звуки,
С крыш ударил направленный свет,
Мой отчаяньем сорванный голос

Посмертная маска
В. Высоцкого.
Копия

щихся каждый день, зимой и летом, руками друзей, —
что может быть лучше?

Ноябрь восемьдесят пятого года. Мне только что сообщили, что памятник установлен. Отныне на твоей могиле возвышается нагая позолоченная статуя, символ социалистического реализма — то есть то, отчего тебя тошнило при жизни. И поскольку она меньше двух метров в высоту, у тебя там вид гнома с озлобленным лицом и гитарой вместо горба, окруженного со всех сторон мордами лошадей. Это уродливо, не лезет ни в какие ворота и просто смешно».

К пьедесталу прибив ахиллес. — Здесь: пятку. Ахиллес (разг.) — ахиллесово сухожилие; присоединяет мышцы икры к пяточной кости, позволяет человеку бегать, вставать на пальцы и залезать наверх. Самое мощное и крепкое сухожилие человеческого тела, может выдержать тягу на разрыв до 400 килограммов, а в некоторых случаях и более. Относится к наиболее часто травмируемым сухожилиям.

Я хвалился косою саженью... — Т. е. высоким ростом, широкими плечами. Косая сажень — мера длины в Древней Руси, равная примерно 2,5 м. Первоначально — расстояние от кончиков пальцев вытянутой вверх руки до пальцев противоположной ей ноги. Существует устойчивое выражение «косая сажень в плечах», означающее стать и богатырское телосложение. См., например, в стихотворении Н. Некрасова «В деревне»:

Росту большого, рука что железная —
Плечи — косая сажень.

Живо маску посмертную сняли... — Посмертная маска — слепок из гипса или другого пластичного материала, снятый с лица умершего.

Из интервью В. П. Янковича В. К. Перевозчикову: «Марина сказала, что надо снять посмертную маску. Пригласила художника Ю. Васильева. С Васильевым договорились, что он сделает три экземпляра: одну Марина увезет с собой, вторая останется в семье, а третья будет храниться в театре».

Из книги М. Влади «Владимир, или Прерванный полет»: «Уже ночь. Я включаю нашу настольную лампу. Золотистый свет смягчает твоё лицо. Я впускаю скульптора, который поможет мне снять посмертную маску. Это очень верующий пожилой человек. Его размеренные движения меня успокаивают. Пока он разводит гипс, я мажу твоё лицо вазелином, и мне кажется, что оно разглаживается у меня под пальцами. Последняя ласка — как последнее успокоение. По-

том мы молча работаем. Я несколько лет занималась скульптурой, я знаю, как делаются слепки, я вспоминаю почти забытые движения, эта работа вновь окунает меня в простоту жизни. Старый скульптор шепчет последнюю молитву. Все кончено. Маска будет отлита в бронзе в трех экземплярах. Что касается остального — я поручаю все нашему старому другу. На твоём письменном столе лежала посмертная маска Пушкина. Некоторые находят эту традицию мрачной, других шокирует, если они видят такую вещь на стене. Но я думаю, что артист принадлежит всем. Он раз и навсегда отдаёт себя тем, кто его любит».

Из интервью второй жены В. Высоцкого Л. В. Абрамовой В. К. Перевозчикову: «Васильеву снимать маску помогали Марина и его сын... Слепок он унес домой и сам сделал три оригинала. И пометил их, чтобы отличить от любой подделки. А потом поручил скульптору Гурченко выполнить маску в бронзе с серебром (в трех экземплярах). Более того, Васильев взял клятву с Гурченко, что тот правильно выдержит рецепт сплава и не сделает для себя ни одного тайного слепка... И вроде бы никаких нарушений Гурченко не сделал».

«Гипс номер один» был передан Л. П. Делюсину. Тот в своё время подарил его Ю. П. Любимову. В настоящее время гипсовые оригиналы посмертной маски Высоцкого находятся в ГКЦМ В. С. Высоцкого и у В. С. Золотухина. Одна бронзовая маска — у Марины Влади, вторая — у наследников А. С. Макарова, местонахождение третьей бронзовой копии точно неизвестно.

Оказаться всех мертвых мертвей... — Полемический перифраз строк В. В. Маяковского из поэмы «Владимир Ильич Ленин»: «Ленин и теперь живее всех живых!» (1924).

Превратили в приятный фальцет... — Фальцет (ит. falsetto, от falso — ложный) или фистула — верхний головной регистр мужского певческого голоса, звучит мягко, несильно, иногда имеет глухое звучание. Оперные партии для фальцета часто исполнялись певцами-кастратами.

Командора шаги злы и гулки! — Отсылка к трагедии А. С. Пушкина «Каменный гость» (1830) и стихотворению А. А. Блока «Шаги Командора» (1912). Ср. у А. А. Блока:

Тихими, тяжёлыми шагами
В дом вступает Командор...

Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет.

Я немел, в покрывало упрятан, —
Все там будем! —
Я орал в то же время кастратом
В уши людям.
Саван сдернули — как я обужен! —
Нате смертьте!
Неужели такой я вам нужен
После смерти?!

Командора шаги злы и гулки!
Я решил: как во времени оном,
Не пройтись ли по плитам звеня?
И шарахнулись толпы в проулки,
Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня.

Накренился я — гол, безобразен, —
Но и падая, вылез из кожи,
Дотянулся железной клюкой,
И, когда уже грохнулся наземь,
Из разодранных рупоров все же
Прохрипел я похоже: «Живой!»

И паденье меня и согнуло,
И сломало,
Но торчат мои острые скулы
Из металла!
Не сумел я, как было угодно —
Шито-крыто.
Я, напротив, — ушел всенародно
Из гранита.

<начало 1973>

Я из дела ушел

Я из дела ушел, из такого хорошего дела!
Ничего не унес — отвалился в чем мать родила.
Не затем, что приспичило мне, — просто время
 приспело,
Из-за синей горы понагнало другие дела.

Мы многое из книжек узнаём,
А истины передают изустно:
«Пророков нет в отечестве своем»,
Но и в других отечествах — не густо...

Г. Доре. Пророк Илия

В. Высоцкий на съемках кинофильма
«Бегство Мистера Мак-Кинли». 1974

Другое название — «Я ушел».

Из выступлений Владимира Высоцкого: «Сейчас новая песня будет про пророков. Я вспомнил четырех: Исая, Илья, Заратустра... Иеремия, да? Моисей тоже пророк? Магомет» (1972).

«Я попробовал просто вспомнить одну песню, которая была написана вместе вот с этими самыми „Фатальными датами и цифрами“. Она под тем же настроением. И примерно на одну и ту же тему. Но я ее никогда не исполнял на концертах, на своих выступлениях и, наверное, не пел ее примерно лет одиннадцать-двенадцать. И сейчас просто попробовал вспомнить» (1979).

В первоначальной ред. после второй строфы было:

Я не предал друзей, без меня даже выиграл кто-то,
Я подвел одного — ненадолго, — сочтемся потом.
Я из дела исчез, не оставил ни крови, ни пота, —
А оно без меня покатилося своим чередом.

Далее следовали 3-я и 4-я строфы, после которых была строфа:

Незаменимых нет — и пропоем
За упокой ушедшим, будь им пусто:
«Пророков нет в отечестве своем, —
Но и в других отечествах не густо».

А истины передают изустно:

«Пророков нет в отечестве своем»... — Отсылка к эпизоду из Евангелия: «Иисус же — сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Мф. 13 : 57). Крылатое выражение «Нет пророка в своем Отечестве», также восходящее к этому эпизоду, означает пренебрежение и недооценку незаурядной личности соотечественниками и просто теми, кто находится рядом.

...каблуки канифолю... — Здесь: натираю. Канифолью скрипачи натирают смычки для лучшего скольжения по струнам.

Заратустра (VI–V вв. до н. э.) — жрец и пророк, основатель зороастризма, которому было дано Откровение Ахуры Мазды в виде Авесты — Священного Писания зороастризма. Образ Заратустры получил в европейской культуре широкую известность после публикации книги немецкого философа Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883–1885), под впечатлением от которой Р. Штраус написал одноименную симфоническую поэму (1896). Книга Ницше была настольной у литераторов и философов Серебряного века. В комическом ключе имя Заратустры упоминается в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928): «Набил бы я тебе рыло, — мечтательно сообщил Остап, — только Заратустра не позволяет» (гл. VIII. Голубой воришка).

Растащили меня, но я счастлив, что львиную долю
Получили лишь те, кому я б ее отдал и так.
Я по скользкому полу иду, каблуки канифолю,
Подымаюсь по лестнице и прохожу на чердак.

Пророков нет — не сыщешь днем с огнем:
Ушли и Магомет, и Заратустра.
Пророков нет в отечестве моем,
Да и в других отечествах — не густо...

А внизу говорят — от добра ли, от зла ли, не знаю:
«Хорошо, что ушел, без него стало дело верней».
Паутину в углу с образов я ногтями сдираю —
Тороплюсь, потому что за домом седлают коней.

Открылся лик — я встал к нему лицом,
И он поведал мне светло и грустно:
«Пророков нет в отечестве твоём,
Но и в других отечествах — не густо...»

Я влетаю в седло, я врастаю в коня — тело в тело, —
Конь падет подо мной — я уже закусил удила.
Я из дела ушел, из такого хорошего дела!
Из-за синей горы погнало другие дела.

Скачу, хрустят колосья под конем,
Но ясно различимо из-за хруста:
«Пророков нет в отечестве своем,
Но и в других отечествах — не густо...»

<конец 1972>

* * *

Мне судьба — до последней черты, до креста,
 Спорить — до хрипоты, а за ней — немота,
 Убеждать и доказывать с пеной у рта,
 Что не то это вовсе, не тот и не та!
 Что лабазники врут про ошибки Христа,
 Что пока еще в грунт не вляжалась плита,
 Что под властью татар жил Иван Калита,
 И что был не один, кто один против ста.
 Пусть не враз, пусть сперва не поймут ни черта, —
 Повторю, даже в образе злого шута!..
 Но не стоит предмет, да и тема не та,
 Суета всех сует — все равно суета.

Только чашу испить не успеть на бегу,
 Даже если разлить — все равно не смогу.
 Или выплеснуть в наглую рожу врагу, —
 Не ломаюсь, не лгу — не могу. Не могу!
 На вертящемся гладком и скользком кругу
 Равновесье держу, изгибаюсь в дугу.
 Что же с чашею делать — разбить? Не могу!
 Потерплю — и достойного подстерегу,
 Передам — и не надо держаться в кругу
 И в кромешную тьму, и в неясную згу,
 Другу передоверивши чашу, сбегу.
 Смог ли он ее выпить — узнать не смогу.
 Я с сошедшими с круга пасусь на лугу,
 Я о чаше невыпитой здесь ни гугу, —
 Никому не скажу, про себя сберегу.
 А сказать — и затопчут меня на лугу.

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
 Может, кто-то когда-то поставит свечу
 Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
 И веселый манер, на котором шучу.
 Даже если сулят золотую парчу
 Или порчу грозят напустить — не хочу!

Стихотворение предлагалось в подборке для самиздатовского альманаха «Метрополь» (М., 1978). Не вошла.

Что лабазники врут про ошибки Христа... — Лабазники — торговцы, здесь: бездуховные люди. Переосмыслиется сюжет из Евангелия об изгнании Христом торгующих из храма: Иисус вошел «в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано: „дом Мой домом молитвы наречется“; а вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21: 12–13). У Высоцкого «лабазники» ложью мстят Христу за его обличения.

Что пока еще в грунт не вляжалась плита... — Имеется в виду могильная плита, положенная на свежую могилу, означающая недавнее, еще незабытое прошлое.

Что под властью татар жил Иван Калита... — Иван Калита (1288–1341), князь Московский с 1325 (фактически с 1322) до 1341, Великий князь Владимирский (ярлык от хана в 1331) до 1341, князь Новгородский с 1328 по 1337. При Иване Калите начали складываться основы русской государственности, позволившей его наследникам освободиться от татаро-монгольского ига. Здесь выступает как символ независимости и самостоятельности в условиях внешнего подчинения, внутреннего противоборства обстоятельствам.

Испить чашу — идти в чем-либо до конца вообще и особенно в неприятном. Восходит к Ветхому Завету: в Книге пророка Исайи (гл. 51, ст. 17) сказано: «Воспрянь, воспрянь, восстань, Иерусалим, ты, который из руки Господа выпил чашу ярости Его, выпил до дна чашу опьянения, осушил», что означает: сполна принял наказание, уготованное городу Господом.

Или выплеснуть в наглую рожу врагу... — Жест оскорбления, означающий презрение к противнику и вызов на дуэль.

На вертящемся гладком и скользком кругу... — Обыгрывается образ распространенного в советских парках культуры и отдыха аттракциона, рассчитанного на ловкость и умение сохранять равновесие.

...в неясную згу... — Оригинальное использование устаревшего существительного, сохранившегося в устойчивом выражении «Не видно ни зги», означающем полную темноту. Словарь В. И. Даля определяет слово «зга» как «темень, потемки, тьма (сгаснуть сгинуть, сокращ. стега, стезя). На дворе зга згою». По одной из версий, выражение пришло из обихода ямщиков: слово «зга» означало крюк на дуге в лошадиной упряжи, за который цеплялся колокольчик.

Я с сошедшими с круга... — Обыгрывается выражение из спортивного обихода «Сойти с круга» (т. е. с дальней дистанции, которая исчисляется кругами вокруг стадиона), т. е. досрочно прекратить забег, отказаться от участия в соревнованиях (обычно из-за нехватки сил или из-за травмы).

Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу... — По аналогии со струнами гитары, которые подтягиваются с помощью специального винтового механизма, установленного на грифе гитары, для придания им звонкости. Обыгрывается устойчивое речевое выражение «Нервы, натянутые как струны».

В начальном варианте завершилось строфой:

Если все-таки чашу испить мне судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если вдруг докажу, даже с пеной у рта, —
Я умру и скажу, что не все суета!

На ослабленном нерве я не зазвучу —
Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу.
Лучше я загуляю, запью, заторчу!
Все, что ночью крапаю, — в чаду растопчу.
Лучше голову песне своей откручу,
Чем скользить и вихлять, словно пыль по лучу.

<осень 1977>

Рембрандт. Изгнание торгующих из храма

II. Личное дело

Лечь на дно

Сыт я по горло
до подбородка.

Даже от песен
стал уставать.

Лечь бы на дно,
как подводная лодка,
Чтоб не могли
запеленговать.

Друг подавал мне
водку в стакане,
Друг говорил,
что это пройдет.
Друг познакомил
с Веркой по пьяни —
Верка поможет,
а водка спасет.

Не помогли
ни Верка, ни водка:
С водки — похмелье,
с Верки — что взять?
Лечь бы на дно,
как подводная лодка,
И позывных
не передавать.

Сыт я по горло,
сыт я по глотку.
Ох, надоело
петь и играть!
Лечь бы на дно,
как подводная лодка,
Чтоб не могли
запеленговать.

<лето 1965>

Опубликована в самиздатовском альманахе «Метрополь» (М., 1978).

Обращено к И. Кохановскому.

Песня использована братьями Стругацкими в романе «Гадкие лебеди» (1967; опубликован в ФРГ в 1972, в СССР — в 1987) для передачи психологического состояния героя повести Виктора Банева: «Лечь бы на дно, думал он. Лечь бы на самое дно, чтобы не слышали и не видели. Лечь бы на дно, как подводная лодка, подумал он, и кто-то подсказал ему — чтобы не могли запеленговать. И никому не давать о себе знать. И нет меня, нет.

Молчу, разбирайтесь сами. Господи, почему я никак не могу сделаться циником? Лечь бы на дно, как подводная лодка, чтобы не могли запеленговать. Лечь бы на дно, как подводная лодка, — твердил он, — и позывных не передавать. Он уже чувствовал ритм, и сразу заработало: сыт я по горло... До подбородка... И не хочу ни пить, ни писать... Он налил джину и выпил. Где банджо, подумал он. Куда я сунул банджо? Он полез под кровать и вытащил банджо. А мне плавать, — подумал он. — Ох, до какой степени мне плавать! Лечь бы на дно, как подводная лодка, чтобы не могли запеленговать. Он ритмично бил по струнам, и в этом сначала пол, потом вся комната, а потом весь мир пошел притоптывать и поводить плечами. Все генералы и полковники, все мокрые люди с отвалившимися лицами, все департаменты безопасности, все президенты и Павор Сумман, которому выкручивали руки и били по морде... Сыт я по горло, до подбородка, даже от песен стал уставать... Не стал уставать, уже устал, но „стал уставать“ — это хорошо, а значит, это так и есть... Лечь бы на дно, как подводная лодка, чтоб не могли запеленговать. Подводная лодка... Горькая водка... А также молодка, а также наводка, а лагерь не тетка... Вот как, вот как...»

Лечь на дно (жарг.). — Из выступления В. Высоцкого: «Это такое выражение: так, чтобы никто о тебе не слышал полгода, год; это когда подводная лодка ложится на дно — ее не слышать» (1966).

* * *

М. Анчаров. Выступление в ДК «Металлург».
21 мая 1981

**Быть может, из песни Анчарова — МАЗ,
Груженный каспийской селедкой.** —

Имеется в виду песня М. Анчарова «МАЗ» (1960–1962). См.:

Видишь, крошка, у самого неба
МАЗ трехосный застрял в грязи?
Я три года в отпуске не был —
Дай я выскажусь в этой связи.

.....
Что за мною? Всё трасса, трасса
Да осенних дорог кисель,
Как мы гоним с Ростова мясо,
А из Риги завозим сельдь.

МАЗ — грузовой автомобиль производства Минского автомобильного завода.

Машины идут, вот еще пронеслась —
Все к цели конечной и четкой, —
Быть может, из песни Анчарова — МАЗ,
Груженный каспийской селедкой.

Хожу по дорогам, как нищий с сумой,
С умом экономлю копейку,
И силы расходую тоже с умом,
И кутаю крик в телогрейку.

Куда я, зачем? — можно жить, если знать.
И можно — без всякой натуги
Проснуться и встать, если мог бы я спать,
И петь, если б не было выюги.

<декабрь 1966>

МАЗ-530

Зарисовка о Ленинграде

В Ленинграде-городе, у Пяти углов,
Получил по морде Саня Соколов.
Пел немзыкально, скандалил.
Ну и, значит, правильно, что дали.

В Ленинграде-городе — тишь и благодать!
Где шпана и воры где? — просто не видать.
Не сравнить с Афинами — прохладно,
Правда, шведы с финнами... Ну, ладно!

В Ленинграде-городе, как везде, такси,
Но не останóвите — даже не проси.
Если сильно водку пьешь, по пьянке
Не захочешь, а дойдешь к стоянке.

<1961– до 23 мая 1967>

В 1960-е Высоцкий неоднократно бывал в Ленинграде: в частных поездках, на съемках кинофильмов (в частности, именно в Ленинграде в 1961 во время съемок кинофильма «713-й просит посадку» Высоцкий познакомился со своей второй женой Л. В. Абрамовой), на гастролях Театра на Таганке (1964, 1967), с концертами — и особенно любил этот город. Именно в Ленинграде, как говорил В. Высоцкий, он написал свою первую «настоящую» песню «Татуировка».

В Ленинграде-городе, у Пяти углов... — По свидетельству однокурсника В. Высоцкого Р. М. Вильдана в интервью М. Цыбульскому, образ «Пяти углов» запомнился поэту еще со студенческих поездок в Ленинград: «Володе, помню, очень понравилось название „Пять углов“, он даже собирался сочинить песню, где было бы это название. Кажется, начал над ней работать, но потом говорил, что она не закончена».

Пять углов — разговорное название места в центральной части Ленинграда (Петербурга) на пересечении Загородного проспекта с улицами Разъезжая, Рубинштейна (Троицкая) и Ломоносова (Чернышев переулок), существует с конца XVIII.

**В Ленинграде-городе, как везде, такси,
Но не останóвите — даже не проси.** —

Из интервью второй жены В. Высоцкого Л. В. Абрамовой: «Вспоминаю, как мы поехали вдвоем с Каменноостровского в „Асторию“, потому что в „Астории“ жил Костя Худяков. Поехали туда, забрали Костю и поехали на Васильевский остров к кому-то в гости. Торчали там долгое время. Выходим, на чем свет стоит ругаемся, что не поймать машину. Холодно, идет снег, а Костя перед этим подрался на Исаакиевской, уронил часы в сугроб; когда доставал, ему кто-то поддал. И мы всё это с хохотом перевариваем. Вдруг подъезжает такси и останавливается. Мы, стуча зубами, падаем в это такси, ютимся в уголках, одеты во все такое дражное, тертое, Володя во всем казенном. И вот мы сели в это такси, трясась, водитель говорит: „Ну что, домой вас везти?“ Мы: „Сперва на Исаакиевскую“. — „Ну понятно, потом в „Выборгскую““. Мы на него уставились. Оказывается, это тот самый водитель, который нас вез, и Володя с ним выяснил, что такое „Пять углов“».

В Москве тоже есть какое-то место, которое называется „Пять углов“. И вот Володя это с ним выяснял, что, дескать, в Москве „Пять углов“ лучше, чем в Ленинграде. И насчет такси, которое не остановится, тоже сюда попало и долго отлеживалось».

У Пяти углов. Санкт-Петербург

Во время гастролей в Ленинграде. Июнь 1972

Моя «цыганская»

В сон мне — желтые огни,
И хриплю во сне я:
«Повремени, повремени —
Утро мудренее!»

Но и утром все не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьешь с похмелья.

В кабаках — зеленый штоф,
Белые салфетки —
Рай для нищих и шутов,
Мне ж — как птице в клетке.

В церкви смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан...
Нет! И в церкви все не так,
Все не так, как надо!

Я — на гору впопыхах,
Чтоб чего не вышло.
А на горе стоит ольха,
А под горою — вишня.

Хоть бы склон увить плющом,
Мне б и то отрада!
Хоть бы что-нибудь еще...
Все не так, как надо!

Я — по полю вдоль реки.
Света — тьма. Нет Бога!
А в чистом поле васильки
И дальняя дорога.

Песня записана на Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» для пластинки «В. Высоцкий и М. Влади».

Другие названия: «Моя „цыганочка“», «В сон мне желтые огни», «Вариация на цыганские темы», «Всё не так», «Цыганочка».

По свидетельству режиссера Г. Юнгвальд-Хилькевича, песня предлагалась в фильм «Опасные гастроли» (Одесская киностудия, 1969). В фильм не вошла.

Фрагмент песни использован в пьесе А. Штейна «Последний парад» и в одноименном спектакле Московского академического театра сатиры.

Опубликована в кн.: Штейн А. Последний парад. М., 1969.

В списке песен, сделанном во время записи на студии «Мелодия», озаглавлена как «Песня из к/ф „Иван Васильевич меняет профессию“». В фильм в исполнении В. Высоцкого вошла «Цыганочка» («Поговори хоть ты со мной...»).

Песня записана в августе 1976 в Канаде, вышла на пластинке «VLADIMIR VISSOTSKY» (RCA Victor, 1977. Франция).

В авторском исполнении после каждого двух строк следовал рефрен «Эх, раз, да еще раз...», иногда — с повтором последней строки куплета.

Из интервью певицы Р. Волшаниновой М. Цыбульскому: «Володя очень любил и понимал цыганское искусство. Любить — это значит чувствовать музыку нашу. Он ее очень хорошо чувствовал. И просил нас петь еще и еще».

Из интервью ассистента звукооператора фильма «Опасные гастроли» А. А. Борисова М. Цыбульскому (2007): «Вы знаете, эта песня, можно сказать, рождалась у меня на глазах. Это еще в Санжейке было, на съемках „Особого мнения“. Я тогда его впервые увидел — какая-то одежда на нем типа рыбацкой была, сапоги... Сам чуть пьяненький, ходил он с гитарой по обрыву и напевал „Цыганочку“. Как я понял потом, он отрабатывал эту песню. Потому что к нему все кидались — „Володя, спой!“ На том фильме работало много людей, знавших его и по „Вертикали“, и просто по контактам на Одесской студии. И он пел. Я хорошо помню, что он пел такую песню:

Если вас ударят в глаз —
Вы, конечно, вскрикнете,
Раз ударят, два ударят,
А потом привыкнете.

То есть это песня на мотив „Цыганочки“. Как мне кажется, его собственная „Цыганочка“ у него в голове тогда все время крутилась и была уже где-то на подходе» (2007).

Из интервью второй жены В. Высоцкого Л. В. Абрамовой В. К. Перевозчикову: «В „Цыганочке“ очень много образов из спектакля: и „плаха с топорами“, и сама тема дороги — там (в спектакле Театра на Таганке „Пугачев“. — *Сост.*) этот подиум, эта дорога сверху вниз: на цепи, на плаху... А не нравилась ему в спектакле историческая карикатура, которая казалась Володе не одной группы крови с трагедией. Ему казалось, что они с Колей Губенко играют трагедию — собственную! Хотя, казалось бы, какое у них тогда трагическое одиночество? <...> И всё же в спектакле они играли страшное предчувствие одиночества. Нет, Есенин был совершенно особым этапом в жизни Володи...»

**И ни церковь, ни кабак —
Ничего не свято! —**

Полемическое переосмысление традиционного противопоставления «кабака» и «церкви». См., например, у Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» (январь 1876): «Ведь иссякает народная сила, глохнет источник будущих богатств, беднеет ум и развитие, — и что вынесут в уме и сердце своем современные дети народа, выросшие в скверне отцов своих? Загорелось село и в селе церковь, вышел целовальник и крикнул народу, что если бросят отстаивать церковь, а отстоят кабак, то выкатит народу бочку. Церковь сгорела, а кабак отстояли».

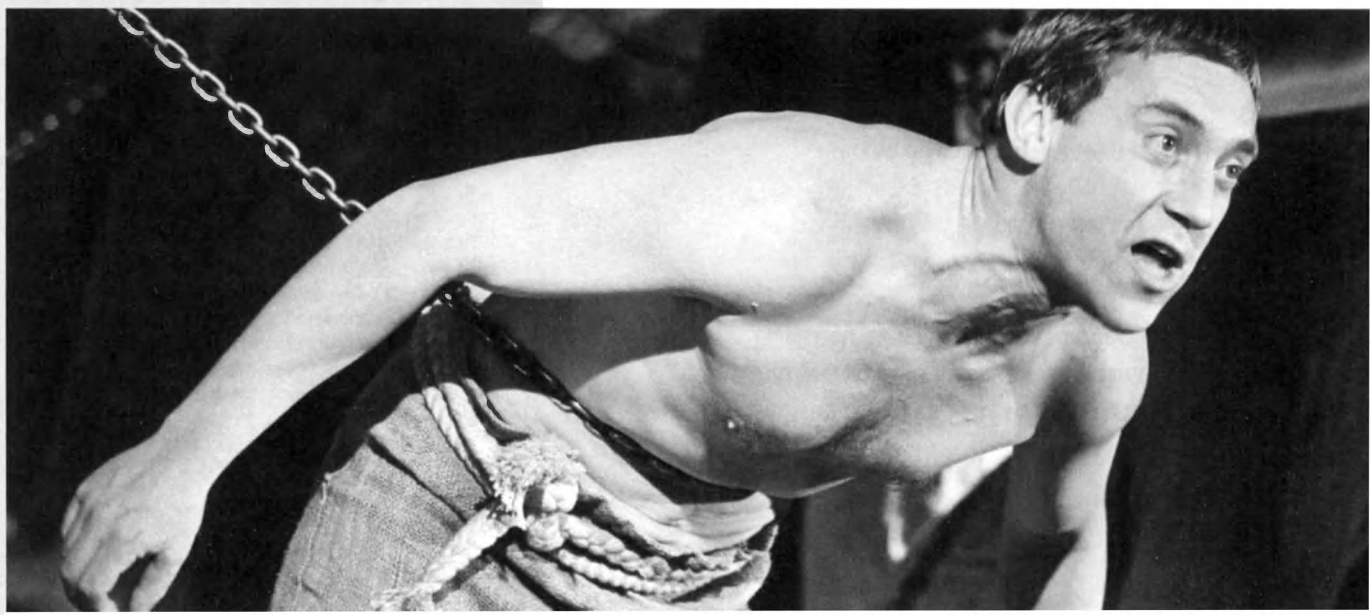
Вдоль дороги лес густой
С Бабами-ягами.
А в конце дороги той —
Плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так,
А в конце — давно.

И ни церковь, ни кабак —
Ничего не свято!
Нет, ребята! Все не так,
Все не так, ребята!

<осень 1967>

В. Высоцкий в спектакле «Пугачев»

Я уехал в Магадан

Игорю Кохановскому

Ты думаешь, что мне не по годам?
Я очень редко раскрываю душу.
Я расскажу тебе про Магадан —
Слушай!

Как я видел Нагайскую бухту
да тракты —
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

Однажды я уехал в Магадан —
Я от себя бежал, как от чахотки.
Я сразу там напился вдрабадан
Водки!

Но я видел Нагайскую бухту
да тракты —
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

За мной летели слухи по следам,
Опережая самолет и выюгу,
Я все-таки уехал в Магадан
К другу!

И я видел Нагайскую бухту
да тракты —
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

Я повода врагам своим не дал —
Не взрезал вены, не порвал аорту.
Я взял, да как уехал в Магадан,
К черту!

Я все-таки уехал в Магадан
Я от себя бежал, как от чахотки.
Я сразу там напился вдрабадан
Водки!

Но я видел Нагайскую бухту да тракты
Улетел я туда не с бухты-барахты

За мной летели слухи по следам
Опережая самолет и выюгу
Я все-таки уехал в Магадан
К другу!

Я повода врагам своим не дал
Не взрезал вены, не порвал аорту
Я взял, да как уехал в Магадан
К черту!

Я сразу там напился вдрабадан
Водки!

Но я видел Нагайскую бухту да тракты
Улетел я туда не с бухты-барахты

За мной летели слухи по следам
Опережая самолет и выюгу
Я все-таки уехал в Магадан
К другу!

Я повода врагам своим не дал
Не взрезал вены, не порвал аорту
Я взял, да как уехал в Магадан
К черту!

Другое название — «Про Магадан».

Песня предлагалась в пьесе А. Штейна «Последний парад». В одноименные спектакли не вошла.

Поездка в Магадан была спонтанной и состоялась 21–24 марта 1968. Накануне произошел скандал в Театре на Таганке: за нарушение трудовой дисциплины Высоцкий был снят со спектакля с угрозой увольнения, приказ о котором появился, как следует из дневника В. С. Золотухина, на следующий день после отлета Высоцкого в Магадан. Из Магадана Высоцкий вылетел на съемки кинофильма «Служили два товарища».

Из воспоминаний И. В. Кохановского: «В Домодедове было два рейса на Магадан, был и в два часа дня. Прилетел он в четверг вечером 21-го. Потому что на пятницу я отпрашивался у редактора. В пятницу, как обычно, был банный день и мы парились в бане. А пока я утром бегал в редакцию и оставил Володю с матерью нашего художника, тоже любительницей выпить, они выпили и он сидел и пел ей песни. Потом я водил его по городу, показывал бараки, где жили заключенные... И потом, когда я в мае прилетел в отпуск, у него уже была песня про Нагаевскую бухту».

Из интервью друга юности В. Высоцкого писателя А. С. Макарова В. К. Перевозчикову: «И вдруг Володя — по пьяни — улетел в Магадан. Как-то так получилось, что в это время никого из нас не было в Москве и Володе совершенно некуда было деваться... Вот он и рванул в Магадан к Кохановскому. Все это было как гром среди ясного неба для всех нас. А Вовчик привез оттуда эту песню. Я говорю: „Вовчик, что же это такое?“ — „Да ты знаешь, Арчик, так бывает... Он все-таки друг мой...“»

Из воспоминаний бывшего начальника управления на р. Оле Ю. Г. Емельяненко: «Когда Володя приехал в Магадан, мы с ним не встретились. Он был у Кошелева Виктора, приятеля Игоря Кохановского. Два дня они не выходили из-за стола, он и Магадана-то не видел. Уже в день отъезда его оттащили от стола, впахнули в такси, машина, не останавливаясь, сделала круг по Магадану, он, не вылезая, поглядел Нагайскую бухту и — напрямик по Колымскому тракту на 56-й километр... А после этого написал: „Я увидел Нагайскую бухту да тракты — / Улетел я туда не с бухты-барахты!“».

Нагайская бухта... — Бухта Нагаева (разг. — Нагаевская бухта) в Тауйской губе Охотского моря. Хорошо защищена с трех сторон (кроме западной) и считается лучшей стоянкой для судов в Охотском море. На побережье бухты расположены город Магадан и порт Нагаево. В период массовых сталинских репрессий бухта Нагаева использовалась как пересыльный пункт для вновь прибывших морем заключенных, откуда их отправляли далее по этапу в лагеря Магадана и Колымы.

**Я повода врагам своим не дал —
Не взрезал вены, не порвал аорту.** —

Из дневника В. С. Золотухина, запись от 21 марта 1968: «Ужасный день. Вчера играл Керенского за Высоцкого, а сегодня, и вчера, и ночью молю Бога, чтобы он руки на себя не наложил. <...> Перед спектаклем показал мне записку: „Очень прошу в моей смерти никого не винить“».

Все ваши дамы биты! — Обыгрывается термин карточной игры, означающий проигрыш. Ср. у А. С. Пушкина в повести «Пиковая дама» (1833), сцена финальной игры в штосс: «Дама ваша убита, — сказал ласково Чекалинский».

Я увидел Нагайскую бухту
да тракты —
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

Я, правда, здесь оставил много дам —
Писали мне: «Все ваши дамы биты!» —
Ну что ж, а я уехал в Магадан.
Квиты!

И я видел Нагайскую бухту
да тракты —
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

Когда подходит дело к холодам —
Пусть это далеко, да и накладно,
Могу уехать к другу в Магадан.
Ладно!

Ты не видел Нагайскую бухту —
дурак ты!
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

<около 21 марта 1968>

* * *

Я скольжу по коричневой пленке...
Или это — красивые сны?
Простыня на постели в сторонке
Смята комом, огни зажжены.

Или просто погашены свечи?
Я проснусь — липкий пот и знобит.
Лишь во сне долгожданные речи,
Лишь во сне яркий факел горит.

И усталым, больным каннибалом,
Что способен лишь сам себя есть,
Я грызу свои руки шакалом —
Это так, это все, это есть!

Оторвите от сердца аорту, —
Сердце можно давно заменять!
Не послать ли тоску мою к черту?
Оторвите меня от меня!

Путь блестящий наш — смех и загадка, —
Вот и время всех бледных времен.
Расплескалась судьба без остатка...
Кто прощает, то<т> не обречен.

<начало 1970>

Я скольжу по коричневой пленке... — По мнению некоторых исследователей, имеется в виду магнитофонная лента (или пленка), имевшая характерный коричневый цвет.

Каннибал (от фр. cannibale, исп. canibal) — людоед.

«Надо с кем-то рассорить кого-то...»

* * *

Надо с кем-то рассорить кого-то,
Только с кем и кого?
Надо сделать трагичное что-то.
Только что, для чего?

Надо выстрадать, надо забыться.
Только в чем и зачем?
Надо как-то однажды напиться.
Только с кем, только с кем?

Надо сделать хорошее что-то.
Для кого, для чего?
Это, может быть, только работа
Для себя самого!

Ну а что для других, что для многих?
Что для лучших друзей?
А для них — земляные дороги
Души моей!

<23 марта 1970>

В. Высоцкий на концерте в клубе «Восток». 1967

* * *

Я все вопросы освещу сполна —
Дам любопытству удовлетворенье!
Да, у меня француженка жена,
Но русского она происхождения.

Нет! У меня сейчас любовниц нет.
А будут ли? Пока что не намерен.
Не пью примерно около двух лет.
Запью ли вновь? Не знаю, не уверен.

Да нет, живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

Зеленоград, Московская область. Апрель 1978

Да, у меня француженка жена... — Брак гражданина СССР Владимира Семеновича Высоцкого с гражданкой Франции Мариной Влади зарегистрирован 1 декабря 1970 во Дворце бракосочетаний № 1 г. Москвы на ул. Грибоедова (ныне Малый Харитоньевский пер.).

Но русского она происхождения. — Марина Влади — артистический псевдоним Марины Владимировны Поляковой-Байдаровой, дочери выходцев из России — оперного певца В. В. Полякова-Байдарова и дочери русского генерала М. Е. Энвальд.

Не пью примерно около двух лет. — 1968–1970 отмечены в биографии Высоцкого многочисленными алкогольными срывами и лечениями в больницах. После женитьбы Высоцкий предпринял попытку завязать и в течение продолжительного времени вел трезвый образ жизни.

Вопросы будут, видимо, о спальне... — Т. е. об интимной жизни. Из выступления В. Высоцкого: «Я знаю, что аудитории теперь искушенные, подготовленные, с большим количеством полученной информации, которая на них льется отовсюду: из уст профессоров, с телевидения, из радио, газет, так что, если вас что-то заинтересует, пожалуйста, спрашивайте, ради бога: или записками, или кричите — как хотите. Я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Лучше о творчестве, чем о личной жизни: я не буду отвечать, сколько раз я разведен, женат и так далее, я и сам это забыл, уже не помню» (1979).

Живу не возле «Сокола»... — В районе станции метро «Сокол» в Москве находились кооперативные дома литераторов, художников, музыкантов, артистов.

В Париж пока что не проник... — Первая поездка Высоцкого в Париж состоялась весной 1973.

Один, стоявший в скромном уголочке, Спросил: «А что имели вы в виду В такой-то песне и в такой-то строчке?» — Из выступления В. Высоцкого: «Многие-многие люди спрашивают в письме, очень часто, что я имел в виду под той или иной песней. Ну, я всегда отвечаю: „Что я имел в виду, то я и написал“. Но это даже хорошо, что каждый из слушателей видит в этих песнях то, что ему кажется ближе. И я даже хотел написать общий такой ответ на все вопросы, которые мне задают. <...> Некоторые совсем приписывают другое содержание

песням. Но самое главное, что они над ними думают, и это для меня самая большая похвала и награда» (1978).

Зенон. VI в. до н. э.

Зенон (др.-греч. Αἰώνιος, точнее Эзоп) — полулегендарная фигура древнегреческой литературы, баснописец, живший в VI в. до н. э. Эзопов язык — язык иносказаний, к которому прибегали сатирики в условиях официальной цензуры. Об эзоповом языке сатирических произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина рассказывали в школе на уроках литературы в 10-м классе.

В кармане фи́ги нет... — Обыгрывается выражение «Держать фигу (кукиш) в кармане», означающее утаивание истинных намерений или взглядов, лицемерие.

Я все вопросы освещу сполна,
Как на духу — попу в исповедальне.
В блокноты ваши капает слюна —
Вопросы будут, видимо, о спальне...

Да, так и есть! Вот густо покраснел
Интервьюер: «Вы изменяли женам?» —
Как будто за портьеру посмотрел
Иль под кровать залег с магнитофоном.

Да нет, живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

Теперь я к основному перейду:
Один, стоявший в скромном уголочке,
Спросил: «А что имели вы в виду
В такой-то песне и в такой-то строчке?» —

Ответ: «Во мне Эзоп не воскресал.
В кармане фи́ги нет — не суетитесь!
А что имел в виду — то написал, —
Вот, вывернул карманы — убедитесь».

Да нет, живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

<до осени 1971>

* * *

Прошла пора вступлений и прелюдий.
Все хорошо — не вру, без дураков:
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков»...

Быть может, запись слышал из окón,
А может быть, с детьми уши не сваришь,
Как знать, — но приобрел магнитофон
Какой-нибудь ответственный товарищ.

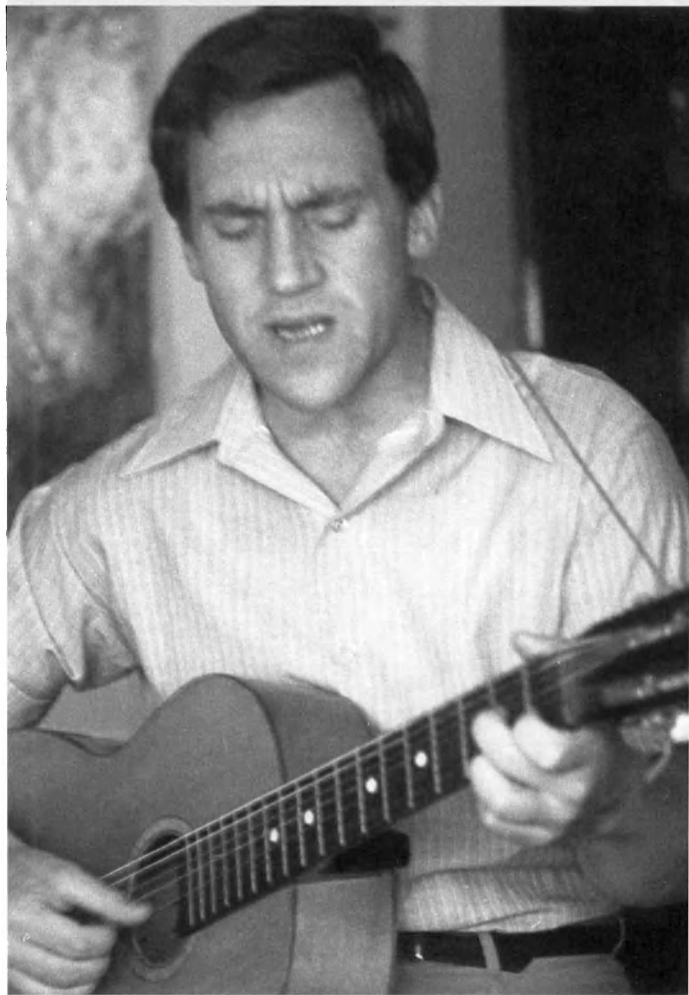
И, предаваясь будничной беседе
В кругу семьи, где свет торшера тускл,
Тихонько, чтоб не слышали соседи,
Он взял да и нажал на кнопку «пуск».

И там, не разобрав последних слов
(Прескверный дубль достали на работе),
Услышал он «Охоту на волков»
И кое-что еще на обороте.

И все прослушав до последней ноты,
И разозлясь, что слов последних нет,
Он поднял трубку: «Автора "Охоты"
Ко мне пришлите завтра в кабинет!»

Я не хлебнул для храбрости винца,
И, подавляя частую икоту,
С порога — от начала до конца —
Я проорал ту самую «Охоту».

Его просили дети, безусловно,
Чтобы была улыбка на лице, —
Но он меня прослушал благосклонно
И даже аплодировал в конце.

8 июля 1968

Несмотря на то что официально песенное творчество Владимира Высоцкого находилось под негласным запретом, его записи тем не менее звучали почти во всех домах, в том числе и партийных руководителей страны. Его неоднократно приглашали к себе с просьбой спеть представители разных уровней власти, и поэту, вынужденному неустанно пробивать стену молчания и недоброжелательства, приходилось выступать в надежде, что его творчество, может быть, получит поддержку. Часто просили спеть Высоцкого и «опальную» «Охоту на волков».

Как вспоминает М. М. Шемякин, один из таких «домашних концертов» на заказ вызвал у Высоцкого особое отторжение и негодование. Пригласивший его к себе чиновник, слушая песню, посвященную инакомыслящим, которых преследуют идеологические надсмотрщики, так проникся ее содержанием, что просил петь ее еще и еще, а сам тем временем напивался дорогим алкоголем и в конце растроганно признался поэту: «О нас это, Володя, о нас!»

Случай побудил Высоцкого откликнуться гневной и горькой песней.

Прелюдия (позднелат. *praeludium*, от лат. *praeludo* — играю предварительно, на пробу, делаю вступление) — инструментальная музыкальная пьеса, преимущественно сольная. Часто предшествует более крупному музыкальному произведению.

«Охота на волков» — написанная в 1968 и фактически запрещенная песня В. Высоцкого.

...с детьми уши не сваришь... — Обыгрывается фразеологический оборот «С ним уши не сваришь», означающий невозможность договориться, сделать что-нибудь вместе.

Ответственный товарищ — на советском языке: партийный руководитель.

И там, не разобрав последних слов... — Последняя строфа «Охоты на волков»:

Идет охота на волков, идет охота
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Телефон прямой связи

И об стакан бутылкою звеня,
Которую извлек из книжной полки,
Он выпалил: «Да это ж — про меня!
Про нас про всех — какие, к черту, волки!»

...Ну все, теперь, конечно, что-то будет —
Уже три года в день по пять звонков:
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

<конец 1971>

Я к вам пишу

Спасибо вам, мои корреспонденты,
Все те, кому ответить я не смог,
Рабочие, узбеки и студенты,
Все, кто писал мне письма, — дай вам Бог,

Дай Бог вам жизни две,
И друга одного,
И света в голове,
И доброго всего!

Найдя стократно вытертые ленты,
Вы хрип мой разбирали по слогам,
Так дай же Бог, мои корреспонденты,
И сил в руках, да и удачи вам!

Вот пишут: голос мой не одинаков —
То хриплый, то надрывный, то глухой...
И просит население барачков:
«Володя! Ты не пой за упокой!»

Но что поделать — я и впрямь не звóнок:
Звенят другие, я — хриплю слова.
Обилие некачественных пленок
Вредит мне даже больше, чем молва.

Вот спрашивают: «Попадал ли в плен ты?»
Нет, не бывал — не воевал ни дня.
Спасибо вам, мои корреспонденты,
Что вы неверно поняли меня!

Друзья мои, — жаль, что не боевые, —
От моря, от станка и от сохи,
Спасибо вам за присланные злые
И даже неудачные стихи.
Вот я читаю: «Вышел ты из моды.
Сгинь, сатана, изыди, хриплый бес!
Как глупо, что не месяцы, а годы
Тебя перевозносили до небес!»

Из выступления В. Высоцкого: «Раньше меня часто спрашивали в письмах: „Сколько лет вы сидели?“ Наверное, многие люди, услышав мои уличные песни и разные под них подделки, считали, что родился я в лагере и долго там жил, что здесь вот у меня — нож, вот тут — струйка крови, гитара сбоку растет и вообще — это „громадный, рыжего цвета человек“. Сейчас вроде этот слух прошел: поняли, что не сидел, или, во всяком случае, немного. Многие сплетни и разговоры кончились, когда я начал работать в Театре на Таганке, но иногда я такого про себя наслушаюсь, что уши вянут. Одна девочка из Новосибирска меня спросила: „Правда, что вы умерли?“ Я говорю: „Не знаю“».

Я к вам пишу — цитата из первой строки письма Татьяны к Онегину из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

*Найдя стократно вытертые ленты,
Вы хрип мой разбирали по слогам...* —

Из выступления В. Высоцкого: «Сейчас все-таки немного полегче стало, потому что появилась хорошая техника — привозят все отовсюду, — а раньше был кошмар! Сделают плохую запись, потом ее переписут — есть же люди, которые с этого живут: они продают эти записи. Я как-то слышал одну пленку на два часа, в ней было девяносто песен, из них семь моих. Так что вот из-за чего я возражаю. Делайте хорошие записи, мне это только поможет».

*Но что поделать, — я и впрямь не звóнок:
Звенят другие, я — хриплю слова.* —

Из выступления В. Высоцкого: «Я не раз слышал, как „под меня“ поют. Некоторые думают, что надо, мол, подышать в форточку холодным воздухом, выпить холодного пива, голос сорвать: „А-а-а!“ — и будет „под Высоцкого“. Во-первых, это неправда, потому что у меня всегда был такой голос, я с ним ничего не делал, и особенно пива холодного старался не пить, и выдерживаю по пять выступлений перед такой же аудиторией по два часа — и ничего! Я, правда, подорвал его куревом, питьем, криком, но даже когда я был вот таким пацаном и читал свои стихи взрослым людям, они часто говорили: „Надо же, какой маленький, а как пьет!“ Голос всегда был такой низкий — это просто строение горла такое, я уж не знаю, — от папы с мамой. Сейчас он чуть-чуть видоизменился в связи с годами и многочисленными выступлениями... на сцене и в театре. Раньше говорили „пропитой“, а теперь из уважения говорят „с трещиной“. Так что шуточки и упреки по этому поводу я слышал давно».

Вот спрашивают: «Попадал ли в плен ты?» — В советском сознании со времен Великой Отечествен-

ной войны пребывание в плену расценивалось как некая гражданская неполноценность личности, ее потенциальная ущербность: считалось, что в плен попадали трусы и предатели, бывший пленный подозревался в завербованности противником. В советских анкетах (в частности, анкетах призванных) была графа: «Пребывание в плену». Так что вопрос с намеком.

Крез — здесь: богат. По имени легендарного царя Лидии Креза, славившегося несметными богатствами.

Идите, мол, на Темзу и на Нил!.. — Название рек в данной строке безусловно — эвфемизмы (замены нецензурных выражений). Темза — река в Англии, Нил — река в Египте, и если в отсылке на берега Темзы в скрытом виде может читаться приглашение к эмиграции (из Лондона, стоящего на Темзе, велось вещание «Русской службы ВВС»), то Египет как место эмиграции никогда рассматривался. В данном случае «Нил» это лишь слово из трех букв.

Но только я уже бывал на Темзе... — Высоцкий побывал в Лондоне в феврале 1975 вместе с Мариной Влади. До 1973 он из СССР не выезжал.

Собакою на сене восседал! — Обыгрывается фразеологическое выражение «собака на сене», означающее «ни себе, ни людям», с одной стороны, и название реки Сены, на которой стоит Париж, — с другой. По смыслу — горькая ирония по поводу своего статуса «невъездного» и многочисленных слухах об эмиграции Высоцкого. (См.: «Нет меня, я покинул Россию...»)

**Я вам пишу, мои корреспонденты,
Ночами песни вот уж десять лет.** —

Из выступления В. Высоцкого: «Работаю я по ночам с маленьким магнитофончиком. Если пришла какая-то строка, я тут же моментально пытаюсь найти для нее музыкальную основу, а вам на первый взгляд кажется, что это страшно просто. И так оно и есть: для этого и работаешь, чтобы очищать, вылизывать каждую букву, чтобы это входило в каждого, совсем не заставляя людей напрягаться, вслушиваться: „А что он там? Что он сказал?“» <...>

А ночью я пишу не только оттого, что у меня нет времени днем, — это естественно, потому что днем мы и снимаемся, и репетируем, а еще и потому, чтобы просто никто не мешал. Происходит какое-то таинство, что-то такое оттуда спускается, получаются какие-то строчки. Иногда песня вылетает сразу, моментально ляжет на лист, а иногда все время тебя гложет, не дает возможности спокойно отдыхать, откинувшись, так сказать. Пока ты ее не напишешь, она все время тебя гложет».

Еще письмо: «Вы умерли от водки?»
Да, правда, умер, но потом воскрес.
«А каковы доходы Ваши, все-таки?»
За песню — «трешник». — «Вы же просто крез!»

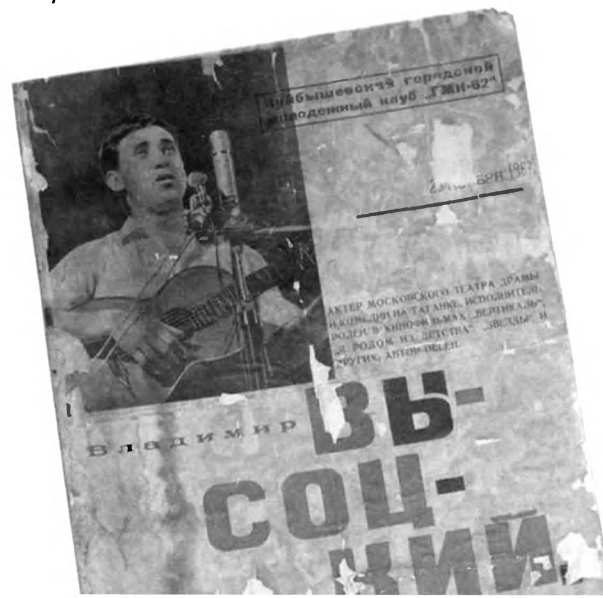
Ах, письма высочайшего пошиба:
Идите, мол, на Темзу и на Нил!..
Спасибо, люди добрые, спасибо,
Что не жалели ночи и чернил.

Но только я уже бывал на Темзе,
Собакою на сене восседал!
Я не грублю, но отвечаю тем же.
А писем до конца не дочитал.

И ваши похвалы и комплименты,
Авансы мне — не отфутболю я:
От ваших строк, мои корреспонденты,
Прямет путь и сохнет коля.

Сержанты, моряки, интеллигенты,
Простите, что не каждому ответ, —
Я вам пишу, мои корреспонденты,
Ночами песни вот уж десять лет.

<апрель или ноябрь 1972>

* * *

Я бодрствую, но вещий сон мне снится.
Пилюли пью — надеюсь, что усну.
Не привыкать глотать мне горькую слюну:
Организации, инстанции и лица
Мне объявили явную войну —
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Затем, чтоб доказать — я в колесе не спица,
За то, что мне неймется, и за то, что мне не спится,
За то, что в передачах заграница
Передаёт блатную старину,
Считая своим долгом извиниться:
«Мы сами, без согласия...» — Ну и ну!
За что еще? Быть может, за жену —
Что, мол, не мог на нашей подданной жениться,
Что, мол, упрямо лезу в капстрану
И очень не хочу идти ко дну,
Что песню написал, и не одну,
Про то, как мы когда-то били фрица,
Про рядового, что на дзот валится,
А сам — ни сном ни духом про войну.
Кричат, что я у них украл луну
И что-нибудь еще украсть не премину.
И небылицу догоняет небылица.
Не спится мне... Ну как же мне не спиться!
Нет, не сопьюсь — я руку протяну
И завещание крестом перечеркну,
И сам я не забуду осениться,
И песню напишу, и не одну,
И в песне я кого-то прокляну,
Но в пояс не забуду поклониться
Всем тем, кто написал, чтоб я не смел ложиться!
Пусть даже горькую пилюлю загло[т]ну.

<лето 1972–март 1973>

**Организации, инстанции и лица
Мне объявили явную войну... —**

Имеются в виду газетные нападки и попытки уголовного преследования за «нелегальные» концерты в Новокузнецке, состоявшиеся 3–8 февраля 1973. Уже 30 марта в газете «Советская культура» появилась рецензия-донос на эти гастроли М. Шлифера «Частным порядком», в которой говорилось: «Едва ли не на второй день пребывания Владимира Высоцкого в Новокузнецке публика стала высказывать и недоумение, и возмущение. В. Высоцкий давал по пять концертов в день! Подумайте только: пять концертов! Обычно концерт длится час сорок минут (иногда час пятьдесят минут). Помножьте на пять. Девять часов на сцене — это немыслимая, невозможная норма! Высоцкий ведет весь концерт один перед тысячей зрителей, и конечно же, от него требуется полная отдача физической и духовной энергии. Даже богатырю, Илье Муромцу от искусства, непосильна такая нагрузка!» Публикация сопровождалась редакционным комментарием: «Получив письмо М. Шлифера, мы связались по телефону с сотрудником Росконцерта С. Стратулатом, чтобы проверить факты.

— Возможно ли подобное?

— Да, артист Высоцкий за четыре дня дал в Новокузнецке 16 концертов.

— Но существует приказ Министерства культуры СССР, запрещающий несколько концертов в день. Как же могло получиться, что артист работал в городе с такой непомерной нагрузкой? Кто организовал гастроли?

— Они шли, как говорится, «частным» порядком, помимо Росконцерта, по личной договоренности с директором местного театра Д. Барацем и с согласия областного управления культуры. Решили заработать на популярности артиста. Мы узнали обо всей этой «операции» лишь из возмущенных писем, пришедших из Новокузнецка.

— Значит, директор театра, нарушив все законы и положения, предложил исполнителю заключить «коммерческую» сделку, а артист, нарушив всякие этические нормы, дал на это согласие, заведомо зная, что идет на халтуру. Кстати, разве В. Высоцкий фигурирует в списке вокалистов, пользующихся правом на сольные программы?

— Нет. И в этом смысле все приказы были обойдены.

Директор Росконцерта Ю. Юровский дополнил С. Стратулата:

— Программа концертов никем не была принята и утверждена. Наши телеграммы в управление культуры Новокузнецка с требованием прекратить неза-

В. Высоцкий в спектакле «Гамлет». 1972

конную предпринимательскую деятельность остались без ответа.

Так произведена была купля и продажа концертов, которые не принесли ни радости зрителям, ни славы артисту.

Хочется надеяться, что Министерство культуры РСФСР и областной комитет партии дадут необходимую оценку подобной организации концертного обслуживания жителей города Новокузнецка».

После выхода в свет этой заметки в Новокузнецке была проведена проверка, и хотя указанные нарушения были выявлены, уголовного дела на Высоцкого тогда заведено не было.

За то, что я хриплю на всю страну... — Из «рецензии» М. Шлифера: «И песни он исполнял в своей, очень своеобразной манере, которую сразу отличишь от любой другой. Артист сам заявил зрителям, что не обладает вокальными данными. Да и аудитория в этом легко убедилась: поет он „с хрипотцой“, тусклым голосом, но, безусловно, с душой».

*За то, что в передачах за граница
Передаёт блатную старину...* —

2 апреля в газете «Нью-Йорк таймс» появилась заметка Х. Смита «Советы порицают исполнителя подпольных песен», в которой говорилось о газетных преследованиях Высоцкого и их истинных причинах. Фрагменты статьи были зачитаны в передаче по радио «Голос Америки».

Что, мол, упрямо лезу в капстрану... — Весной 1973 Высоцкий подал заявление на визу для выезда во Францию. 30 марта, в день публикации статьи

в «Советской культуре», он получил разрешение на выезд.

Капстрана (разг.) — капиталистическая страна.

*Про рядового, что на дзот валится,
А сам — ни сном ни духом про войну.* —

Еще в 1968 во время первой ширококомасштабной кампании против Высоцкого авторы статьи «О чем поет Высоцкий?» писали: «Высоцкий поет от имени и во имя алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполноценных. <...> Во имя чего поет Высоцкий? Он сам отвечает на этот вопрос: „Ради справедливости, и только“. Но на поверку оказывается, что эта справедливость — клевета на нашу действительность. У него, например, не находится добрых слов о миллионах советских людей, отдавших свои жизни за Родину». Тогда же в письме на имя руководителя отдела агитации и пропаганды ЦК В. Степакова В. Высоцкий с негодованием сообщал: «<...> Авторами указывается, что у меня не нашлось слов, чтобы написать о героях войны, и я будто бы написал о штрафниках как о единственных защитниках Родины. Это — неправда. И прежде чем писать и печатать статью, авторы и редакция могли бы выяснить, что мною написано много песен о войне, о павших бойцах, о подводниках и летчиках. Песни эти звучали в фильмах, в спектаклях и исполнялись мною с эстрады».

И сам я не забуду осениться... — Т. е. осенить себя крестом, перекреститься с целью оберечь от злого глаза и недоброжелателей.

* * *

Я скачу позади на полслова
На нерезвом коне, без щита.
Я похож не на ратника злого,
А скорее — на злого шута.

Бывало, вырывался я на корпус
Уверенно, как сам великий князь,
Клонясь вперед, — не падая, не горбясь,
А именно намеренно клонясь.

Но из седла меня однажды выбили —
Копьем поддели, сбоку подскавав,
И надо мной, лежащим, лошадь вздыбили
И надругались, плетью приласкав.

Рядом всадники с гиканьем диким
Копья целили в месиво тел.
Ах, дурак я, что с князем великим
Поравняться в осанке хотел!

Теперь на поле битвы не ищите —
Я отстранен от всяких ратных дел.
Кольчугу унесли — я беззащитен
Для зуботычин, дротиков и стрел.

Зазубрен мой топор, и руки скручены.
Я брошен в хлев вонючий на настил,
Пожизненно до битвы недопущенный
За то, что раз бестактность допустил.

Назван я перед ратью двуликим —
И топтать меня можно, и сечь.
Но взойдет и над князем великим
Окровавленный кованый меч!

В тексте в метафорической форме дается осмысление конфликта, произошедшего в начале 1973 между В. Высоцким и руководством Театра на Таганке.

Бывало, вырывался я на корпус... — Конноспортивный термин: опережал других скачущих на расстояние, равное длине корпуса лошади.

Великий князь — в средневековой Руси титул верховного правителя (напр., Великий князь Киевский); в царской России — официальный титул сыновей царствующего монарха.

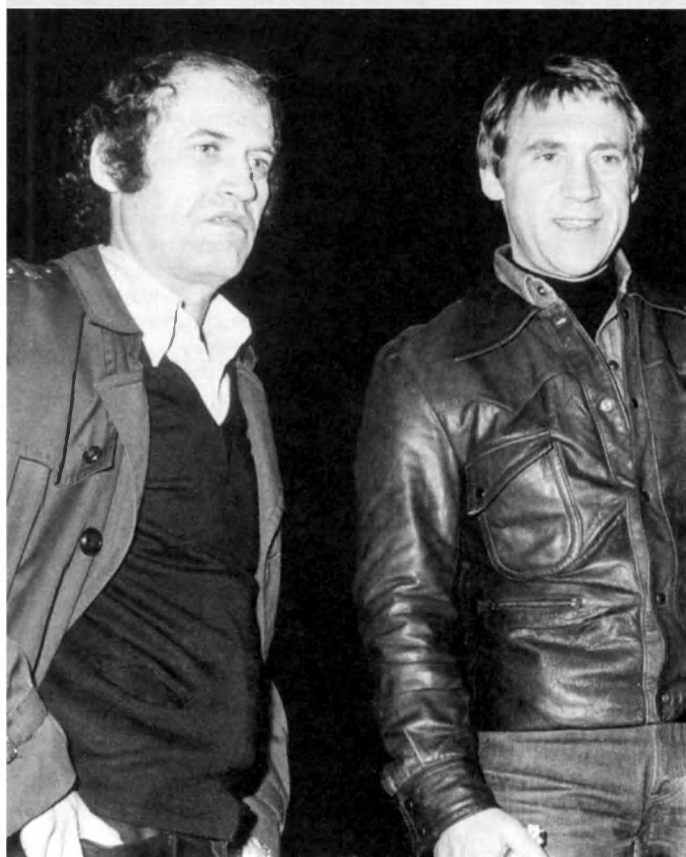
**Ах, дурак я, что с князем великим
Поравняться в осанке хотел!** —

Из дневника В. С. Золотухина, запись от 10 февраля 1973: «Володя спорит с шефом:

— Зачем такие обидные монологи?

— Не вам это говорить. Вы бы помолчали... Вы больше меня обижали...»

**Теперь на поле битвы не ищите —
Я отстранен от всяких ратных дел.** —

Из Приказа № 11а по Московскому театру драмы и комедии на Таганке 20 февраля 1973 г.: «Тов. ВЫСОЦКОГО В. С. — артиста, за нарушение этических норм поведения в театре, за неявку 13 февраля с. г. на спектакль „Жизнь Галилея“, что привело к замене спектакля, за несвоевременное извещение театра о болезни, что является грубейшим нарушением трудовой дисциплины и привело к замене спектакля.

За халатное отношение к репетициям нового спектакля „Товарищ, верь!..“

1. ОБЪЯВИТЬ СТРОГИЙ ВЫГОВОР и предупредить его, что впредь, в случае нарушения им трудовой дисциплины, будет поставлен вопрос об увольнении из театра.

2. Снять с роли А. С. Пушкина в спектакле „Товарищ, верь!..“».

(С резолюцией главного режиссера театра Ю. П. Любимова).

Из дневника В. С. Золотухина, запись от 13 февраля 1973: «Шеф сказал:

— Не надейтесь, что я верну Высоцкого. В этом спектакле он играть не будет. Может, хоть это его образумит».

Д. Боровский, В. Высоцкий, Ю. Любимов. 1977

Встаю я, отряхаюсь от навоза,
Худые руки сторожу кручу,
Беру коня плохого из обоза,
Кромсаю ребра — и вперед скачу!

Влечу я в битву звонкую да мánкую,
Я не могу, чтоб это — без меня!..
И поступлюсь я княжеской осанкою,
И если надо — то сойду с коня.

<апрель–май 1973>

*Памятник Юрию
Долгорукому
в Москве.
Скульптор
С. Орлов. 1954*

* * *

Не могу ни выпить, ни забыться.
Стих пришел — и замысел высок.
Не мешайте, дайте углубиться!
Отрешиться дайте на часок.

<1974–1975>

М. Влади и В. Высоцкий. 1971

Из книги М. Влади «Владимир, или Прерванный полет»: «Мы едим в кухне. Я накрываю на стол; но по неопределенному выражению глаз и равнодушной жадности, с какой ты глотаешь все, что есть на тарелке, по твоим расплывчатым ответам на мои вопросы я понимаю, что мысли твои далеко. Строфы крутятся у тебя в голове. Действительно, как раз посреди ужина ты бросаешься к рабочему столу. Мне остается лишь убрать тарелки — ты больше не будешь есть. Я завариваю очень крепкий чай, тихонько ставлю перед тобой чашку и закрываю дверь. Ты уже исписал целый листок своим тонким старательным почерком.

Несколько часов ты остаешься сидеть, уставившись в белую стену. Ты не терпишь ни рисунка, ни картины, ни даже тени на стене перед собой. В каждой из наших квартир рабочий стол ставится к стене, и ты сидишь спиной к окну, предпочтительно — в маленьком углу, отгороженном с помощью шкафа, поставленного поперек, или этажерки, которая служит ширмой. И всегда — гладкое, белое и пустое пространство перед глазами.

Из двадцати четырех часов слишком коротких для тебя суток три-четыре часа ты проводишь за рабочим столом. Особенно ночью. Когда в нашем распоряжении только одна комната, я пристраиваюсь сбоку на кровати. Позже, в нашей большой квартире, я жду на диване твоего кабинета, чтобы ты прочел мне написанные только что стихи, и иногда засыпаю. И вот в тишине ночи ты ласково гладишь меня по щеке, чтобы разбудить. У тебя покраснели глаза и от выкуренных сигарет немного сел голос. Ты читаешь мне стихи — и это одна из самых полных минут нашей жизни, сопричастность, глубокое единение. Это твой высший дар мне. Когда я спрашиваю, откуда это, что вызывает в тебе настоящую потребность написать на бумаге слова в точно определенном порядке, иногда без единого исправления, — ты не можешь ответить. Видно, тебе и самому это не особенно понятно: „Так выходит — вот и всё“. И добавляешь: „Иногда это трудно, знаешь...“

Часами ты куришь, раздраженно бросаешь скомканные шарики бумаги в корзину, литрами пьешь обжигающий чай, пощипываешь струны гитары в поисках новых аккордов, а потом сидишь неподвижно, будто зачарованный белым сиянием лампы. Вдруг раздаются самые ужасные ругательства и смех — готово, ты нашел! Иногда стоит найти лишь одну строфу — и все складывается и связывается воедино, и на рассвете, когда комната окрашивается цветом зари и я просыпаюсь, дрожа оттого, что не выпалась, ты читаешь мне, торжествуя, результаты ночной работы».

* * *

И не пишется, и не поется,
Струны рву каждый раз, как начну.
Ну а если струна оборвется —
Заменяешь другою струну.

И пока привыкнешь к новой,
Иссекаешь пальцы в кровь,
Не звучит аккорд басовый,
Недостаточно верхов.

Но остались чары —
Брежу наяву,
Разобью гитару,
Струны оборву,

Не жалею глотки
И иду на крест —
Выпью бочку водки
За один присест.

<1974–1975>

Казань. Октябрь 1977

И не пишется и не поется
Струны рву каждый раз как начну
Ну а если струна оборвется —
Заменяешь другою струну
И пока привыкнешь к новой
Иссекаешь пальцы в кровь
Не звучит аккорд басовый
Недостаточно верхов
Но остались чары
Брежу наяву
Разобью гитару
Струны оборву
Не жалею глотки
И иду на крест
Выпью бочку водки
За один присест

«Ужасно и вешного и в плечу и
То разлито заныт
То разлито заныт
Ужасно и вешного и в плечу и
То разлито заныт
Ужасно и вешного и в плечу и
То разлито заныт

Баллада о детстве

Час зачатъ я помню неточно,
Значит, память моя — однобока, —
Но зачат я был ночью, порочно
И явился на свет не до срока.

Я рождался не в муках, не в злобе, —
Девять месяцев — это не лет...
Первый срок отбывал я в утробе —
Ничего там хорошего нет.

Спасибо вам, святители,
Что плюнули да дунули,
Что вдруг мои родители
Зачать меня задумали —

В те времена укромные,
Теперь — почти былинные,
Когда срока огромные
Брели в этапы длинные.

Их брали в ночь зачатия,
А многих — даже ранее.
А вот живет же братия —
Моя честна компания!

Ходу, думушки резвые! Ходу!
Слѡва, строченьки милые, слѡва!
В первый раз получил я свободу
По указу от тридцать восьмого.

Знать бы мне, кто так долго мурыжил, —
Отыгрался бы на подлеце!
Но родился и жил я, и выжил, —
Дом на Первой Мещанской — в конце.

Вова Высоцкий. 25 июля 1938

Другие названия: «Баллада о старом доме»; «Баллада о моем старом доме, о моем детстве», «Старый дом», «История о моем детстве».

Песня предлагалась в фильм «Вторая попытка Виктора Крохина» («Ленфильм», 1977. Реж. И. Шешуков). По свидетельству Э. Володарского, автора сценария фильма, В. Высоцкий не соглашался на купюры, поэтому в прижизненную редакцию фильма песня не вошла. Вошла в сокращении в редакцию 1987.

Записана на пластинку «VLADIMIR VISSOTSKY. La corde raide. Владимир ВЫСОЦКИЙ. Натянутый канат» (Pplydor, 1977).

Из воспоминаний кинорежиссера С. С. Говорухина: «Помню, на даче, когда все купались в море, загорали, он лежал на земле во дворе дома и работал. Помню, готовили плов на костре. Кричали, смеялись, чуть ли не перешагивали через него, а он работал. Вечером спел новую песню. Она называлась „Баллада о детстве“».

Из выступлений В. Высоцкого: «Это про мой старый дом на Первой Мещанской, где я жил, когда был пацаном. Я родился прямо перед самой войной. И поэтому вот я написал такую песню. Она длинная, приготовьтесь. Но я ее люблю» (1975).

«Пришла пора писать мемуары. Ну, я не буду никогда, наверное, писать мемуары в прозе, а такие будут маленькие зарисовки из моего детства. Здесь много людей взрослых, которые помнят еще военные годы, а у меня они остались только в детском мозгу» (1976).

Дом на 1-й Мещанской улице,
где в детстве жил В. Высоцкий. 1937

«Вот такой вот монолог, который в общем написан и о моем детстве, ну и, наверное, о детстве многих моих ровесников и сверстников» (1980).

Но зачат я был ночью, порочно... — Т. е. простыми людьми, в отличие от «непорочного зачатия» Девы Марии от Святого Духа.

Святители — в православной церкви святые из епископского чина, почитаемые церковью как представители отдельных церковных общин, которые своей святой жизнью и праведным пастырством осуществили Промысл Божий о Церкви в ее движении к Царству Небесному.

Плюнули да дунули... — Действия, входящие в обряд крещения и символизирующие отречение от сатаны. Здесь: сделали быстро, без труда. Ср. в поэме А. Т. Твардовского «Василий Теркин» (1941–1945) о ремонте часов:

Внутри куда-то дунул, плюнул, —
Что ты думаешь? — пошли!

**Что вдруг мои родители
Зачать меня задумали...** —

Отец Владимира Высоцкого — Семен Владимирович Высоцкий (1915–1997), кадровый офицер Советской армии, связист. Мать — Нина Максимовна Высоцкая (урожденная Серегина; 1912–2003) — референт-переводчик.

Там за стеной, за стеночкой,
За перегородочкой
Соседушка с соседочкою
Баловались водочкой.

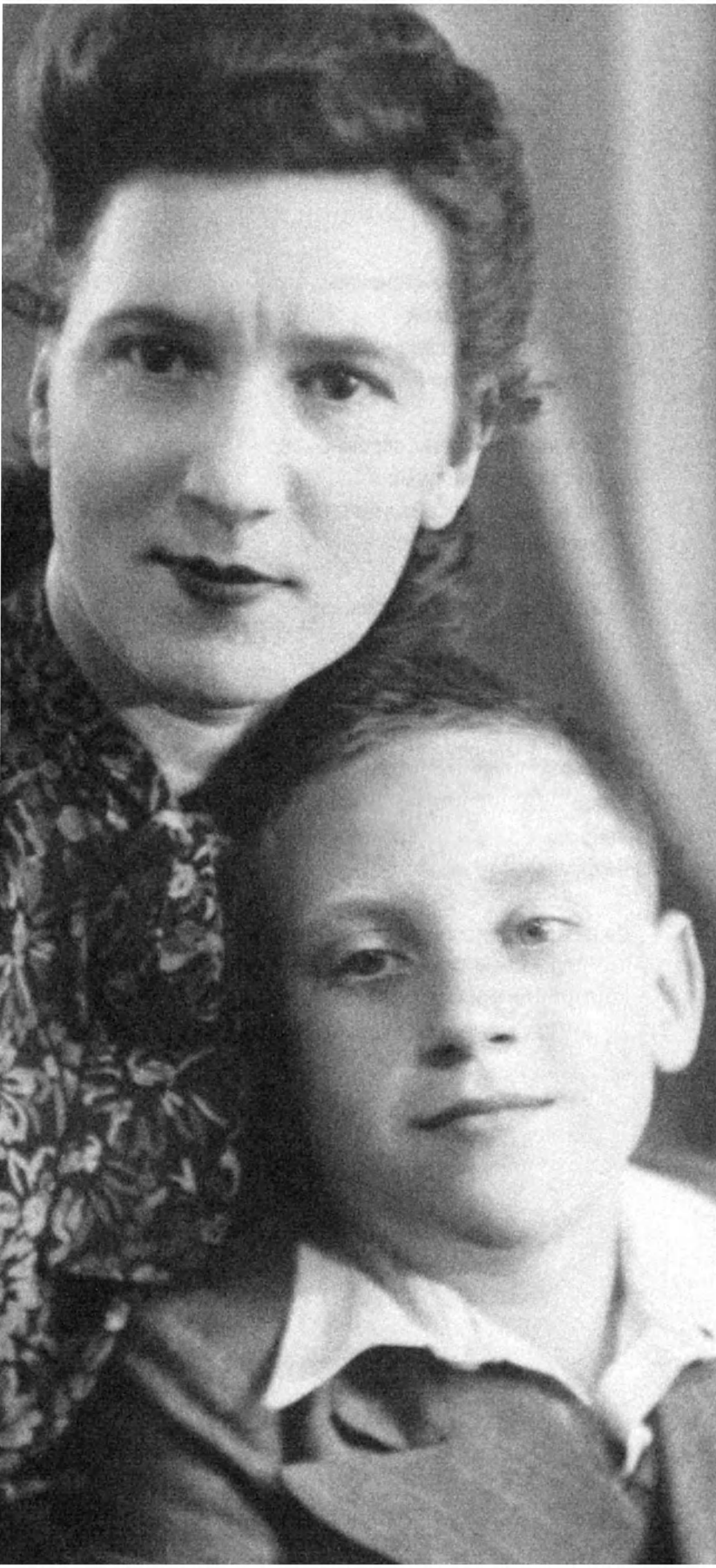
Все жили вровень, скромно так, —
Система коридорная,
На тридцать восемь комнаток
Всего одна уборная.

Здесь на зуб зуб не попадал,
Не грела телогреечка,
Здесь я доподлинно узнал,
Почем она, копеечка.

...Не боялась сирены соседка,
И привыкла к ней мать понемногу.
И плевал я — здоровый трехлетка —
На воздушную эту тревогу!

Да не все то, что сверху, — от Бога.
И народ «зажигалки» тушил,
И как малая фронту подмога —
Мой песок и дырявый кувшин.

В те времена укромные,

Теперь — почти былинные... —

Перифраз из поэмы В. В. Маяковского «Хорошо!» (1927): «Были времена — прошли былинные».

Когда срока огромные

Брели в этапы длинные. —

Цитата из лагерной песни «Идут на Север срока огромные...» (известна фонограмма, на которой В. Высоцкий исполняет первый куплет песни).

В первый раз получил я свободу

По указу от тридцать восьмого. —

Обыгрывается дата рождения В. Высоцкого (1938) и отмеченная массовыми репрессиями (и редкими амнистиями) внутриполитическая ситуация тех лет, которая законодательно регламентировалась указами Верховного Совета СССР. В частности, 24 января 1938, накануне рождения Высоцкого, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в ознаменование 20-летия Рабоче-крестьянской Красной Армии», действие которого распространялось на военнослужащих, совершивших мелкие уголовные преступления и осужденных на сроки до трех лет.

Мурыжить (разг.) — затягивать дело, процесс, медленно работать.

Дом на Первой Мещанской — в конце. — Дом, в котором с рождения до эвакуации в 1941 и после возвращения в 1943 до отъезда с отцом в Германию в 1947 жил В. Высоцкий, располагался по адресу: Первая Мещанская ул. (ныне — проспект Мира), 126. В настоящее время на этом месте стоит восьмизэтажный дом (пр. Мира, 76), в котором мать Высоцкого получила квартиру. Высоцкий жил здесь с 1955 до 1963.

Система коридорная,

На тридцать восемь комнаток

Всего одна уборная. —

Имеется в виду нумерация комнат в доме на 1-й Мещанской: всего было 37 номеров, Высоцкие жили в комнате № 35. Число 38, возможно, появилось как смысловая рифма к дате рождения поэта.

Из интервью матери В. Высоцкого Н. М. Высоцкой Э. А. Рязанову: «Дом наш — это бывшая гостиница „Наталис“ около Рижского вокзала. Действительно, со временем все это старело, портилось, протекало, и у него, видимо, в памяти все это осталось, некоторые такие моменты были, которые нельзя было не запомнить».

В. Высоцкий с мамой Ниной Максимовной. 1950

Гиса Моисеевна Яковлева, соседка Высоцких

Из интервью соседки семьи Высоцких на Первой Мещанской Р. М. Климовой М. Цыбульскому: «В нашем крыле было шесть комнат. Там жили Усачевы, Высоцкие, Яковлевы, Михайловы. И еще соседка была тетя Валя. В другом крыле жили Фирсовы, мать и дочь; Черепановы, Севрюковы, Равинские, Поляковы, Поповы... Всего девять комнат там было... Кого-то я забыла. Комнат было шестнадцать. И общая кухня на всех. А туалетов было два, а не один. Это он неправду написал. Они были рядом, — но два» (2005).

Все жили вровень, скромно так... — Из интервью матери В. Высоцкого Н. М. Высоцкой В. К. Перевозчикову: «Комната, в которой мы жили, все-таки была обставлена, у нас была старинная мебель, красивые обои. А ведь у других ничего такого не было. Стол, стулья с круглыми спинками, кровати, деревянный диван — вот и вся обстановка. Больше ничего! Все жили очень скромно. Вот семья одной моей подруги: в одной комнате жили тетя, мама и две девочки. Стояли четыре кровати, стол, комод — и больше ничего».

**Здесь на зуб зуб не попадал,
Не грела теплогречка...** —

Из интервью матери В. Высоцкого Н. М. Высоцкой Э. А. Рязанову: «Я была одна, мне некому было помогать, бабушек не было, я часто его просто подбрасывала Гисе Моисеевне, буквально с первых дней рождения. У меня было холодно, у них было теплее в квартире, и он там прекрасно себя чувствовал».

И народ «зажигалки» тушил... — Зажигательные авиационные бомбы предназначались для вызывания пожаров и разрушения построек. Зажигательные авиабомбы выпускали в корпусах, соответ-

И било солнце в три луча,
Сквозь дыры крыш просеяно,
На Евдоким Кириллыча
И Гисю Моисеевну.

Она ему: «Как сыновья?»
«Да без вести пропавшие!
Эх, Гиська, мы одна семья,
Вы — тоже пострадавшие!

Вы — тоже пострадавшие,
А значит, обрусевшие,
Мои — без вести павшие,
Твои — безвинно севшие!»

...Я ушел от пеленок и сосок,
Поживал — не забыт, не заброшен.
И дразнили меня: «Недоносок!» —
Хоть и был я нормально доношен.

*Раздача молока детям на станции метро «Маяковская». Москва. 1941.
Фото А. Шайхета*

Маскировку пытался срывать я:
Пленных гонят — чего ж мы дрожим!..
Возвращались отцы наши, братья
По домам — по своим да чужим.

У тети Зины кофточка
С драконами да змеями —
То у Попова Вовчика
Отец пришел с трофеями.

Трофейная Япония,
Трофейная Германия,
Пришла страна Лимония,
Сплошная Чемодания.

Взял у отца на станции
Погоны, словно цацки, я.
А из эвакуации
Толпой валили штатские.

Пленные немецкие солдаты. Москва. 1941

ствующих по калибру тонкостенным фугасным авиабомбам. Были чисто зажигательные бомбы и фугасно-зажигательные весом 20, 50, 250 кг и др. В некоторых бомбах кроме термитных патронов находились стальные осколки и тротильный заряд. Окрашивались зажигательные авиабомбы в темно-серый цвет.

Для борьбы с зажигательными бомбами во время войны создавались, часто из жильцов домов, дружины добровольцев, которые дежурили во время налетов немецкой авиации на крышах и чердаках. На крышах стояли бочки с водой, на земле — ящики с песком. Необходимо было схватить щипцами «зажигалку», упавшую на крышу, и поместить ее в бочку с водой или сбросить на землю. Общая численность ополченцев Московского ПВО достигала 650 тыс. человек.

Немецкая зажигательная авиабомба типа В1

И было солнце в три луча...

На Евдоким Кириллыча

И Гисю Моисеевну... —

Из интервью соседки семьи Высоцких на Первой Мещанской Р. М. Климовой М. Цыбульскому: «Евдоким Кириллович Усачев погиб на фронте. У него было трое детей — Николай, Михаил и Нина. Только без вести никто из них не пропал. В семье Яковлевых, кроме Гиси Моисеевны, были ее муж Яков Михайлович и сын Миша» (2005).

Из интервью матери Высоцкого Н. М. Высоцкой В. К. Перевозчикову: «Гися Моисеевна, Софья Арменаковна (Аристовна. — *Сост.*), вот с ними были идеальные отношения. Вообще у нас у всех в доме на Первой Мещанской были очень хорошие отношения... Но Яковлевы были ближе всех.

Володя родился в январе — а дом у нас старый, да и плохо топили, — и у Гиси Моисеевны в комнате было теплее, чем в нашей, да у них еще керосинка горела... Так я с грудным Володей у них несколько раз ночевала. Это же за стенкой, мы же рядом жили. Да, у нас между комнатами когда-то были двухстворчатые двери. Это был один богатый двухкомнатный номер. Потом эти двери забили и заложили. Но когда семья Гиси Моисеевны переехала к нам, мы эти двери вообще открыли и общались, как будто одна семья. И обедали вместе, и чай вместе пили... На Новый год ставили одну елку, праздновали вместе... Гися просто обожала Володю...»

М. Яковлев и В. Высоцкий

Из воспоминаний первой жены В. Высоцкого И. Высоцкой: «Гися Моисеевна была милым, наивным человеком, по-своему мудрым, и охотно делилась со мной опытом: „Если ты хочешь о чем-нибудь попросить мужа, делай это только после обеда, постарайся, чтобы обед был вкусным, дай мужу немного отдохнуть и потом очень ласково попроси... Если муж стал задерживаться на работе, пригласи гостей, пусть у тебя будет весело, а когда он придет, обрадуйся, но удивленно спроси: «Ты уже пришел?» Старайся не занимать денег, пусть это делает мужчина"... И многое-многое другое, что не пошло мне впрок...»

Гися Моисеевна рассказывала мне свою молодость: как она, младшая Гофман (это была ее девичья фамилия), получила медаль за красоту, и эта медаль все еще где-то хранится, как в темных ее волосах была бархотка цвета персидской сирени и как влюбленный летчик грозился разбиться и действительно пришел весь забинтованный...

В семьдесят шестом году мы встретились с Володи в последний раз, но кто же тогда знал, что в последний. Володя сказал мне, что Гиси Моисеевны уже нет, но он рад, что успел спеть про нее...

Маскировку пытался срывать я... — Светомаскировка — затемнение окон, обязательное в городах, подвергавшихся ночным авианалетам.

Пленных гонят — чего ж мы дрожим!.. — Имеется в виду шествие немецких военнопленных в Москве 17 июля 1944.

У тети Зины кофточка...

То у Попова Вовчика

Отец пришел с трофеями. —

Из интервью соседки семьи Высоцких на Первой Мещанской З. В. Кузнецовой Л. Черняку: «Мой отец,

Осмотрелись они, оклемались.
Похмелились — потом протрезвели.
И отплакали те, кто дождались,
Недождавшиеся — отревели.

Стал метро рыть отец Витькин с Генкой,
Мы спросили — зачем? — он в ответ:
«Коридоры кончаются стенкой,
А тоннели — выводят на свет!»

Пророчество папашино
Не слушал Витька с корешом.
Из коридора нашего
В тюремный коридор ушел.

Да он всегда был спорщиком.
Припрут к стене — откажется.
Прошел он коридорчиком
И кончил «стенкой», кажется.

Но у отцов свои умы,
А что до нас касательно —
На жизнь засматривались мы
Уже самостоятельно.

Все, от нас до почти годовалых,
«Толковищу» вели до кровянки.
А в подвалах и полуподвалах
Ребятишкам хотелось под танки.

Не досталось им даже по пуле, —
В «ремеслухе» — живи да тужи.
Ни дерзнуть, ни рискнуть, — но рискнули
Из напильников делать ножи.

Баллада о детстве.

I
Зас закатъ я помню не точно,
Знают старики моя - однобока,
Но закатъ был косяко, сторожно
и явился на свет не до ерека.
Я родился не в муках, не в злобе
у месяцев - это не лет.
Первый срок отбыл я в утробе,
Ничего там хорошего ней.

Спасибо, Вам, святители,
Что илюнули да дунули,
Что враз мои родители
Закатъ меня задумали
В те времена укромные,
Тейсы почти былинныи,
Когда ерека огромныи
Брели в эгабы длинныи
их брали в носъ заката,
и мношк даже ранее,
и вот ижег нас братия -
Всяк кста комитания.

II
Ходу! Вушунки резвые, ходу!
Слова! Строженьки милые, слова!
В первый раз толкнул я свободу,
На указу от тридцати восьмого.
Знаю бы мне, кто так долго мурлыкал,
Стыгнулся бы на плечу,
Но родился и жил я и вжил,
Вот - на "Первой Месяцанской", в конце
Там, за сийской за вйеножною,
За перегородочною,
Соседушки с соседкою
Бабовались вдовкой
Всех жили вровень, скрамно так, -
Счетами кавидорная,
На тридцати восьмь комнатах
Всего одна уборная.
Там на зуб зуб не поидал,
Не грела теплогреежа,
Там я доидливно узнал,
Погим она, - койсезка.

3'

Не боялась сирены соседки
 и привыкла к ней мать похмельную
 и плевал я - здоровый грехотёрка
 на воздушную эту тревогу.

~~Меня не пугала сирена, а
 меня пугала мать похмельная~~

Она не всё то, что сверху - от Бога,
 и народ "захлебнулся" туман
 и как малая фронту подмога -
 мой птёх и дурявый кубизм

и было солнце в ири луга,
 сквозь дыры крики просяно,
 на евдеим Кириллыга
 и Тисё Моисеевичу:

Она ему: "Как сыновья?"
 - "Она без вёсти пропавшие!"
 Эх, ~~Меня~~ Тисья, мы - одна семья,
 Вы - тоже - пострадавшие

Вы тоже - пострадавшие,
 А, значит, обрусевшие,
~~Мои~~ - без вёсти павшие.
 Твои - безвинно осуждённые

4) Я ушёл от плёнок и ссёк,
 Понесёшь не збьёт, не заброшем,
 и дразнили меня, - "недоносек",
 хотя и был я маршалом помощен.
 Маскировку пытался сливать я
 - "Плёмных зонят, - чего же мы уродим?"
 Возвращались отцы наши, братья
 По демам, - что сбавил, да гужим.

У тёти Зины - кофточка
 с драконами да змеями, -
 то у Пейсба Вовтика
 стёгу пришёл в Трофеем.

Трофейная Япония,
 Трофейная Германия,
 Пришла страна, Лимонная
 сплошная "Смолоданиа"

Взял у отцы на станциях
 Погоня, словно чайки и
 и из звикаючи
 Толпой валили штачки.

Они воткнутся в легкие,
От никотина черные,
По рукоятки легкие
Трехцветные наборные...

Вели дела обменные
Сопливые острожники —
На стройке немцы пленные
На хлеб меняли ножики.

Сперва играли в «фантики»,
В «пристенки» с крохоборами.
И вот ушли романтики
Из подворотен вóрами.

...Спекулянтка была номер перший —
Ни соседей, ни Бога не труся,
Жизнь закончила миллионершей
Пересветова тетя Маруся.

У Маруси за стенкой говели,
И она там втихую пила.
А упала она — возле двери:
Некрасиво так, зло умерла.

Нажива — как наркотика, —
Не выдержала этого
Богатенькая тетенька
Маруся Пересветова.

Но было все обыденно:
Заглянет кто — расстроится.
Особенно обидело
Богатство — метростроевца.

Василий Федоров, работал в Метрострое. Вот Володя про него и написал, и про брата моего, Витю» (1997).

Страна Лимония — первоначально на воровском жаргоне: ироническое именование мест заключения. См. стихотворение А. В. Жигулина «Страна Лимония» (1963):

Где ни тоски, ни грусти нету,
Где вечно пляшут и поют.
Там много птиц и фруктов разных.
В густых садах — прохлада, тень.
Там каждый день бывает праздник.
Получка — тоже каждый день!..

Так как Лимония упоминается в контексте с Японией, то возможно, что здесь этот вымышленный топоним обозначает вообще экзотические, заграничные страны и восходит к образу «бананово-лимонного» Сингапура из песни А. Н. Вертинского.

Взял у отца на станции

Погоны... —

Отец В. Высоцкого вернулся с войны в звании майора.

Цацки (разг.) — игрушки.

Стал метро рыть отец Витькин с Генкой... — После войны началось строительство четвертой очереди метрополитена — Кольцевой линии и глубокой части Арбатской линии от «Площади Революции» до «Киевской».

Из интервью соседки семьи Высоцких на Первой Мещанской Р. М. Климовой М. Цыбульскому: «Был у нас один метростроевец, Василий Сидоров, но он не в нашей квартире жил, а на втором этаже, а мы — на третьем» (2005).

Кореш (жарг.) — товарищ.

И кончил «стенкой», кажется. — Т. е. был расстрелян.

Толковище (жарг.) — выяснение отношений, воровская сходка, откровенный разговор; от «толковать» — выяснять отношения.

До кровянки (разг.) — до крови.

«Ремеслуха» (разг.) — ремесленное училище — школа фабрично-заводского обучения (школа ФЗО), низший тип профессионально-технической школы. Школы ФЗО были созданы на основе школ ФЗУ. Существовали с 1940 по 1963.

**По рукоятки легкие
Трехцветные наборные...** —

Рукоятки самодельных ножей изготавливались из нескольких частей и украшались разноцветными декоративными элементами.

На стройке немцы пленные... — В послевоенное время немецкие военнопленные использовались в качестве рабочей силы на строительных объектах народного хозяйства, в частности для восстановления жилищного фонда страны.

Из интервью матери В. Высоцкого Н. М. Высоцкой В. К. Перевозчикову: «Когда Володя вернулся из Германии, он немного владел немецким разговорным языком. В то время на Мещанской улице, рядом с нашим домом, на стройке работали пленные немцы. <...>

Так вот один из пленных узнал, что Володя жил в Эберсвальде, его родном городе. И спрашивал, не пострадал ли город от бомбежек, цел ли его дом... Володя прибегал ко мне, спрашивал, как сказать по-немецки ту или иную фразу, запоминал и, видно, что-то объяснял немцам».

**Сперва играли в «фантики»,
В «пристенки» с крохоборами.** —

Детские игры с обертками конфет («фантики») и мелкими монетами («пристенки»). Крохобор — скупой, прижимистый человек.

Номер первый (разг.) — номер первый.

**Жизнь закончила миллионершей
Пересветова тетя Маруся...** —

Из интервью соседки семьи Высоцких на Первой Мещанской Р. М. Климовой М. Цыбульскому: «Она не Пересветова, а Трисветова. Одинокая женщина была, у нее только племянник один был. Никакой „миллионершей“ она не была, а умерла она действительно в своей комнате» (2005).

Говеть — постыться, воздерживаться от пищи, скудно питаться.

Нажива — здесь: род. пад. от «нажив» (устар.; то же, что «нажива»).

Было дело — и цены снижали... — В 1947–1952 проводилось ежегодное снижение цен — в основном на товары первой необходимости.

До ледовых широт поднялись... — Т. е. оказались в северных лагерях.

Он дом сломал, а нам сказал:

«У вас носы не вытерты,

А я, за что я воевал?!»

И разные эпитеты.

Было время — и были подвалы,

Было дело — и цены снижали.

И текли куда надо каналы,

И в конце куда надо впадали.

Дети бывших старшин да майоров

До ледовых широт поднялись,

Потому что из тех коридоров

Им казалось сподручнее — вниз.

<лето–осень 1975>

Дети водят хоровод на фоне азостата. Москва. 1941

Песня о Судьбе

Куда ни втисну душу я, куда себя ни дену,
За мною пес — Судьба моя, беспомощна, больна.
Я гнал ее камнями, но жметесь пес к колену,
Глядит — глаза навывкате, и с языка слюна.

Морока мне с нею:
Я оком тускнею,
Я ликом грустнею
И чревом урчу,
Нутром коченею,
А горлом немею —
И жить не умею,
И петь не хочу.

Должно быть, старею?
Пойти к палачу —
Пусть вздернет на рею,
А я заплачу.

Я зарекался столько раз, что на Судьбу я плюну,
Но жаль ее, голодную, — ласкается, дрожит.
Я стал тогда из жалости подкармливать Фортуну —
Она, когда насытится, всегда подолгу спит.

Тогда я — гуляю,
Петляю, вихляю,
Я ваньку валяю
И небо копчу,
Но пса охраняю —
Сам вою, сам лаю,
О чем пожелаю,
Когда захочу.

Нет, не постарею,
Пойду к палачу —
Пусть вздернет скорее,
А я приплачу.

Фото Р. Сугаева

Я ваньку валяю... — «Валять ваньку» (разг.) — прикидываться глупым, непонимающим, дурачиться.

И небо копчу... — «Коптить небо» — жить без цели, без какой-либо пользы.

**Бывают дни — я голову в такое пекло всуну,
Что и Судьба попятится, испугана, бледна.** — Из интервью фельдшера реанимобиля Института им. Склифосовского В. Когана В. К. Перевозчикову: «Однажды позвонил кто-то из друзей, мы поехали... Володя был пьян — очень пьян, просто в совершеннейшем уходе. Мы его на носилках спускали с пятого или шестого этажа, несли вниз, к машине... Запой — это даже не то слово: ну, пьет человек потихоньку... А тут было сильнейшее алкогольное опьянение, и с ним могло случиться все что угодно: он мог захлебнуться, задохнуться...»

**Мол, я бы в Нью-Йорке
Ходила бы в норке,
Носила б парчу...** —

Во второй половине июля 1976 В. Высоцкий впервые (по дороге из Франции в Канаду) побывал в Нью-Йорке. Тогда же на телеканале CBS было записано интервью Высоцкого для передачи «60 минут», эфир которой состоялся 20 февраля 1977. Вел интервью Д. Раттер. В передаче прозвучало несколько песен Высоцкого, были показаны кадры прогулки Высоцкого по улицам Нью-Йорка. Именно в этом разговоре Высоцкий сформулировал свое кредо, ставшее знаменитым: «Я не диссидент, я — артист».

Опорки (разг.) — старые, изношенные сапоги со срезанными голенищами, вообще старая изношенная и рваная обувь.

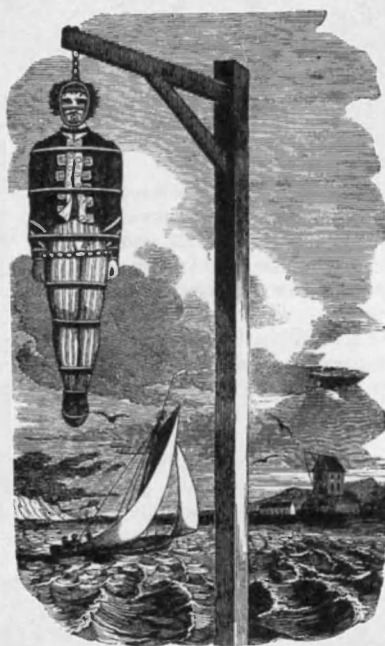
Закорки (простореч.) — верхняя часть спины, заплечье.

И, сзади прыгнув на меня, схватила за кадык... — Интересно сопоставить этот образ с образом из стихотворения О. Э. Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931, 1935):

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
Ни кровавых кровей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

Бывают дни — я голову в такое пекло всуну,
Что и Судьба попятится, испугана, бледна.
Я как-то влил стакан вина для храбрости в Фортуну,
С тех пор — ни дня без стаканá. Еще ворчит она:

«Закуски — ни корки!»
Мол, я бы в Нью-Йорке
Ходила бы в норке,
Носила б парчу...
Я ноги — в опорки,
Судьбу — на закорки:
И в гору, и с горки
Пьянчугу влачу.

Когда постарею,
Пойду к палачу —
Пусть вздернет на рею,
А я заплачу.

Однажды пере-перелил Судьбе я ненароком —
Пошла, родимая вразнос и изменила лик:
Хамила, безобразила и обернулась Роком,
И, сзади прыгнув на меня, схватила за кадык.

Мне тяжело под нею, —
Гляди — я синею,
Уже сатанею,
Кричу на бегу:
«Не надо за шею!
Не надо за шею!!
Не надо за шею!!! —
Я петь не смогу!»

Судьбу, коль сумею,
Снесу к палачу —
Пусть вздернет на рею,
А я заплачу.

<1976>

* * *

Ах, откуда у меня грубые замашки?!
Походи с мое, поди даже не пешком...
Меня мама родила в сахарной рубашке,
Подпоясала меня красным ремешком.

Дак откуда у меня хмурое надбровье?
От каких таких причин белые вихры?
Мне папаша подарил бычье здоровье
И в головушку вложил не «хухры-мухры».

Начинал мытье мое с Сандуновских бань я —
Вместе с потом выгонял злое недобро.
Годен — в смысле чистоты и образования,
Тут и голос должен быть — чисто серебро.

Пел бы ясно я тогда, пел бы я про шали,
Пел бы я про самое главное для всех,
Все б со мной здоровкались, все бы мне прощали,
Но не дал Бог голоса — нету, как на грех!

Но воспеть-то хочется, да хотя бы шали,
Да хотя бы самое главное и ТО!
И кричал со всхрипом я — люди не дышали,
И никто не морщился, право же, никто!

От ко<го> же сон такой, да вранье, да хаянье!
Я всегда имел в виду мужиков, не дам.
Вы же слушали меня затаив дыханье
И теперь ханыжите — только я не дам.

Был раб Божий, нес свой крест, были у раба вши.
Отрубили голову — испугались вшей.
Да поплакав, разошлись, солоно хлебавши
И детишек не забыв вытолкать взащей.

<весна–лето 1977>

В. Высоцкий с мачехой Евгенией Степановной
Лихолатовой («мамой Женей») и отцом
Семеном Владимировичем. 1948

По мнению С. В. Жильцова, написано одновременно с песней «Реальной сновидения и бреда...» и, возможно, является ее начальным вариантом. Ср.:

Родился я в рубашке из нейлона,
На шелковую тоненькую я не потянул...

Мне папаша подарил бычье здоровье... — Из интервью врача-реаниматолога Института им. Склифосовского Л. Сульповара В. К. Перевозчикову: «Физически Володя был очень развит, в нем всегда чувствовалась невероятная сила. И именно мужская сила.

И в головушку вложил не «хухры-мухры»... — Из интервью отца Высоцкого С. В. Высоцкого В. К. Перевозчикову: «Горжусь тем, что честность, внутренняя культура — все это у Володи пошло от меня. И Володя сам говорил: „Это — от папы!“»

Сандуновские бани — старейшие и самые известные в Москве публичные бани, расположенные на ул. Неглинной, д. 14. Действуют с 1808. Называются по имени основателя и первого владельца С. Н. Сандунова. Современное здание построено в 1896 архитектором С. М. Калугиным (при участии В. И. Чагина). Является памятником архитектуры. Во все времена Сандуновские бани пользовались большой популярностью москвичей, были излюбленным местом встреч театральной и литературной публики.

Да поплакав, разошлись, солоно хлебавши... — Полемическое использование фразеологического оборота «несолоно хлебавши», «ни с чем», т. е. здесь: получив всё сполна (а может быть, и более).

И детишек не забыв вытолкать взащей. — Т. е. отобрав у детей покойного наследство.

* * *

Давайте я спою вам в подражание радиолам... —

Из интервью друга детства В. Высоцкого В. В. Акимова С. В. Жильцову: «Володе, когда он переехал жить к Нине Максимовне, к маме, в девятом классе, она купила ему по тем временам невероятно дорогую вещь — радиолу. Мы с Володией ездили на Коптевский рынок, была такая барахолка, это была самая окраина Москвы, почти уже Подмоскovie, и там каким-то образом выменивали разные пластинки: Шульженко, Утесова (на них еще были такие белые наклейки „Продаже и обмену не подлежат“, видимо, только для проигрывания в каких-нибудь домах отдыха и т. п.). Были и пластинки „на ребрах“, всякие „буги-вуги“, разная жизнеутверждающая музыка».

Радиола — бытовое радиоэлектронное устройство, конструктивно объединяющее в одном корпусе радиоприемник и проигрыватель. Предназначалась для приема местных и дальних радиовещательных станций с амплитудной модуляцией в диапазонах длинных, средних и коротких волн и с частотной модуляцией в диапазоне ультракоротких волн (УКВ), а также для проигрывания обычных и долгоиграющих грампластинок.

Пластиночкой на ребрах... — В 1950–1960-е в СССР подпольные студии звукозаписи выпускали нелегальные пластинки, основу которых составляли списанные крупноформатные рентгеновские пленки, где отчетливо просматривались кости (в первую очередь ребра грудной клетки). По свидетельству одного из первых производителей подпольных пластинок Б. И. Тайгина, идея использовать отработанные рентгеновские снимки принадлежала его партнеру Роману Богословскому.

Давайте я спою вам в подражание радиолам,
Глухим, скрипучим тембром из-за тупой иглы,
Пластиночкой на ребрах, в оформлении невеселом,
Какими торговали пацаны из-под полы.

Ну, например, о лете — которого не будет,
Ну, например, о доме — что быстро догорел,
Ну, например, о брате — которого осудят,
О мальчике, которому — расстрел!

Сидят больные легкие в грудной и тесной клетке.
Рентгеновские снимки — смерть на черно-белом фоне.
Надорваны сердца, да и пробитые нередки,
А продлевают жизнь себе, вертятся на патефоне.

<начало 1979>

Радиола «Эстония-3»

Две судьбы

Жил я славно в первой трети
Двадцать лет на белом свете
по учению.

Жил безбедно и при деле,
Плыл, куда глаза глядели, —
по течению.

Затрещит в водовороте,
Заскрипит на повороте —
я не слушаю,
То разуюсь, то обуюсь,
На себя в воде люблюсь, —
брагу кушаю.

И пока я наслаждался,
Пал туман, и оказался
в гиблом месте я.
И огромная старуха
Хохотнула прямо в ухо,
злая бестия!

Я кричу — не слышу крика,
Не вяжу от страха лыка,
вижу плохо я,
На ветру меня качает...
«Кто здесь?» — слышу, отвечает:
«Я — Нелегкая!

Брось креститься, причитая!
Не спасет тебя святая
Богородица, —
Кто рулит да весла бросит,
Тех нелегкая заносит —
так уж водится!»

Рисунок пациента психиатрической больницы

Другое название — «Кривая да Нелегкая». Первоначальный вариант предназначался в кинофильм «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Записана на пластинку «VLADIMIR VISSOTSKY. La corde raide. Владимир ВЫСОЦКИЙ. Натянутый канат» (Polydor, 1977).

Из интервью Т. Бутковской: «Во Франции, например, сейчас выходит новый диск с моими песнями разных лет. Там есть городские романсы десятилетней давности, посвященные моим друзьям, а есть и последние песни — вдруг вернулось ко мне желание написать нечто сказочное, в полуфантастической манере. Я взял и „оживил“ такие образные выражения, как „нелегкая“ и „кривая“, они у меня стали персонажами. Представьте, человек встретился с „нележкой“, и

она занесла его невесту куда, а другая, „кривая“, грозила вывести, да не смогла, потому что кривая, с короткой ногой, — все по кругу шла.

И человек вынужден был сам взяться за весла и грести против течения».

Из книги М. М. Шемякина «Две судьбы»: «История создания этой песни началась у меня в парижской мастерской. Как-то рассуждали мы с Володей о преследующей нас „русской болезни“ и о том, как же от нее избавиться. „Вшивки“ мы перепробовали, и не один, и не два раза, — не помогло! „Ждали помощь от Тибета“ — шиш! — не помог желтый монах! В пресловутое кодирование и гипноз мы не верили. Может, психолог, психоаналитик сыщется, могущий нам помочь?..

И тут я рассказал Володе о выставке творчества душевнобольных детей, организованной ЮНЕСКО в середине 1950-х годов. На обложке журнала, выпускаемого ЮНЕСКО, был портрет больной девочки лет восьми на фоне ее работы, напоминающей абстрактные работы Сая Твомбли. И еще на обложке была напечатана фраза, сказанная этой девочкой: „Я рисую, и мои страхи исчезают“. Эти слова стали девизом выставки рисунков детей с покалеченной психикой.

Володею это очень заинтересовало, и буквально через месяц он довольный ввалился ко мне в мастерскую со словами: „Я понял, как бороться с водярой! Помнишь девочку душевнобольную, ну, что рисовала. Так я решил написать песню, поскольку рисовать не умею“. И он исполнил „Две судьбы“. В ней он поведал о том, что его мучает, терзает. И он был трезв и счастлив в течение полугода без всякой „вшивки“, звонил мне и уверял, что ему это здорово помогло.

Потом, конечно, все встало на прежние рельсы, но этот момент был очень ярким в нашей жизни».

Из воспоминаний И. Бортника в записи В. К. Перевозчикова: «Очень долго работал над „Нележкой“ — такое было необозримое количество вариантов. Я читал текст, когда он существовал только на бумаге. И все надоедал Володе:

— Надо, надо закончить эту песню...

Потом как-то он мне сказал:

— Если бы не ты, может быть, не закончил бы эту вещь».

Вывози, кривая! — Фразеологический оборот, означающий «как получится, на удачу, будь что будет». Полная форма выражения — «куда кривая лошадь вывезет», где «кривая» означает «хромая».

И с одышкой, ожиреньем
Ломит тварь по пням-кореньям
тяжкой поступью.

Я впотьмах ищу дорогу,
Но уж брагу — понемногу,
только по сту пью.

Вдруг навстречу мне живая
Колченогая Кривая —
морда хитрая!
«Не горюй, — кричит, — болезный,
Горемыка мой нетрезвый, —
слезы вытру я!»

Взвыл я, ворот разрывая:
«Вывози меня, Кривая!
Я — на привязи!
Мне плевать, что кривобока,
Криворука, кривоока, —
только вывези!»

Влез на горб к ней с перепугу,
Но Кривая шла по кругу —
ноги разные.

Падал я и полз на брюхе,
И хихикали старухи
безобразные.

Не до жиру — быть бы живым...
Много горя над обрывом,
а в обрыве — зла!

«Слышь, Кривая, четверть ставлю,
Кривизну твою исправлю,
раз не вывезла!

И Нелегкая, маманя!
Хочешь истины в стакане —
на лечение?
Тяжело же столько весить,
А хлебнешь стаканов десять —
облегчение!»

И припали две старухи
Ко бутылки медовухи —
пьянь с ханыгою.
Я пока за кочки прячусь,
Озираюсь, задом пачусь,
с кручи прыгаю.

Огляделся — лодка рядом,
А за мною по корягам,
дико охая,
Припустились, подвывая,
Две судьбы мои — Кривая
да Нелегкая.

Греб до умопомраченья,
Правил против ли теченья,
на стремнину ли, —
А Нелегкая с Кривою
От досады, с перепою
там и сгнули.

<1975, 1976 – осень 1977>

Четверть — мера объема жидкости, равная 1/4 ведра. Известна с XVI–XVII вв. В 1885 объем четверти определялся в 3,0748 л. Использовалась при продаже главным образом винно-водочной продукции и делилась на 5 водочных или 4 винные бутылки.

Хочешь истины в стакане... — Перифраз латинского выражения «Истина в вине» — «In vino veritas».

Торговец медовухой

Фрагменты текста включены В. Высоцким в «Роман о девочках», где их авторство передано персонажу по имени Николай Святенко:

«А ямщик молодой не хлестал лошадей,
Потому и замерз, бедолага, —

пропел Колька продолжение песни, из которой выходило, что, если бы ямщик был злой и бил лошадей, он мог бы согреться и не замерз бы и не умер. Так всегда, дескать, в несправедливой этой жизни — добрый да жалостливый помирает, а недобрый да жестокий живет».

*И звенела тоска, что в безрадостной песне
поется,
Как ямщик замерзал в той глухой незнакомой
степи... —*

Русская народная песня на слова И. З. Сурикова
«Степь да степь кругом» (1841–1880):

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит.
В той степи глухой
Замерзал ямщик.

Памятник ямщику в Челябинске.
Скульптор И. Брунеткин

* * *

Снег скрипел подо мной, поскрипев, затихал,
А сугробы прилечь завлекали...
Я дышал синевой, белый пар выдыхал, —
Он летел, становясь облаками.

И звенела тоска, что в безрадостной песне поется,
Как ямщик замерзал в той глухой незнакомой степи:
Усыпив, ямщика заморозило желтое солнце,
И никто не сказал: шевелись, подымайся, не спи...

Все стоит на Руси до макушек в снегу —
Полз, катился, чтоб не провалиться:
Сохрани и спаси, дай веселья в пургу,
Дай не лечь, не уснуть, не забыться!

Тот ямщик-чудодей бросил кнут и — куда ему деться:
Помянул о Христе, ошалеv от заснеженных верст, —
Он, хлеща лошадей, мог движеньем и злостью
согреться,
Ну а он в доброте их жалел и не бил — и замерз.

Снег кружит над землей, над страной моей, —
Мягко стелет, в запой зазывает...
Ах, ямщик удалой — пьет и хлещет коней,
А непьяный ямщик — замерзает.

Жизнь идет на мороз — ей там голой не выдержать
стужу,
В прорубь надо да в омут, но сам, а не руки сложа!
Пар валит изо рта: эк душа моя рвется наружу, —
Выйдет вся — схороните, зарежусь — снимите
с ножа.

<1977>

* * *

[Напрасно я лицо свое разбил —
Кругом молчат — и всё, и взятки гладки],
Один ору — еще так много сил,
Хоть по утрам не делаю зарядки.

Да я осилить мог бы тонны груза!
Но, видимо, не стоило таскать —
Мою страну, как тот дырявый кузов,
Везет шофер, которому плевать.

<1976>

Из рассказа В. И. Туманова С. В. Жильцову: «Мы как-то ехали из Москвы, куда, не помню... Была осень, и машины перевозили урожай, шли колонны автомобилей, и дороги были загружены. И перед нами ехал грузовик, заполненный доверху зерном, и зерно это сыпалось через край. Мы нагнали грузовик, и Володя крикнул что-то шоферу — мол, у тебя зерно высыпается, на что тот ответил нецензурно. И помню, что на обочине были плакаты „Решения какого-то съезда КПСС — в жизнь!“».

1976

* * *

Я никогда не верил в миражи,
В грядущий рай не ладил чемодана —
Учителей сожрало море лжи
И выплюнуло возле Магадана.

Но свысока глаза на невежд,
От них я отличался очень мало —
Занозы не оставил Будапешт,
А Прага сердце мне не разорвала.

А мы шумели в жизни и на сцене:
Мы путаники, мальчики пока!
Но скоро нас заметят и оценят.
Эй! Против кто?

Намнем ему бока!

Но мы умели чувствовать опасность
Задолго до начала холодов,
С бесстыдством шлюхи приходила ясность
И души запирали на засов.

И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз, —
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

<до 23 апреля 1979>

Советские войска на улицах Праги. 1968

По предположению С. Жильцова, написано в связи с 15-летием Театра на Таганке.

**Учителей сожрало море лжи
И выплюнуло возле Магадана...** —

Имеются в виду судьбы многих большевиков-революционеров, подвергшихся репрессиям в 1930-е и оказавшихся в застенках ГУЛАГа.

**Занозы не оставил Будапешт,
А Прага сердце мне не разорвала.** —

Имеются в виду подавление советскими войсками народного восстания в Будапеште осенью 1956 и ввод советских танков в Прагу в августе 1968, положивший конец демократической «бархатной революции» в Чехословакии. Эти важнейшие в биографии шести-десятников политические события в творчестве Высоцкого никак не отражены.

Мы тоже дети страшных лет России... — Отсылка к стихотворению А. А. Блока (1914):

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

* * *

Мой черный человек в костюме сером,
Он был министром, домуправом, офицером,
Как злобный клоун он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины.

И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой,
И я немел от боли и бессилья
И лишь шептал: «Спасибо, что живой».

Я суеверен был, искал приметы,
Что, мол, пройдет, терпи, все ерунда...
Я даже прорывался в кабинеты
И зарекался: «Больше — никогда!»

Вокруг меня кликуши голосили:
«В Париж мотает, словно мы в Тюмень,
Пора такого выгнать из России».
Давно пора, — видать, начальству лень.

В. Высоцкий в спектакле «Жизнь Галилея»

Мой черный человек в костюме сером... — Образ черного человека как некоего предвестника гибели восходит к трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830).

Моцарт

<...>

Недели три тому, пришел я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего — не знаю,
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? Назавтра тот же
Зашел и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать — и с той поры за мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem.

В 1923–1925 С. А. Есенин создал исповедальную поэму «Черный человек». См., напр.:

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнуся надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.

Серый костюм — почти униформа советской бюрократии, однако в контексте всего стихотворения очевидно, что речь идет не только о представителях власти или правоохранительных органов, но скорее о посредственных, безликих, так называемых серых людях.

Как отмечает А. В. Скобелев, «Человек в сером костюме» — некто неприметный, оказывающийся дьяволом, — изображен в новелле немецкого романтика А. Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемля» (1814); «Некто в сером» — персонаж пьесы Л. Н. Андреева «Жизнь человека» (1907), символизирующий Судьбу, Рок.

И бил под дых, внезапно, без причины... — Из книги В. И. Туманова «Всё потерять и всё начать с мечты»: «Я рассказывал ему об Алексее Ивановиче, некогда меня поразившем. Представьте главного ин-

женера управления, человека со всеми внешними признаками интеллигентности, в расхожем, конечно, представлении: с тонкими чертами лица, вежливого, культурного, спокойного, со вкусом одетого. На Колыме он выигрышно смотрелся на весьма контрастном фоне. Сидя как-то рядом с ним в президиуме совещания передовиков проходческих бригад, я нечаянно увидел, как он прекрасно рисует. <...> Носил элгантные костюмы сдержанных тонов. Предпочитал серые. <...>

Но однажды, за много лет до встречи в почетном президиуме, я видел, как он ударил нагнувшегося человека ногой в лицо. Должность у Алексея Ивановича, нелишне заметить, тогда была грозная, так что ответного удара он не опасался.

Высоцкий неоднократно возвращал меня к этому случаю, уточнял подробности.

— Как это получается? Значит, человек меняется в зависимости от обстоятельств? От должности? Озабочены ли эти люди репутацией в глазах собственных детей? Вдруг тем будет стыдно за своих отцов?..

Так родилось стихотворение „Мой черный человек в костюме сером“.

Трехкомнатную камеру мою. — Имеется в виду трехкомнатная квартира В. Высоцкого в Москве на Малой Грузинской улице, в которой он жил в 1975–1980.

Мои друзья — известные поэты... — Poleмическая отсылка к посвящению к песне «О фатальных датах и цифрах»: «Моим друзьям-поэтам» — А. А. Вознесенскому и Е. А. Евтушенко.

Я от суда скрываться не намерен... — Имеется в виду Страшный суд, на котором души человеческие предстанут перед Богом во всей своей нагоде и истинности. Одновременно присутствует отклик на реальные биографические обстоятельства: осенью 1979 В. Высоцкого неоднократно вызывали на допрос в связи с делом, возбужденным по факту нелегальных доходов во время гастролей в Ижевске.

И худо-бедно, но тащил свой воз. — Ср. с заключительными строками стихотворения А. Т. Твардовского «О сущем» (1958):

И не таю еще признанья:
Мне нужно, дорого до слез
В итоге — твердое сознание,
Что честно я тащил мой воз.

Судачили про дачу и зарплату:
Мол, денег прорва, по ночам кую.
Я все отдам, берите без доплаты
Трехкомнатную камеру мою.

И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Мои друзья — известные поэты:
Не стоит рифмовать «кричу — торчу».

И лопнула во мне терпенья жила,
И я со смертью перешел на «ты»,
Она давно возле меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.

Я от суда скрываться не намерен,
Коль призовут — отвечу на вопрос.
Я до секунд всю жизнь свою измерил
И худо-бедно, но тащил свой воз.

Но знаю я, что лживо, а что свято,
Я это понял все-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята, —
Мне выбора, по счастью, не дано.

<конец 1979>

М. Врубель. Моцарт и Сальери

* * *

Слева бесы, справа бесы.
Нет! По новой мне налей!
Эти — с нар, а те — из кресел:
Не поймешь, какие злей.

И куда, в какие дали,
На какой еще маршрут
Нас с тобою эти втали
По этапу поведут!

Ну а нам что остается?
Дескать — горе не беда?
Пей, дружище, если пьется,
Всё пустыми невода.

Что искать нам в этой жизни?
Править к пристани какой?
Ну-ка, солнце, ярче брызни!
Со святыми упокой...

<август 1976 или январь 1979>

Слева бесы, справа бесы. — Отсылка к стихотворению А. С. Пушкина «Бесы» и роману Ф. М. Достоевского «Бесы» (1872), эпиграфом к которому служат строки из пушкинского стихотворения.

*И куда, в какие дали,
На какой еще маршрут
Нас с тобою эти втали
По этапу поведут!* —

По мнению С. М. Шаулова, в строках присутствует полемический отклик на поэму А. Т. Твардовского «За далью — даль» (1954–1959). Вернее было бы говорить о развитии и заострении конфликта, обозначенного в поэме Твардовского.

По предположению А. В. Скобелева, в строке «На какой еще маршрут» присутствует отсылка к книге лагерных мемуаров матери В. П. Аксенова Е. С. Гинзбург «Крутой маршрут» (1967). Книга была опубликована в 1967 в Милане и неоднократно переиздавалась за границей, ходила в самиздате.

Править к пристани какой? — Перифраз из стихотворения А. С. Пушкина «Осень (Отрывок)» (1833): «Куда ж нам плыть?»

Ну-ка, солнце, ярче брызни! — Цитата из песни «Спортивный марш» (1937. Муз. И. Дунаевского. Слова В. И. Лебедева-Кумача):

Ну-ка, солнце, ярче брызни,
Золотыми лучами обжигай!
Эй, товарищ! Больше жизни!
Поспевай, не задерживай, шагай!
Чтобы тело и душа были молоды,
Были молоды, были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода,
Закаляйся, как сталь!

Со святыми упокой... — Слова из поминальной молитвы.

Из воспоминаний В. И. Туманова: «Но он их безошибочно опознавал. Во Франции его поразили так называемые гошисты:

— Пригласили меня спеть на их митинге. Увидел их лица, вызывающий облик, услышал их сумасбродные речи, прочитал лозунги, — и ужаснулся. Наркотизированная толпа, жаждущая насилия и разрушения. Социальную браваду они подчеркивали даже одеждой. И напрасно уговаривала меня растерянная переводчица, удивленная моим отказом спеть перед готовыми бить „под дых, внезапно, без причины“.

Через некоторое время он прочитал мне свое стихотворение „Новые левые — мальчики brave...“».

«Экспроприация экспроприаторов...» — Буквально: изъятие частной собственности у капиталистов в ходе пролетарской революции. Тезис, выдвинутый К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» (1847) и использованный в качестве лозунга большевиками во время Октябрьской революции 1917.

Мао, Дзержинский и Че Гевара. — Культовые герои западной леворадикальной молодежи 1960–1970-х: лидер китайских коммунистов Мао Цзэдун (1893–1976); российский революционер, соратник Ленина, создатель и первый руководитель ВЧК Ф. Э. Дзержинский (1877–1926); латиноамериканский революционер, команданте кубинской революции 1959 и кубинский государственный деятель Эрнесто че Гевара (1928–1967).

Бутырки (разг.) — Бутырская тюрьма, до революции 1917 — центральная пересыльная тюрьма России, служила также местом заключения для подсудимых и осужденных по политическим и уголовным делам. Многие политические «обитатели» дореволюционной Бутырки вновь оказались в ней в период сталинских репрессий 1930-х.

* * *

Новые левые — мальчики brave
С красными флагами буйной оравой,
Чем вас так манят серпы да молоты?
Может, подкурены вы и подколоты?!

Слушаю полубезумных ораторов:
«Экспроприация экспроприаторов...»
Вижу портреты над клубами пара —
Мао, Дзержинский и Че Гевара.

Не [разобраться], где левые, правые...
Знаю, что власть — это дело кровавое.
Что же, [валяйте] затычками в дырках,
Вам бы полгода, только в Бутырках!

Не суетитесь, мадам переводчица,
[Я не спою], мне сегодня не хочется!
И не надеюсь, что я переспорю их,
Могу подарить лишь учебник истории.

<конец 1976 или ноябрь 1978>

* * *

Пародии делает он под тебя,
О будущем бредя, о прошлом скорбя,
Журит по-хорошему, вроде любя,
С улыбкой поет непременно,
А кажется, будто поет — «под себя» —
И делает — одновременно.

Про росы, про плесы, про медкупоросы,
Там — осыпи, осы, мороз и торосы,
И сосны, и СОСы, и соски, и косы,
Усы, эскимосы и злостные боссы.

А в Подольске — раздолье:
Ив Монтан он — и только!
Есть ведь и горькая доля,
А есть и лимонные дольки.

Тогда его зритель подольский
Возлюбит зимою и летом,
А вот полуостров наш Кольский
Весьма потеряет на этом.

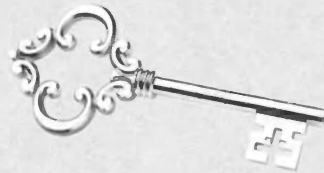
Настолько он весь романтичный,
Что нечего и пародировать,
Но он мне в душе симпатичен,
[Я б смог] его перефразировать.

Нет свободной минуты, и кстати,
Спать не может <он> не от кошмаров,
Потому что он <все> время тратит
На подсчеты моих гонораров.

<конец 1978 — около 11 февраля 1979>

Речь идет о первом спектакле Геннадия Хазанова «Мелочи жизни» с участием балета московского Театра эстрады (автор — А. Хайт, режиссер Б. Левинсон, композитор В. Добрынин, 1978), в котором В. Высоцкий представлен в образе черепахи Тортиллы, поющей песню о том, что «я живу, все кляня, просто белого света не вижу. Я не вижу семью, я в болоте гнию, а жена загнивает в Париже». В восторженных статьях об этом представлении написано, что этот «красочный, музыкальный спектакль, объединивший сатирические монологи, зарисовки и пародии на известных артистов, исполнявшиеся как бы от имени различных персонажей „Золотого ключика“, имел огромный успех у зрителей».

Из выступления В. Высоцкого: «У нас, например, в театре есть несколько человек, которых вы знаете как артистов. <...> Леня Филатов пишет изумительные пародии, на мой взгляд. Пародии замечательные, по-настоящему интересные пародии, а не такие, как вот мне только недавно показали, значит, пародию на меня. Не спросившись. У Хазанова в спектакле омерзительная, на мой взгляд, пародия, написанная Хайтом. Они считают себя людьми левыми, не знаю, из каких соображений. Во всяком случае, вот в этой пародии они выглядят просто отвратительно, на мой взгляд. Если у вас будет возможность с ними встретиться, с Хазановым и его авторами, и вы услышите это, вы сами это поймете. Мне просто даже как-то показалось это по меньшей мере странным. Если в этом нет никакого намерения, бог с ними. Все равно неприятно. А если в этом есть намерение, надо в суд» (1979).

Из книги А. Хайта «Мелочи жизни» (1979):
ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Сказочник: До конца встречи остается две минуты. Напряжение достигло предела. Вот черепаха Тортилла покидает свой пруд. Пруд остается пустым. Тортилла бросается в последнюю атаку, а вместе с ней в атаку бросается артист театра и кино Владимир Высоцкий.

Тортилла (поет):
Триста лет я в пруду,
Я в воде, как в аду,

Мокрый панцирь прилип, как рубаха.
Я по горло в воде,
Ломит тело везде,
Я — простуженная черепаха.

Здесь мой голос охрип,
Здесь свирепствует грипп,
Здесь трясет по ночам лихоманка,
Но как трону струну,
И как песню рвану,
Зарыдает родная Таганка.

Может, песня стара,
Но хочу я добра,
Презираю жестокость с пеленок.
Не забуду, ей-ей,
Как из мамы моей
Понаделали, гады, гребенок.

Помню, мама пела мне, такая ласковая:
Черепашка моя, скалолазка моя!
Кто дорогой прямой
Ищет ключ золотой,
Тот не должен бояться ударов,
И плюю я на вас,
Карабас-Барабас,
И чихаю на всех Дуремаров.

...поет — «под себя» —

И делает — одновременно. —

Каламбур, подразумевающий, кроме знаменитой цитаты «Уважаемые поэты московские! / Я, в искусстве правду любя, / Умоляю, не делайте под Маяковского. / Делайте под себя!», еще и эвфемизм «делать под себя», т. е. справлять естественные нужды «в постель, платье» (Толковый словарь В. Даля), иными словами — гадить.

Медкупоросы — медный купорос (сульфат меди), используется как микроудобрение для восполнения дефицита меди в почве.

Ив Монтан (настоящее имя Иво Ливи; 1921–1991) — французский актер и певец-шансонье. Ив Монтан приезжал в СССР в 1956 и 1963 и пользовался огромным успехом у советских зрителей.

...полуостров наш Кольский... — По всей видимости, имеются в виду исправительно-трудовые лагеря, расположенные на территории Кольского полуострова.

Г. Хазанов в спектакле «Мелочи жизни»

* * *

Мне скулы от досады сводит:
Мне кажется который год,
Что там, где я, — там жизнь проходит,
А там, где нет меня, — идет.

А дальше — больше, — каждый день я
Стал слышать злые голоса:
«Где ты — там только наважденья,
Где нет тебя — все чудеса.

Ты только ждешь и догоняешь,
Врешь и боишься не успеть,
Смеешься меньше ты, и знаешь,
Ты стал разучиваться петь...

Как дым твои ресурсы тают,
И сам швыряешь все подряд.
Зачем? Где ты — там не летают,
А вот где нет тебя — парят».

Я верю крику, вою, лаю,
Но все-таки, друзей любя,
Дразня врагов, — я не кончаю
С собой в побеге от себя.

Живу, не ожидаю чуда,
Но пухнут жилы от стыда:
Я каждый раз хочу отсюда
Сбежать куда-нибудь туда!

Хоть все пропой, протарабань я,
Хоть всем хоть голым покажись!
Пустое все: здесь — прозябанье,
А где-то там — такая жизнь!..

Фартило мне, земля вертелась,
И, взявши пары три белья,
Я — шасть! — и там. Но вмиг хотелось
Назад, откуда прибыл я.

<июль 1979>

Из интервью врача-реаниматолога Института им. Склифосовского Л. Сульповара В. К. Перевозчикову: «Володя был достаточно скрытным человеком... Наверное, перед кем-то он и раскрывался, но я не был с ним настолько близок... Со мной был один откровенный разговор, но это было единственный раз. В 79-м году мы сидели с ним в машине около моего дома и часа полтора разговаривали... И Володя немного открыл свою душу. Это был обстоятельный разговор обо всем, что его тревожит и волнует. Его страшно угнетало болезненное состояние, он чувствовал, что уже не может творчески работать, что он теряет Марину... Он говорил о том, чего уже никогда не сможет вернуть в своей жизни... <...> Но все же он многое уже сделал и многого достиг, и его мучило чувство, что все это теряется... „Какая-то безысходность“, как он сам говорил... <...>

Володя говорил, что ощущает в себе два „я“: одно хочет работать, делать, любить, а второе тянет его со всем в другую сторону, в эту пропасть безысходности. И постоянное противоборство двух „я“ делает его жизнь совершенно невыносимой. У него не получалась жизнь с какими-то определенными поступками, он метался из одной стороны в другую... Два раздражающих начала делали его жизнь страшной и невыносимой... А болезнь к этому времени зашла уже очень далеко...»

*Что там, где я, — там жизнь проходит,
А там, где нет меня, — идет... —*

Обыгрывается крылатое выражение из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824): «Где ж лучше?» — «Где нас нет».

* * *

Копошатся — а мне невдомек,
Кто, зачем, по какому указу?
То друзей моих пробуют на зуб,
То цепляют меня на крючок.

Ведь хлопотно и не с руки:
Послушай, брось, куда, мол, лезешь-то?!
Друзья мои на зуб — крепки.
Ну а меня цеплять-то не за что.

Только, кажется, не отойдут,
Сколько ни напрягайся, ни пыжься.
Подступают, надеются, ждут,
Что оступишься — проговоришься.

Я известностью малость затаскан,
Но от славы избавился сразу б.
Я был кем-то однажды обласкан,
Так что зря меня пробуют на зуб.

И какой-то зеленый сквалыга
Под дождем в худосочном пальто
Нагло лезет в карман, [торопыга], —
В тот карман, где запрятана фига,
О которой не знает никто.

<21 февраля 1975>

В 20-х числах февраля 1975, находясь в Париже, В. Высоцкий повидался со своим бывшим преподавателем и старшим другом писателем А. Синявским, который после отбывания срока в лагере по политической статье эмигрировал во Францию. Встреча состоялась на вечере в честь присуждения А. Синявскому премии «Лучшая иностранная книга года» за книгу «Голос из хора». Появление в среде русских эмигрантов полуопального Высоцкого не прошло незамеченным.

В дневнике Высоцкий записал: «Пошел я с одним человеком, который приятель Бориса, на вручение премии А. Синявскому и всех их там увидел, чуть поговорил, представляли меня всяким типам. Не знаю, может, напрасно я туда зашел, а с другой стороны — хорошо. Хожу свободно и вовсе их не чураюсь, да и дел у меня с ними нет, я сам по себе, они тоже. А пообщаться интересно. Они люди талантливые и не оголтелые.

А ночью позвонил один тип, который уехал, — В. З., упрекал, что я его избегаю и т. д., задавал вопросы вроде: „Ты из повиновения вышел?“ Я отвечаю: „Я в нем и не был“ и т. д. Он, по-моему, записывал — хрен его знает. Хочет увидеться.

Занервничали мы. Как они все-таки, суки, оперативны. Сразу передали по телетайпу — мол, был на вручении премии.

Утром виделся с нашими. Мимоходом им сказал — реакция слабая. Они ведь теперь тоже либералы. Хотя — кто их знает».

В автографах того времени еще три наброска на эту тему:

Знать бы все — до конца бы и сразу б
Про измену, тюрьму и «рачок»!
Но... друзей моих пробуют на зуб,
Но... цепляют меня на крючок.

.....
Ублажаю ли душу романсом
Или грустно пою про тюрьму —
Кто-то рядом звучит диссонансом,
Только кто — не пойму.

.....
Узнаю и в пальто, и в плаще их,
Различаю у них голоса —
Ведь направлены ноздри ищеек
На забытые мной адреса.

Грусть моя, тоска моя

(Вариации на цыганские темы)

Шел я, брел я, наступал то с пятки, то с носка.

Чувствую, дышу и хорошо!..

Вдруг тоска змеиная, зеленая тоска

Изловчась мне прыгнула на шею.

Я ее и знать не знал, меняя города,

А она мне шепчет: «Как ждала я!..»

Как теперь? Куда теперь? Зачем да и когда

Сам связался с нею, не желая?

Одному идти — куда ни шло, еще могу, —

Сам себе судья, хозяин-барин:

Впрягся сам я вместо коренного под дугу,

С виду прост, а изнутри — коварен.

Я не клеветчу! Подобно вредному клещу

Впился сам в себя, трясущ за плечи.

Сам себя бичую я и сам себя хлещу,

Так что — никаких противоречий.

Одари, судьба, или за деньги отоварь, —

Буду дань платить тебе до гроба!

Грусть моя, тоска моя, чахоточная тварь, —

До чего ж живучая хвороба!

Поутру не пикнет, как бичами ни бичуй,

Ночью — бац! — со мной на боковую.

С кем-нибудь другим хотя бы ночь переночуй!

Гадом буду, я не приревную.

<до 14 июля 1980>

Из эссе М. М. Шемякина «Уход барда»: «На мою долю выпало увидеть и прочувствовать все те мучительные моменты последнего года Володиной жизни, уводящие его из нее. Терзало нервы постоянное, пристальное внимание со стороны идеологических комитетов, возглавляемых всесильными органами государственной безопасности, к „сомнительному“ творчеству Высоцкого. <...>

Систематическая травля, запреты на концерты, невозможность свободно творить — все это причиняло душевную боль и муку. <...>

Из-за присоединившихся к алкоголю морфия и понталона здоровье и психика его резко ухудшились. Болезненная перевозбужденность сменялась приступами безысходности и отчаяния, вызванного депрессией. Иногда ему казалось, что рушатся отношения с единственной любимой им женщиной — Мариной. Вернувшись раньше времени из совместной с Мариной поездки (в которой она надеялась привести Высоцкого в нормальное состояние, восстановить душевную близость), Володя скажет мне фразу, которая свидетельствует как о его болезненном состоянии духа, так и о таланте словообразователя: „Я понял, что «двоеночество» гораздо страшнее одиночества“. Да и о чем ему было тогда говорить с Мариной на том пустынном острове, куда она увезла его, пытаясь спасти от надвигающейся трагической развязки? Как и любой подсевший на иглу, он думал в основном об одном, о новом божестве Морфее, которому с недавней поры стал поклоняться, о том, где и у кого раздобыть порцию морфия, чтобы избежать мучительной ломки. <...>

В душе он стыдился вновь приобретенного порока, поэтому о водке и пьянстве у Высоцкого написано много, а о Морфее и наркомании — ни строчки. <...>

На гастролях любимовского театра в Марселе Высоцкий уходит в запой и в пьяном бреду пытается в каком-то ночном притоне добыть „ширево“ <...>. Приняв за засланного полицией провокатора, Володю сильно избивают. Любимов, приехав в гостиницу за своим ведущим актером за час до начала спектакля, находит по кровавому следу Володю с разбитым в кровь лицом, в беспамятстве валяющимся на кровати своего номера. Спектакль сорван <...>. На мой с укором вопрос — почему он это сделал — Володя с раздражением и злостью ответил, что „всё, всё, всё“ ему опостылело, надоело, и что делать дальше и как жить, он себе не представляет. „Там — не могу, здесь не нужен“, — с горечью повторял он».

III. Скорбные листы

Про сумасшедший дом

Сказал себе я: брось писать!

Но руки сами просятся.

Ох, мама моя рóдная, друзья любимые!

Лежу в палате — кóсятся.

Не сплю: боюсь — набросятся.

Ведь рядом — психи тихие, неизлечимые.

Бывают психи разные:

не буйные, но грязные,

Их лечат — морят голодом, их санитары бьют.

И вот что удивительно:

все ходят без смиренных,

И то, что мне приносится, все психи эти жрут.

Куда там Достоевскому

с «Записками» известными!

Увидел бы, покойничек, как бьют об двери лбы!

И рассказать бы Гоголю

про нашу жизнь убогую —

Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы!

Вот это мука! Плкой на них,

они ж ведь, сука, буйные!

Все норовят меня лизнуть, ей-богу, нету сил!

Вчера в палате номер семь

один свихнулся насовсем,

Кричал: «Даешь Америку!» — и санитаров бил.

Я не желаю славы, и

пока я в полном здравии,

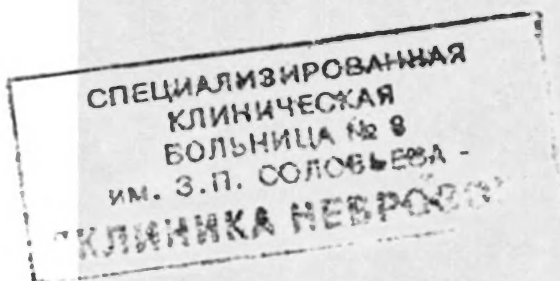
Рассудок не померк еще, — но это впереди.

Вот главврачиха — женщина

пусть тихо, но помешана, —

Я говорю: «Сойду с ума!» — Она мне: «Подожди».

С 15 ноября по 2 декабря 1965 В. Высоцкий находился на лечении в московской специализированной клинической (психоневрологической) больнице № 8 им. З. П. Соловьева.

Сказал себе я: брось писать!

Но руки сами просятся. —

По наблюдению А. В. Скобелева, возможно, перифраз с финальными строками из популярной сатиры А. Ф. Воейкова «Сумасшедший дом» (1814):

Не писать — не жить поэту,

А писать начать — боюсь!

Смирительная рубашка — специальная одежда, фиксирующая позу больного и лишаящая его возможности совершать движения конечностями. Применялась для борьбы с возбуждением в XIX в., в эпоху, предшествующую победе принципа нестеснения (Толковый словарь психиатрических терминов).

Куда там Достоевскому

с «Записками» известными! —

Имеется в виду повесть Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» (1860–1861), посвященная жизни в остроге.

И рассказать бы Гоголю... — Имя Н. В. Гоголя упомянуто в первую очередь в связи с его повестью «Записки сумасшедшего» (1835).

Вчера в палате номер семь

один свихнулся насовсем,

Кричал: «Даешь Америку!» — и санитаров бил. —

По мнению А. В. Скобелева, в этих строках нашла отражение история принудительного лечения в психиатрической больнице советского писателя В. Я. Тарсиса (1906–1983), который в начале 1960-х передал

за границу рукописи нескольких своих произведений, часть из которых была там опубликована («Сказание о синей мухе», «Красное и черное»). 23 августа 1962 Тарсис был помещен в московскую психиатрическую клинику им. Кащенко, где его признали душевнобольным. В начале 1963 под давлением мировой общественности Тарсис был освобожден. Вскоре появилась его автобиографическая повесть «Палата № 7» (опубликована в ФРГ в журнале «Грани». 1965. № 57). Повесть распространялась и в самиздате (с 1963).

7 февраля 1966 Тарсису было разрешено выехать в Великобританию «для чтения лекций»; через некоторое время «Комсомольская правда» опубликовала статью А. Сахнина «Не понимаю!», в которой Тарсис характеризовался как сумасшедший графоман-антикоммунист, получающий деньги от зарубежных реакционеров за поставляемую на Запад антисоветчину. 18 февраля Тарсиса лишили советского гражданства, тогда же по поручению ЦК КПСС в «Известиях» был опубликован фельетон М. Стурюа «Мистер Тарсис за границей». Статья Стурюа, по мнению А. В. Скобелева, получила отражение в песне В. Высоцкого, ср.: Тарсис (по словам М. Стурюа) «свихнулся» на антикоммунизме и антисоветчине; Тарсис — «невменяемый, да еще склонный к буйству»; М. Стурюа трижды употребляет эпитет «грязный»: грязная антисоветская игра, грязные антисоветские писания, грязный бизнес; недовольный оказанным ему в Великобритании приемом, Тарсис якобы «делает намеки на то, что он может предпочесть Соединенные Штаты Америки» временно приютившей его Великобритании.

Как отмечает исследователь, «американская» тема («Дашь Америку!») могла возникнуть в песне В. Высоцкого и с оглядкой на текст самого В. Я. Тарсиса («Палата № 7»): «...Надо обратиться к Кеннеди, объяснить ему положение вещей, рассказать о всеобщем недовольстве, о том, что русский народ встретит американцев хлебом, солью и колокольным звоном, и даже армия сложит перед ними оружие, поскольку все знают, что американцы <...> хотят помочь русскому народу освободиться от узурпаторов».

В 1963 в Московском театре драмы и комедии (будущий Театр на Таганке) шла работа над постановкой пьесы С. Ларионова «Дашь Америку!» (реж. П. Фоменко) с В. Смеховым в одной из главных ролей.

Вот главврачиха — женщина... — Заведующей отделением, в котором лечился В. Высоцкий, была Вера Феодосьевна Народницкая.

Я жду. Но чувствую: уже
хожу по лезвию ноже...
Забыл алфавит, падежей припомнил только два.
И я прошу моих друзья,
чтоб, кто бы их бы ни был я, —
Забрать его, ему, меня отсюда!

<ноябрь–декабрь 1965>

Специализированная клиническая больница № 8 им. З. П. Соловьева

* * *

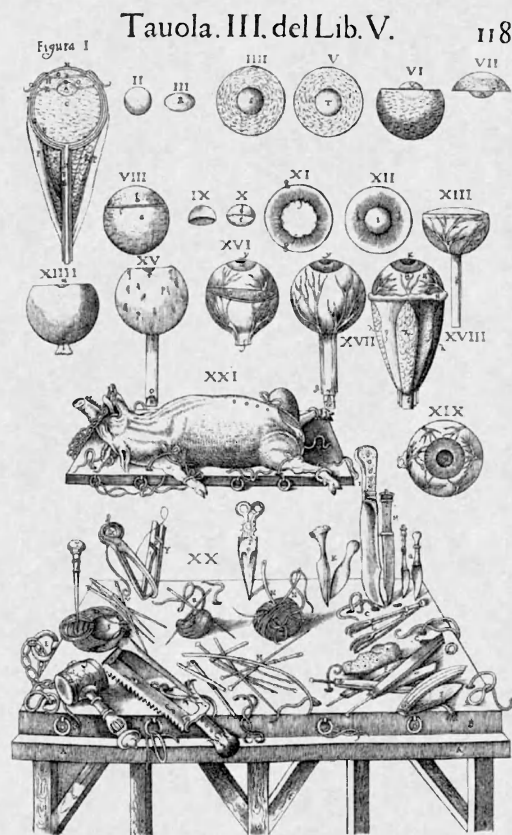
Я сказал врачу: «Я за все плачу!
За грехи свои, за распущенность.
Уколи меня, — я сказал врачу, —
Утоли за все, что пропущено».

Пусть другие пьют в семь раз пуще нас.
Им и карты все. Мой же кончен бал.
Наказали бы меня за распущенность
И уважили этим очень бы.

Хоть вяжите меня — не заспорю я.
Я и буйствовать могу — полезно нам.
Набухай, моей болезни история,
Состоянием моим болезненным!

Мне колют два месяца кряду —
Благо зрячие.
А рядом гуляют по саду
Белогорячие.

<осень 1968>

Х. Валверде де Амуско
«Анатомия человеческого тела». 1560

История болезни — анамнез (от греч. ἀνάμνησις — воспоминание), совокупность сведений, получаемых при медицинском обследовании, путем расспроса самого обследуемого и/или знающих его лиц.

Белогорячие — т. е. больные белой горячкой — острой формой психоза, развивающегося под влиянием длительного злоупотребления спиртными напитками; характеризуется расстройством сознания, обильными, преимущественно зрительными, галлюцинациями, двигательным возбуждением и бессонницей.

* * *

И душа, и голова, кажись, болит, —
Верьте мне, что я не притворяюсь.
Двести тыщ тому, кто меня вызволит,
Ну и я, конечно, попытаюсь.

Нужно мне туда, где ветер с соснами,
Нужно мне — и все, там интересней!
Поделюсь хоть всеми папиросами
И еще спою вдобавок песни.

Дайте мне глоток другого воздуха!
Смею ли роптать?! Конечно, смею!
Запах здесь!.. А может быть, вопрос в духах?..
Отблагодарю — когда сумею.

Нервы у меня хотя луженые,
Кончилось спокойствие навеки.
Эх вы, мои нервы заслуженные!
Ожили б — ходили, как калеки.

Не глядите на меня, что губы сжал,
Если слово вылетит, то — злое.
Я б отсюда в тапочках в тайгу бежал
И завыл там трезвый, не в запое!

<начало 1969>

Институт судебной психиатрии им. Сербского

С 17 по 19 февраля 1969 В. Высоцкий находился в алкогольном отделении Института судебной психиатрии им. Сербского.

Из воспоминаний невропатолога Л. О. Бадаляна: «В институт Сербского мы с Веней (Смеховым. — *Сост.*) его клали. Потому что и НМ (Нина Максимовна, мать Высоцкого. — *Сост.*), и все говорили, что надо Володю положить туда, где у него не будет возможности пить, а в больницах перед его обаянием персонал не мог устоять. И приносили ему, сколько он хотел, и в Люблине, и везде. Надо было его погугать. А это Институт судебной психиатрии, там очень строго. Я позвонил главврачу Морозову, договорился с зав. наркологией Качаевым, и Веня с товарищами его отвезли. Володя потом считал, что его предали».

* * *

Я лежу в изоляторе,
Здесь кругом резонаторы:
Если что-то случается —
Тут же врач появляется.

Здесь врачи — узурпаторы,
Злые, как аллигаторы!
Персонал — то есть нянечки —
Запирают в предбанничке.

Что мне север, экваторы,
Что мне бабы-новаторы,
Если в нашем предбанничке
Так свирепствуют нянечки!

Санитары — как авторы,
Хоть не бегай в театры вы! —
Бьют и вяжут, как веники,
Правда, мы — шизофреники.

У них лапы косматые,
У них рожи усатые
И бутылки початые,
Но от нас их попрятали.

<февраль 1969>

А. В. Скобелев обращает внимание на тематическую и ритмическую близость стихотворения В. Высоцкого со стихотворением Ю. Смирнова (1933–1978) «По утрам в поликлиники...» (1962), ставшего песней, известной в исполнении Ю. Кукина под названием «Психи». Существует фонограмма концерта, состоявшегося в Ленинграде 10 мая 1967, в котором принимали участие В. Высоцкий и Ю. Кукин, среди прочих Кукин исполняет и эту песню. Ср.:

По утрам в поликлиники
Всё спешат шизофреники.
Среди них есть ботвинники
И кавказские пленники,

Короли и карасики,
Паучки и личинки...
А приятель мой — часики,
Только что из починки.

Дождик серенький-серенький
В землю пальчики тыкает.
Мы гуляем по скверику,
А приятель мой тикает.

Я смеюсь обаятельно,
Представляя, как ловко
Я однажды приятелю
Отломаю голову.

Резонатор — здесь: усилитель.

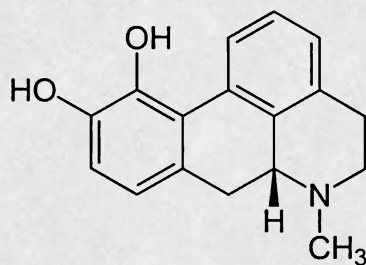
Узурпатор (лат. *usurpator*) — лицо, незаконно захватившее в свои руки власть или присвоившее себе чужие права на что-либо.

Бабы-новаторы — женщины — передовики производства; возможно, имеются в виду ткачиха В. И. Геганова (1932–2010), колхозница Н. Г. Заглада (1897–1970-е), упоминаемые в песне В. Высоцкого «Случай на шахте» (1967). Подробнее см. комментарии в томе «Летела жизнь в плохом автомобиле...».

Шизофреник — человек, страдающий шизофренией (от греч. *schizo* — расщепляю и *phren* — ум, разум, мысль), психическим заболеванием, которое характеризуется разнообразными проявлениями и имеет тенденцию к хроническому течению.

«Шировые» (жарг.) — сидящие на игле; от «ширяться» (жарг.) — колоть наркотики.

«Морфуша» (жарг.) — морфий, тяжелый наркотик.

Апоморфин — препарат из группы алкалоидов, получаемый из морфина и оказывающий рвотное и отхаркивающее действие. Применяют в водном растворе под кожу при отравлениях для удаления из желудка ядовитых веществ, а также при лечении алкоголизма.

Капли Зимина... — Очевидно, имеются в виду капли Зеленина — комплексный препарат, в состав которого входят настойки ландыша майского и валерианы (по 10 мл), настойки красавки (5 мл) и ментола (0,2 г). Комплекс препаратов, составляющих капли Зеленина, обеспечивает умеренную стимуляцию работы сердца, оказывает успокаивающее и спазмолитическое действие. Препарат назначают при неврозах сердца, сопровождающихся урежением работы сердца, спазмах сосудов сердца. Названы по имени предложившего состав В. Ф. Зеленина (1881–1968).

Анаша (оттюркск. «наше» — конопля) — наркотик, получаемый из конопли, то же, что и марихуана, гашиш.

Палата наркоманов

Не писать мне повестей, романов,
Не читать фантастику в углу, —
Я лежу в палате наркоманов,
Чувствую — сам сяду на иглу.

Кто-то раны лечил боевые,
Кто-то так обеспечил тылы.
Эй вы, парни мои «шировые»,
Поскорее слезайте с иглы!

В душу мне сомнения запали,
Голову вопросы мне сверлят, —
Я лежу в палате, где глотали,
Нюхали, кололи все подряд.

Кто-то там проколол свою душу,
Кто-то просто остался один...
Эй вы, парни, бросайте «морфушу» —
Перейдите на апоморфин.

Тут один знакомый шизофреник
(В него тайно няня влюблена)
Говорит: «Когда не будет денег —
Перейду на капли Зимина».

Кто-то там проколол свою совесть,
Кто-то в сердце вкурил анашу...
Эх вы, парни! Про вас нужно повесть!
Жалко, повестей я не пишу.

<февраль 1969>

* * *

Я уверен, как ни разу в жизни —
Это точно, —
Что в моем здоровом организме
Червоточина.

Может, мой никчемный орган — плевра,
Может — многие,
Но лежу я в отделенье невро-
Патологии.

Выдам то, что держится в секрете,
Но наверное,
Наше население на две трети —
Люди нервные.

Эврика! Нашел — вот признак первый,
Мной замеченный:
Те, кто пьют, — у тех сплошные нервы
Вместо печени.

Высох ты и бесподобно жилист,
Словно мумия.
Знай, что твои нервы обнажились
До безумия.

Если ты ругаешь даже тихих
Или ссоришься —
Знай, что эти люди тоже психи,
Ох, напорешься!

<апрель 1969>

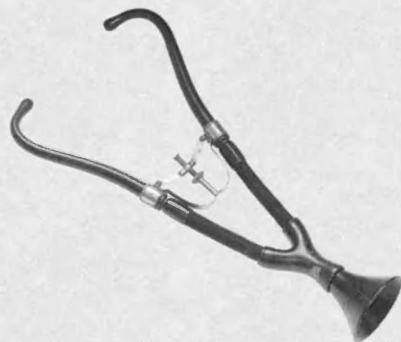

Иллюстрация Г. Доре
к «Божественной комедии» Данте

С 10 по 12 марта и с 28 марта по 1 апреля 1969 В. Высоцкий находился на лечении от алкоголизма в городской психиатрической больнице № 13 в Люблине. Поступил в тяжелом состоянии в буйное 5-е отделение, потом был переведен в 7-е.

Плевра — здесь: легкие.

Высох ты... — Обыгрывается разговорное слово, обращенное к пьяному человеку: «просохни», т. е. протрезвей. Здесь: протрезвел.

В начале 1971 Высоцкий постоянно конфликтует с Ю. П. Любимовым во время репетиций «Гамлета», срывается в запои, попадает в больницы. Ю. П. Любимов ищет ему замену в «Гамлете», осложняются отношения Высоцкого с М. Влади.

Из дневника В. С. Золотухина: «15.01.1971. А дела у нас на театре — хуже не придумаешь. Вечером позвонила в театр Марина — принц Гамлет в Скифосовского, она в отчаянии. Одна в России... на положении кого? Уговаривал я вчера Володю поехать спать и прекратить, надо бежать на длинную дистанцию, это малодушие... После того дня, как шеф накричал на него, он взялся за стакан, ища спасение в нем, в отступлении, а может, брызнет талант, надеялся... <...>

— Вы пять пьес показывали мне с голоса, и я выполнял с точностью до тысячной доли, но здесь я не могу повторить... потому что вы еще сами не знаете, что делаете... Я напридумывал в „Гамлете“ не меньше, чем вы, поймите, как мне трудно отказаться от этого...

Эту и подобную стыдную муравину нес Володяшефу, и тот слушал его, старался вникнуть, объяснял чего-то... Ах, как это все нехорошо. Принц Гамлет в Скифосовского... Благо, что это случилось в дни, когда у него нет „Галилея“, и перед выходными днями. <...>

30.01.1971. Володи все еще нет, репетирует Филатов, приходит Щербаков, и я хожу вокруг.

31.01.1971. Сегодня было заседание местного комитета с бюро комсомола и партбюро — решали вопрос Высоцкого. <...> Об увольнении речи, кажется, не было вовсе. Значит, оставили в самый последний-последний раз, с самыми-самыми строгими предупреждениями. Володя сидел в кабинете шефа, воспаленный, немного сумасшедший — остаток вынесенного впечатления из буйного отделения, куда его друзья устроили на трое суток. Володя сказал:

— Если будет второй исполнитель, я репетировать не буду. <...>

— Если ты будешь репетировать, никто другой не сунется и репетировать не будет. Но для этого ты должен быть в полном здравии и репетировать изо дня в день.

— Марина улетела, и кажется, навсегда. Хотя посмотрим, разберемся. <...>

01.02.1971. Репетиция „Гамлета“. Володя репетировал.

„Как я в этот раз сорвался, просто не знаю. Никаких причин не было“.

Не было причин? Личное — это не причина? Когда держишь в руках такую роль, для артиста, тем более артиста на диете, после пира, плохая репетиция — причина».

* * *

Ядовит и зол, ну словно кобра я, —
У меня больничнейший режим.
Сделай-ка такое дело доброе —
Нервы мне мои перевяжи.

У меня ужасная компания —
Кресло, телефон и туалет...
Это же такое испытание,
Мука и... другого слова нет.

Загнан я, как кабаны, как гончей — лось,
И терплю и мучаюсь во сне.
У меня похмелье не кончилось —
У меня похмелье вдвойне.

У меня похмелья от сознания,
Будто я так много пропустил...
Это же моральное страдание!
Вынести его не хватил сил.

Так что ты уж сделай дело доброе,
Так что ты уж сделай что-нибудь.
А не то — воткну себе под ребра я
Нож — и все, и будет кончен путь!

<весна 1971>

Конченный человек

Истома ящерицей ползает в костях,
И сердце с трезвой головой не на ножах.
И не захватывает дух на скоростях,
Не холодеет кровь на виражах.

И не прихватывает горло от любви,
И нервы больше не внатяжку, хочешь — рви.
Провисли нервы, как веревки от белья,
И не волнует, кто кого — он или я.

Я на коне: толкани — я с коня.
Только «не», только «ни» у меня.

Не пью воды, чтоб стили зубы, питьевой,
И ни событий, ни людей не тороплю.
Мой лук валяется со сгнившей тетивой,
Все стрелы сломаны, я ими печь топлю.

Не напрягаюсь, не стремлюсь, а как-то так...
Не вдохновляет даже самый факт атак.
Я весь прозрачный, как раскрытое окно,
И неприметный, как льняное полотно.

Я на коне: толкани — я с коня.
Только «не», только «ни» у меня.

Не ноют раны, да и шрамы не болят —
На них наложены стерильные бинты.
И не волнуют, не свербят, не теребят
Ни мысли, ни вопросы, ни мечты.

Устал бороться с притяжением земли,
Лежу — так больше расстояние до петли,
И сердце дергается, словно не во мне, —
Пора туда, где только «ни» и только «не»!

<осень 1971>

Песня записана весной 1975 на парижской студии «Резонанс» для пластинки «VLADIMIR VISSOTSKI. LE VOL ARRÊTÉ» (1981).

И сердце с трезвой головой не на ножах. — Полемический перифраз реплики Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824): «Ум с сердцем не в ладу».

И нервы больше не внатяжку, хочешь — рви. Провисли нервы, как веревки от белья... — Полемический переосмысленный образ из поэмы В. В. Маяковского «Пятый Интернационал» (1922):

Нервная система?
Черта лешего!
Я так разгимнастировал ее,
что по субботам,
вымыв,
в просушку развешивал
на этой самой системе белье.

(Отмечено А. В. Скобелевым.)

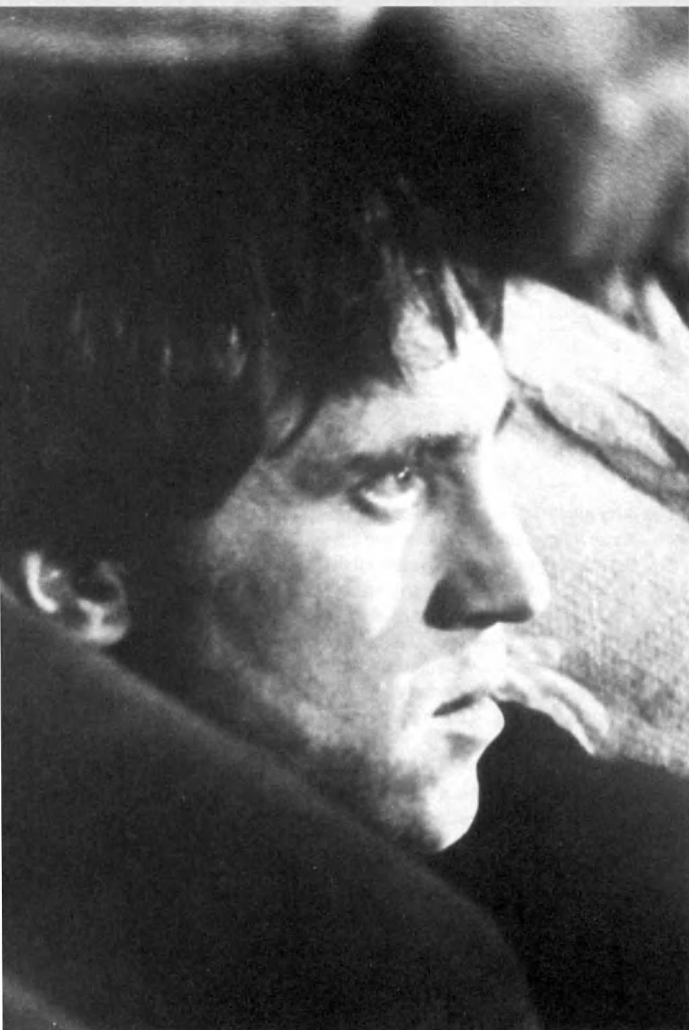
* * *

Что брюхо-то поджалось-то, —
Нутро почти виднó?
Ты нарисуй, пожалуйста,
Что прочим не дано.

Пусть вертит нам судья вола
Логично, делово:
Де, пьянь — она от Дьявола,
А трезвь — от Самого.

Начнет похмельный тиф трясти —
Претерпим муки те!
Рáвны же в Антихристе
Мы, братья во Христе...

<1975(?)>

Похмельный тиф — здесь: похмельный синдром, тремор.

Антихрист (др.-греч. Αντίχριστος — против (вместо) Христа — персонаж христианской эсхатологии, исполнитель Библейского пророчества о противнике Иисуса Христа, выдающий себя за Мессию, но имеющий злую сущность.

*Фигура распятого Христа из часовни при кладбище
Жен-мироносиц церкви в г. Соликамске. XVII век*

История болезни

I. Ошибка вышла

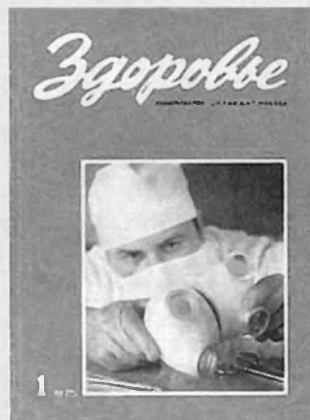
Я был и слаб, и уязвим,
Дрожал всем существом своим,
Кровоточил своим больным
Истерзанным нутром.
И, словно в пошлом попури,
Огромный лоб возник в двери
И озарился изнутри
Здоровым недобром.

Но властно дернулась рука:
«Лежать! Лицом к стене!» —
И вот мне стали мять бока
На липком топчане.

А самый главный сел за стол,
Вздыхнул осатанело
И что-то на меня завел,
Похожее на дело.

Вот в пальцах цепких и худых
Смешно задержался кадык,
Нажали в пах, потом под дых,
На печень-бедолагу.
Когда давили под ребро,
Как екало мое нутро!
И кровью харкало перо
В невинную бумагу.

В полубреду, в полупылу
Разделся донага.
В углу готовила иглу
Нестарая карга.

Из книги М. М. Шемякина «Две судьбы»: «По поводу этой песни Володя писал мне в декабре 1979 года: „И самая серьезная моя песня «Я был и слаб, и уязвим»! Миша! Это ты дал мне эту идею“. Она была написана после моих рассказов о специализированных психиатрических больницах, где при помощи психотропных препаратов, электрошоков и лоботомии коммунистическая власть разделялась со своими идеологическими врагами — диссидентами, неконформистами и инакомыслящими».

«Лежать! Лицом к стене!» — Переиначенная тюремная команда: «Стоять! Лицом к стене!»

Попурри (фр. pot pourri — букв.: смешанное блюдо) — музыкальная инструментальная пьеса, составленная из популярных мотивов других сочинений. Мелодии в попури не развиваются, а следуют одна за другой; между отдельными мелодиями вводятся короткие связки. Получило распространение в XIX в. в качестве композиций для различных инструментальных составов, чаще всего — эстрадных и духовых оркестров.

Нестарая карга — переиначенное выражение «старая карга». Карга — первоначально ворона, в переносном значении, ставшем на сегодняшний день основным: злая, сварливая, некрасивая женщина.

**Тускнели, выложившись в ряд,
Орудия пристрастья.** —

Т. е. инструменты для пытки, т. н. допроса с пристрастием. Полемически обыгрывается литературный штамп «блестели орудия пытки».

Лежу я, голый как сокол... — Обыгрывается фразеологический оборот «Гол как сокол», означающий крайнюю бедность, нищету.

Ведь скоро пятки станут жечь... — Одна из средневековых форм пытки подследственного.

Мне в горло всунули кишку... — Имеется в виду медицинский инструмент фиброгастродуоденоскоп. Процедура, проводимая с помощью этого аппарата, позволяет выявлять заболевания желудочно-кишечного тракта.

Трахя (trachea; греч. tracheia (arteria) — дыхательное горло) — хрящевой трубчатый орган, расположенный ниже гортани и переходящий в главные бронхи, осуществляющий проведение вдыхаемого и выдыхаемого воздуха. Входит в состав нижних дыхательных путей.

Я видел это как-то раз —

Фильм в качестве трофея. —

Из статьи М. Сулькина «„Трофейное кино“? Нет, ворованное»: «Когда война закончилась, пригород Берлина Бабельсберг, в котором, кроме киностудий, находился богатейший архив фильмов и документов, оказался в зоне советской оккупации. Конечно, все это богатство было быстренько отправлено в Москву. <...> Зрители старшего поколения наверняка помнят картины из коллекции Бабельсберга, которые, как правило, предварял текст такого содержания: „Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома Советской Армией немецко-фашистских войск под Берлином в 1945 году“» (Искусство кино. 2002. № 9).

Спиртовка — горелка, в качестве топлива для которой используется спирт; состоит из емкости для спирта и крышки, через которую пропущен фитиль.

И от корней волос до пят
По телу ужас плелся —
А вдруг уколом усыпят,
Чтоб сонный раскололся?

Он, потрудясь над животом,
Сдавил мне череп, а потом
Предплечье мне стянул жгутом
И крови ток прервал.
Я было взвизгнул, но замолк,
Сухие губы — на замок,
А он кряхтел, кривился, мок,
Писал и ликовал.

Он в раж вошел — знакомый раж,
Но я как заору:
«Чего строчишь? А ну, покажь
Секретную муру!»

Подручный — бывший психопат —
Вязал мои запястья.
Тускнели, выложившись в ряд,
Орудия пристрастья.

Я терт, и бит, и нравом крут:
Могу — вразнос, могу — враскрут,
Но тут смирят, но тут уймут.
Я никну и скучаю.
Лежу я, голый как сокол,
А главный — шмыг да шмыг за стол,
Все что-то пишет в протокол,
Хоть я не отвечаю.

Нет! Надо силы поберечь,
А то — ослаб, устал.
Ведь скоро пятки станут жечь,
Чтоб я захохотал.

Держусь на нерве, начеку,
Но чувствую — отвратно.
Мне в горло всунули кишку —
Я выплюнул обратно.

Я взят в тиски, я в клещи взят —
По мне елозят, егозят,
Все вызнать, вывести хотят,
Все пробуют на ощупь.
Тут не пройдут и пять минут,
Как душу вынут, изомнут,
Всю испоганят, изорвут,
Ужмут и прополощут.

Дыши, дыши поглубже ртом,
Да выдохни — умрешь!..
У вас тут выдохни! — потом
Навряд ли и вздохнешь.

Во весь мой пересохший рот
Я скалюсь: «Ну, порядки!
Со мною номер не пройдет,
Товарищи-ребятки!»

Убрали свет, и дали газ,
Доска какая-то зажглась.
И гноем брызнуло из глаз,
И булькнула трахея.
Он стервенел, входил в экстаз.
Приволокли зачем-то таз...
Я видел это как-то раз —
Фильм в качестве трофея.

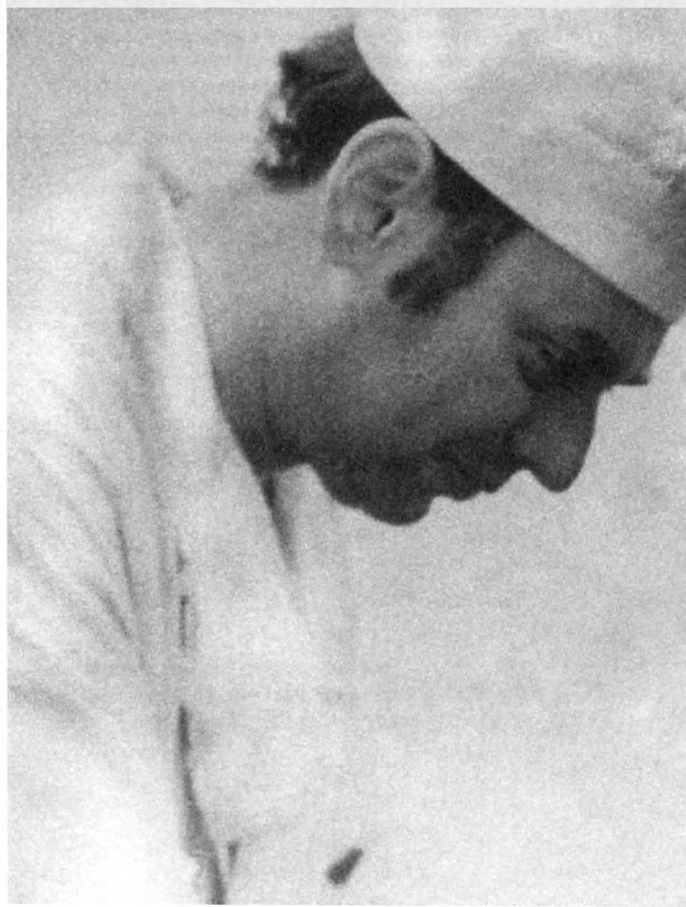
Ко мне заходят со спины
И делают укол.

Волосяной кнут, раскаленный прут — орудия пыток.

*Убрали свет, и дали газ,
Доска какая-то зажглась. —*

Из книги М. М. Шемякина «Две судьбы»: «Раздетого догола, меня „прикручивали“ к операционному столу, над которым висел гигантский вогнутый зеркальный отражатель, весь испещренный тончайшими неоновыми лампами различных геометрических форм. Затем, смазав меня с головы до ног какой-то жидкостью, прикрепляли к волосам и телу электроды. В результате я весь был обмотан проводами, которые, в свою очередь, были подключены к металлическим шкафам — агрегатам с множеством счетчиков. На голову мне надевали наушники, затем я получал несколько внутривенных инъекций, после которых сознание слегка размывалось, и оставляли меня одного в кромешной темноте. В наушниках раздавался не-

*В. Высоцкий в Институте им. Склифосовского.
22 сентября 1974*

громкий мужской голос, монотонно бубнящий тексты, состоящие из обрывочных фраз: „Абстрактная живопись. Импрессионизм. Враг, враг, кругом враги... враги... кругом...“

Этот усыпляющий бубнеж время от времени прерывался оглушительными воплями: „Мать! Мать Отчизна!!! Родина! Родина!! Родина!!!“ И вместе с оглушающими воплями, раздающимися в туго прижатых к ушам наушниках, от которых, казалось, может разлететься череп, окружающая меня темнота взрывалась ослепительными разноцветными зигзагами, кругами, квадратами и пересекающимися линиями, вспыхивающими и многократно повторяющимися в овальном зеркале отражателя. И снова темнота, в голове сумбур из разноцветных линий и многоугольников, а в наушниках монотонное чтение обрывочных текстов... И так много, много часов подряд. Казалось, что больше я не смогу выдержать, заору, сойду с ума, забьюсь в истерику».

Колите, сукины сыны,
Но дайте протокол!

Я даже на колени встал,
Я к тазу лбом прижался.
Я требовал и угрожал,
Молил и унижался.

Но туже затянули жгут,
Вон вижу я — спиртовку жгут.
Все рыжую чертовку ждут
С волосатым кнутом.
Где-где, а тут свое возьмут.
А я гадаю, старый шут,
Когда же раскаленный прут —
Сейчас или потом?

Калился шабаш и лысел,
Пот лился горячо.
Раздался звон, и ворон сел
На белое плечо.

И ворон крикнул: «Nevermore!» —
Проворен он и прыток.
Напоминает — прямо в морг
Выходит зал для пыток.

Я слабо поднимаю хвост,
Хотя для них я глуп и прост:
«Эй! За пристрастный ваш допрос
Придется отвечать!
Вы, как вас там по именам, —
Вернулись к старым временам?
Но протокол допроса нам
Обязаны давать!»

И я через плечо кошу
На писанину ту:
«Я это вам не подпишу,
Покуда не прочту!»

Мне чья-то желтая спина
Ответила бесстрастно:
«А ваша подпись не нужна.
Нам без нее все ясно».

Сестренка, милая, не трусь!
Я не смолчу и не утрюсь,
От протокола отопрусь
При встрече с адвокатом.
Я ничего им не сказал,
Ни на кого не показал.
Скажите всем, кого я знал, —
Я им остался братом!

Он молвил, подведя черту:
Читай, мол, и остынь!
Я впился в писанину ту,
А там — одна латынь.

В глазах — круги, в мозгу — нули.
Проклятый страх, исчезни!
Они же просто завели
Историю болезни.

<конец 1975 — середина 1976>

Иллюстрация Г. Доре к балладе Э. По «Ворон»

И ворон крикнул: «Nevermore!» — Цитата из баллады Э. По «Ворон» (1844–1849): «Quoth the Raven „Nevermore“». (Пер. К. Бальмонта: «Каркнул Ворон: „Никогда“»; пер. М. Зенкевича: «Каркнул Ворон: „Nevermore!“».)

В спектакле Театра на Таганке «Антимиры» по произведениям А. А. Вознесенского была сцена из поэмы «Оза», представляющая собой вольную вариацию на сюжет баллады Э. По, в которой ворон на вопросы лирического героя отвечает на современный лад: «А на фиг?» (по рифме — еще более радикально). За ворона реплики в этой сцене подавал В. Высоцкий.

Ни на кого не показал. — Т. е. не предал.

Другие названия: «Про пугливого шизофреника», «Мой диагноз — паранойя», «Диагноз», «Про параноика», «О врачах».

Из выступления Владимира Высоцкого: «Называется песня „Перепутал“. Это есть история такая человека, который в законе мог жить только. Там еще дело в том, что он кричит, что „у вас, ребята, так не пройдет со мною номер, не пройдет, товарищи-ребятки! И протокол допроса нам обязаны давать!“ — он говорит. Он знает это дело. И вот он перепутал, и сразу обстановку ему напомнила, где, значит, он находится» (1978).

На стене висели в рамках бородатые мужчины... — Традиционный интерьер советского учреждения (в данном случае больницы), где стены были украшены портретами выдающихся представителей отрасли, к которой принадлежало учреждение. Здесь: знаменитые русские врачи. Упоминаемые в песне имена входят в состав названий ведущих медицинских учреждений Москвы и в разговорной речи москвичей часто употребляются как нарицательные обозначения соответствующих клиник.

Все в очечках на цепочках, по-народному — в пенсне... — Пенсне как раз является книжным наименованием названного вида очков, из фр. *pinse-nez* от *pinser* — защемить и *pez* — нос (очки без заушных дужек, держащиеся на носу посредством зажимающей переносицу пружины). Из упомянутых медицинских светил пенсне носили Н. В. Склифосовский и Н. И. Пирогов, которые на портретах, впрочем, изображались в очках. Советскому человеку был более знаком образ другого доктора в пенсне — А. П. Чехова, автора рассказа о сумасшедшем доме «Палата № 6».

Так что, если я не умер, — это все по их вине. — Полемически переиначенный оборот «благодаря им».

II. Никакой ошибки

На стене висели в рамках бородатые мужчины.

Все в очечках на цепочках, по-народному —

в пенсне,

Все они открыли что-то, все придумали вакцины,

Так что, если я не умер, — это все по их вине.

Доктор молвил: «Вы больны».

И меня заколотило,

И сердечное светило

Ухмыльнулось со стены.

Здесь не камера — палата,

Здесь не нары, а скамья.

Не подследственный, ребята,

А исследуемый я.

И хотя я весь в недугах — мне не страшно почему-то,

Подмахну давай, не глядя, медицинский протокол.

Мне известен Склифосовский — основатель

института,

Мне знаком товарищ Боткин — он желтуху избрал.

В положении моем

Лишь чудака права качает —

Доктор, если осерчает,

Дак упрячет в желтый дом.

Все зависит в доме оном

От тебя от самого:

Хочешь — можешь стать Буденным,

Хочешь — лошадыю его.

У меня мозги за разум не заходят, верьте слову, —
Задаю вопрос с намеком, то есть лезу на скандал:
«Если б Кащенко, к примеру, лег лечиться
к Пирогову,
Пирогов бы без причины резать Кащенко не стал...»

Но и врач не лыком шит —
Сдержан он и осторожен:
«Да, вы правы, но возможен
Ход обратный», — говорит.

Вот палата на пять коек,
Вот профессор входит в дверь,
Тычет пальцем: «Параноик!» —
И поди его проверь.

Хорошо, что вас, светила, всех повесили на стенку.
Я за вами, дорогие, как за каменной стеной.
На Вишневского надеюсь, уповаю на Бурденку —
Подтвердят, что не душевно, а духовно я больной.

Род мой крепкий — все в меня.
Правда, прадед был незрячий,
Крестный мой — белогорячий,
Но ведь крестный — не родня.

Доктор, мы здесь с глазу на глаз,
Отвечай же мне, будь скор:
Или будет мне диагноз,
Или будет приговор?

Доктор мой, и санитары, и светила — все смутились,
Законное светило закатилось за спиной.
И очки на цепочке как бы влагою покрылись,
У отца желтухи щечки вдруг покрылись желтизной.

А. А. Вишневский

И сердечное светило

Ухмыльнулось со стены... —

Скорее всего, имеется в виду Александр Александрович Вишневский (1906–1975), советский хирург, генерал-полковник медицинской службы. С 1948 директор института хирургии им. А. В. Вишневского АМН СССР и одновременно (с 1956) главный хирург Советской армии. В 1976 имя А. А. Вишневского было присвоено Центральному военному клиническому госпиталю (3-й ЦВКГ) в городе Красногорск Московской области.

Медицинский протокол. — Каламбур, по аналогии с милицейским протоколом.

Н. В. Склифосовский

Мне известен Склифосовский — основатель института... —

Склифосовский Николай Васильевич (1836–1904) — русский хирург. Внес значительный вклад в развитие военно-полевой хирургии. В 1923 имя Склифосовского присвоено Московскому научно-исследовательскому институту скорой помощи.

В. Высоцкий неоднократно бывал пациентом этого учреждения.

С. П. Боткин

Мне знаком товарищ Боткин — он желтуху избрел. — Боткин Сергей Петрович (1832–1889) — русский врач-терапевт, основоположник физиологического направления в клинической медицине, общественный деятель. Установил инфекционный характер заболевания — вирусного гепатита, известного ранее под названием «катаральная желтуха». В 1920 имя Боткина присвоено Московской городской клинической больнице.

Качать права (жарг.) — занимать агрессивную, наступательную позицию во время допроса, в том числе требовать соблюдения процессуальных норм и др.

Желтый дом (разг.) — психиатрическая больница. Идет от цвета стен Обуховской больницы в Санкт-Петербурге (основана в 1779), до 1828 имела психиатрическое отделение. В русском языке утвердилось с легкой руки А. С. Грибоедова, в комедии которого «Горе от ума» (1824) Загорецкий на вечере у Фамусова, обсуждая слух о сумасшествии Чацкого, восклицает: «Его в безумные упрятал дядя-плут... Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили».

Хочешь — можешь стать Буденным, Хочешь — лошадей его. —

Буденный Семен Михайлович (1883–1973) — советский военачальник, участник Гражданской войны, командующий Первой конной армией, один из первых Маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза.

Как отмечает А. В. Скобелев, после окончания Гражданской войны Буденный продолжал заниматься лошадьми, инспектировал кавалерию, организовывал конезаводы (была даже выведена «буденновская» порода лошадей), в течение ряда лет был главным редактором журнала «Коневодство и конный спорт», написал несколько книг о лошадях.

В 1947–1953 был заместителем министра сельского хозяйства по коневодству. В 1952–1959 редактировал пятитомник «Книга о лошади».

Выражение «лошадь Буденного» стало устойчивым и часто употреблялось в сравнительных оборотах — «старый, как лошадь Буденного», «израненный, как лошадь Буденного», «храпит, как лошадь Буденного» и т. п.

П. П. Кащенко

«Если б Кащенко, к примеру, лег лечиться к Пирогову, Пирогов бы без причины резать Кащенко не стал...» —

Кащенко Петр Петрович (1859–1920) — русский врач-психиатр, общественный и земский деятель, автор статей по психиатрии и организации психиатрической помощи. Заведующий в 1904–1906 Московской и в 1907–1917 Петербургской психиатрической больницами (ныне обе больницы носят его имя), превратил их в образцовые медицинские учреждения России.

Пирогов Николай Иванович (1810–1881) — русский ученый, врач, педагог и общественный деятель, член-корреспондент Российской АН (1847). Один из основоположников хирургии как научной медицинской дисциплины. Имя Пирогова носит Первая городская клиническая больница в Москве.

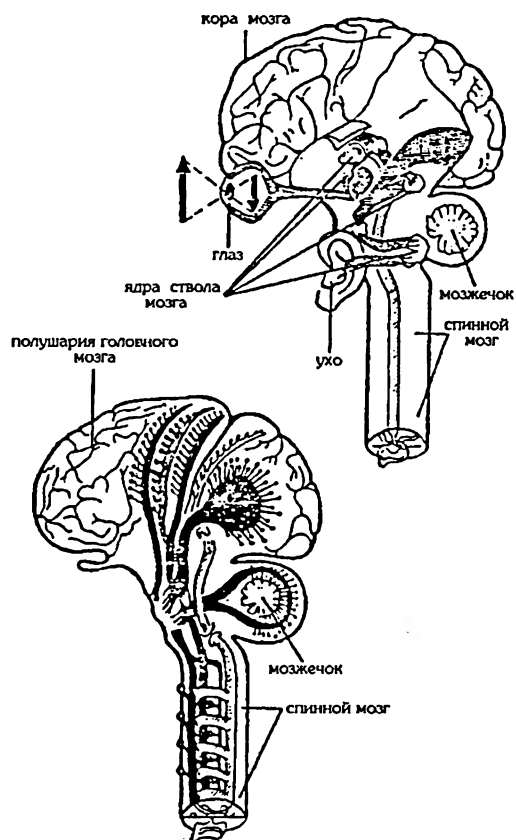

Н. И. Пирогов

И нависло острие,
В страхе съежилась бумага, —
Доктор действовал на благо,
Жалко, благо не мое.

Но не лист — перо стальное
Грудь проткнуло, как стилет:
Мой диагноз — паранойя,
Это значит — пара лет.

<начало–середина 1976>

Хорошо, что вас, светила, всех повесили на стенку. — Каламбур в духе черного юмора, обыгрывающий различные формы смертной казни — виселицу, расстрел (стенка).

А. В. Вишневский

На Вишневского надеюсь, уповаю на Бурденку... — Обыгрываются выражения «На Бога надейся, да сам не плошай», «Уповаю на милость Божию» (т. е. надеюсь, полагаюсь).

Вишневский Александр Васильевич (1874–1948) — русский советский хирург, действительный член АМН СССР (1947), заслуженный деятель науки РСФСР (1934). С 1947 директор Института хирургии АМН СССР, которому в 1948 присвоено имя Вишневского.

Бурденко Николай Нилович (1876–1946) — русский и советский хирург, организатор здравоохранения, основоположник российской нейрохирургии. Главный хирург Красной армии в 1937–1946, академик АН СССР (1939), академик и первый президент АМН СССР (1944–1946), генерал-полковник медицинской службы. В 1946 имя Бурденко было присвоено Главному военному клиническому госпиталю.

Н. Н. Бурденко

**Или будет мне диагноз,
Или будет приговор? —**

Имеется в виду так называемая карательная психиатрия, получившая в СССР юридическое обоснование и широкую практику применения в отношении инакомыслящих в 1960–1980-е. В 1961 вступила в действие инструкция «По неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность». В соответствии с вступившим в действие тогда же новым УК РСФСР к действиям, представлявшим «общественную опасность», приравнивались в том числе «антисоветская агитация и пропаганда» (ст. 70), «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст. 190.1), «надругательство над государственным гимном или флагом» (ст. 190.2), «организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих порядок» (ст. 190.3). В статье 58 нового УК РСФСР указывалось: «К лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, но заболевшим до вынесения приговора или во время отбывания наказания душевной болезнью, лишаящей их возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, судом могут быть применены следующие принудительные меры медицинского характера: 1) помещение в психиатрические больницы общего типа; 2) помещение в психиатрические больницы специального типа». Как говорилось выше, среди пострадавших от карательной психиатрии был и М. М. Шемякин.

**Мой диагноз — паранойя,
Это значит — пара лет. —**

Срок пребывания больного на излечении в стационаре. Паранойя — психическое заболевание, характеризуется подозрительностью и хорошо обоснованной системой сверхценных идей, приобретающих при чрезмерной выраженности характер бреда.

*В. Высоцкий на репетиции «Гамлета».
Венгрия. Октябрь 1976*

III. История болезни

Вдруг словно канули во мрак
Портреты и врачи.
Жар от меня струился, как
От доменной печи.

Я злую ловкость ощутил,
Пошел как на таран,
И фельдшер еле защитил
Рентгеновский экран.

И горлом кровь, и не уймешь, —
Залью хоть всю Россию.
И крик: «На стол его, под нож!
Наркоз, анестезию!»

Мне шею обложили льдом,
Спешат, рубаху рвут.
Я ухмыляюсь красным ртом,
Как на манеже шут.

Я сам себе кричу: «Трави! —
И напрягаю грудь, —
В твоей запекшейся крови
Увязнет кто-нибудь!»

Я б мог, когда б не глаз да глаз,
Всю Землю окровавить.
Жаль, что успели медный таз
Не вовремя подставить.

Уже я свой не слышу крик,
Не узнаю сестру.
Вот сладкий газ в меня проник,
Как водка поутру.

*М. Влади, В. Высоцкий и врач В. Прядкин
в Институте им. Вишневского. Октябрь 1975*

Из выступления В. Высоцкого: «Я даже хотел... успеть написать пару песен про врачей, про сестер ночных и дневных. Но это все на подходе, пока есть одно четверостишие, которое я не знаю, куда я его вставлю. Это в тот момент, когда мне было совсем плохо, придумалось мне такое четверостишие: „Лежу на сгибе бытия, / На полдороге к бездне, — / И вся история моя — / История болезни...“ Я думаю, что это будет припевом. Но теперь, как выяснилось, что ничего подобного — история здоровья тоже существует...» (1976).

Ранняя редакция имела иной порядок строф и содержала дополнительные строфы:

Очнулся я — на теле швы, —
Медбрат меня кормил.
И все врачи со мной на «вы»,
И я с врачами мил.

Нельзя вставать, нельзя ходить, —
Молись, что пронесло!
Я здесь баклуш могу набить
Несчетное число.

Мне здесь пролеживать бока
Без всяческих общений:
Моя кишка пока тонка
Для острых ощущений.

*И горлом кровь, и не уймешь, —
Залью хоть всю Россию.* —

Символически осмысленная автобиографическая деталь, относящаяся к лету 1969. Из дневника В. С. Золотухина: «24 июля был у Высоцкого с Мариной, Володя два дня лежал в Склифосовского. Горлом кровь хлынула. Марина позвонила Бадалян. „Скорая“ приехала через час и везти не хотела: боялись, умрет в дороге. Володя лежал без сознания на иглах, уколах. Думали: прободение желудка, тогда конец. Но, слава Богу, обошлось. Говорят, лопнул какой-то сосуд. Будто литр крови потерял, и долили ему чужой. Когда я был у него, он чувствовал себя „прекрасно“, по его словам, но говорил шепотом, чтоб не услышала Марина. А по Москве снова слухи, слухи...»

И крик: «На стол его, под нож!» — Выражение «под нож» имеет также значение «уничтожение, утилизация типографской продукции», в СССР «под

Цветастый саван скрыл и зал,
И лица докторов.
Но я им все же доказал,
Что умственно здоров.

Слабею, дергаюсь и вновь
Травлю, но иглы вводят
И льют искусственную кровь, —
Та горлом не выходит.

Хирург, пока не взял наркоз,
Ты голову нагни.
Я важных слов не произнес,
Послушай, вот они:

Взрезайте с богом, помолясь,
Тем более бойчей,
Что эти строки не про вас,
А про других врачей.

Я лег на сгибе бытия,
На полдороге к бездне,
И вся история моя —
История болезни.

Я был здоров, здоров как бык,
Как целых два быка.
Любому встречному в час пик
Я мог намять бока.

Идешь, бывало, и поешь,
Общаешься с людьми...
Вдруг — крик! На стол тебя, под нож, —
Допелся, черт возьми!

«Не надо нервничать, мой друг, —
Врач стал чуть-чуть любезней, —
Почти у всех людей вокруг
Истории болезней».

Все человечество давно
Хронически больно —
Со дня творения оно
Болезь обречено.

Сам первый человек хандрил,
Он только это скрывал.
Да и Создатель болен был,
Когда наш мир творил.

Вы огорчаться не должны —
Для вас покой полезней,
Ведь вся история страны —
История болезней.

У человечества всего —
То колики, то рези.
И вся история его —
История болезней.

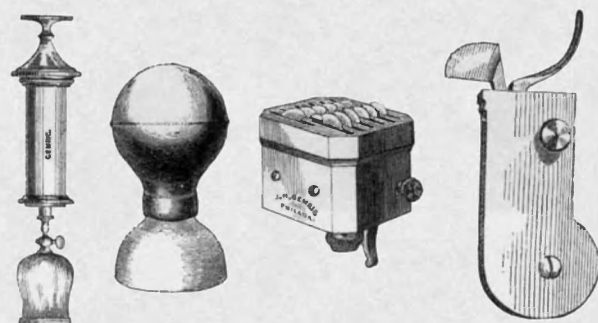
Живет больное все бодрей,
Все злей и бесполезней
И наслаждается своей
Историей болезни.

<до августа 1976>

нож» попадали произведения идеологически чуждых советской власти писателей; в широком смысле обозначало цензурные преследования вообще.

Я сам себе кричу: «Трави!» — имеется в виду медицинская команда-подсказка, нацеленная на побуждение пациента к искусственному вызыванию рвотного позыва, в то же время обыгрывается и значение охотничьей команды «Трави!», означающей начало погони за дичью.

Анестезия (греч. *anaesthesia*, от *an* — отрицательная частица и *áisthēsis* — чувство) — частичная или полная потеря чувствительности, применяется в медицинских целях как обезболивающее средство.

Старинные инструменты для кровопускания

**Жаль, что успели медный таз
Не вовремя подставить. —**

Действие, обычно применявшееся в медицине при кровопускании из вен, с целью снижения артериального давления. В русской поэзии нашло символическое обобщение в стихотворении М. И. Цветаевой (1934):

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской,

Через край — и мимо
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

Из интервью фотографа Театра на Таганке А. Стернина С. В. Жильцову: «Высоцкий не был наркоманом в современном смысле слова, т. е. человеком, употребляющим наркотики с целью дополнительного возбуждения сил, допинга. Нельзя любое привыкание или привязанность называть наркоманией. То, что принимал Высоцкий, — были советские лекарства, советского производства того времени, которые, правда, можно было достать только через врачей; обезболивающие, которые давали больным раком. Это были промидол, понталон — слабые морфины. Морфинисты начала XX века кололись куда более значительными дозами. Это были обезболивающие, и применял он их именно как обезболивающие. Он страдал от болей, от язвы, да и общее перенапряжение сказывалось. Все разговоры о том, что он что-то такое добывал себе и привозил из-за границы, — чушь собачья... В последних спектаклях Владимир отыгрывал свой эпизод и за кулисами сидел закрыв глаза, не общаясь ни с кем, медленно копил силы. Человек в наркотическом возбуждении не стал бы так себя вести, он был бы оживлен, глаза блестели. Это не то совершенно. Промидол, понталон не вызывают возбуждения, это болеутоляющие... Но привыкание, конечно, было».

Братья Стругацкие — Аркадий Натанович Стругацкий (1925–1991) и Борис Натанович Стругацкий (р. 1933), советские писатели, соавторы, сценаристы, классики современной научной и социальной фантастики. Большой любитель фантастики, Высоцкий в 1960-е читал многие произведения Стругацких, в 1966 состоялось их личное знакомство, а в 1968 во время поездки в Ленинград Высоцкий побывал в гостях у братьев Стругацких.

* * *

Меня опять ударило в озноб,
Грохочет сердце, словно в бочке камень.
Во мне живет мохнатый злобный жлоб
С мозолистыми цепкими руками.

Когда мою заметив маету,
Друзья бормочут: «Снова загуляет», —
Мне тесно с ним, мне с ним невольно!
Он кислород вместо меня хватает.

Он не двойник и не второе «я»,
Все объясненья выглядят дурачки, —
Он плоть и кровь — дурная кровь моя —
Такое не приснится и Стругацким.

Он ждет, когда закончу свой виток,
Моей рукою выведет он строчку, —
И стану я расчетлив и жесток
И всех продам — гуртом и в одиночку.

Я оправданья вовсе не ищу, —
Пусть жизнь уходит, ускользает, тает.
Но я себе мгновенья не прощу,
Когда меня он вдруг одолевает.

И я собрал еще остаток сил,
Теперь его не вывезет кривая:
Я в глотку, в вены яд себе вгоняю —
Пусть жрет, пусть сдохнет — я перехитрил.

<весна 1979>

* * *

Общаюсь с тишиной я,
Боюсь глаза поднять,
Про самое смешное
Стараюсь воспомина<ть>.

Врачи чуть-чуть поахали:
«Как? Залпом? Восемьсот?»
От смеха ли, от страха ли
Всего меня трясет.

Теперь я — капля в море,
Я — кадр в немом кино,
И двери — на запоре,
А все-таки смешно.

Воспоминанья кружатся,
Как комариный рой,
А мне смешно до ужаса,
Но ужас мой — смешной.

Виденья все теснее,
Страшат величиной:
То — с нею я, то — с нею...
Смешно! Иначе — ной.

Не сплю — здоровье бычее,
Витаю там и тут,
Смеюсь до неприличия
И жду — сейчас войдут.

Халат закончил опись
И взвился — бел, крылат...
«Да что же вы смеетесь?» —
Спросил меня халат.

С 10 мая по 13 июня 1980 Высоцкий в последний раз побывал в Париже. Из книги М. Влади «Владимир, или Прерванный полет»: «Пытаюсь собрать воедино беспорядочные картинки последних дней: мое беспокойство, когда ты не приехал в назначенный день, бесполезные звонки, ожидание, бессилие, твое исчезновение между Парижем и Москвой и — однажды ночью — звонок моей подруги. Ты уже несколько часов в Париже — в одном из русских ресторанов, — и дело плохо, надо ехать за тобой. Я бужу Петю — мне нужна помощь. Мы находим тебя на банкетке, обитой красным плюшем, в самом темном углу. С тобой гитара и чемодан, ты похож на отставшего от поезда пассажира.

Наш добрый доктор Поль Онигман не может ничего сделать — тебя нужно класть в больницу. В коридоре доктор Дюгарен смотрит на меня и спрашивает:
— На этот раз кто это?
— Мой муж.
— Бедняжка...

В. Высоцкий на концерте в Лыткарине. 3 июля 1980

В том же коридоре несколько лет назад находился мой старший сын.

Прошло время. Ты приходишь в сознание, а дальше — угрызения совести, отчаяние и, наконец, открытый разговор со мной. Я отказалась, несмотря на советы врачей, оставить тебя в специальной клинике. Быть может, я должна была на это решиться. Но могла ли я посягнуть на твою свободу, которой ты дорожил больше жизни?..

Ты попросил меня: „Уедем вдвоем, уедем далеко, ты вылечишь меня, как раньше, как всегда...“ И вот — мы на юге Франции в маленьком доме моей сестры Одиль. Тишина, холод, спрятанные в саду бутылки, успокоительные пилюли, которые никого не успокаивают, и вокруг — огромное пространство, которое для тебя не более чем пустота. И обрывки фраз: „Я уеду, я больше не могу, я больше не хочу, это слишком тяжело, хватит“. И моя сила воли изнашивается, как тряпка, меня охватывает усталость, и отчаяние заставляет меня отступить. Мы уезжаем».

Но ухмыляюсь грязно я
И — с маху на кровать:
«Природа смеха — разная,
Мою — вам не понять.

Жизнь — алфавит, я где-то
Уже в "це", "че", "ш<а>", "ще".
Уйду я в это лето
В малиновом плаще.

Попридержусь рукою я
[Чуть-чуть] за букву "я",
В конце побеспокою я», —
Сжимаю руку я.

Со мной смеются складки
В малиновом плаще.
«С покойных взятки гладки», —
Смеялся я вообще.

Смешно мне в голом виде лить
На голого ушат,
А если вы обиделись,
То я не виноват.

Палата — не помеха,
Похмелье — ерунда!
И было мне до смеха —
Везде, на все, всегда.

Часы тихонько тикали,
Сюсюкали: сю-сю...
Вы — втихаря хихикали,
А я — давно вовсю.

<май 1980>

Литературно-художественное издание

ВЫСОЦКИЙ ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ

КАЮСЬ! КАЮСЬ! КАЮСЬ!

Ответственный редактор *Нина Беляева*
Художественный редактор *Александр Яковлев*
Корректор *Алевтина Борисенкова*
Верстка *Александра Яковлева*

Подписано в печать 22.12.2011.
Формат издания 84×100¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,48. Тираж 62 000 экз.
Изд. № 10478. Заказ № 0644/11.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
www.amphora.ru, e-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь.
www.pareto-print.ru

ВЫСОЦКИЙ

СПАСИБО, ЧТО ЖИВОЙ

ВЕСЬ ВЫСОЦКИЙ

Вот и сбывается все, что пророчится...
каюсь! каюсь! каюсь!
не кричи нежных слов, не кричи...
лови ветер всеми парусами!
приготовьтесь — сейчас будет грустно...
лукоморья больше нет...
любой из нас — ну чем не царюлек?
больно мне за наш СССР...
летела жизнь в плохом автомобиле...
я был душой дурного общества...
выйти живым из боя...

В . В Ы С О Ц К И Й .

ДИРЕКЦИЯ
КИНО

Ф | амфора
amphora.ru

В оформлении первой полосы обложки использована фотография из архива Н. М. Высоцкий.
В оформлении корешка и четвертой полосы обложки использована фотография Валерия Плотникова.